Д. А. Морозов

О них не упоминалось в сводках

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Каждый день Великой Отечественной войны рождал десятки и сотни подвигов. О всех людях, совершавших героические дела, просто невозможно было упомянуть в сводках. Но имена мужественных защитников нашей Родины не забыты, и они заслуживают, чтобы их знали все. Им, самоотверженным труженикам войны — артиллеристам, пехотинцам и морякам, своим боевым друзьям, — посвящает эту книгу Дмитрий Алексеевич Морозов. Автор — по профессии артиллерист — воевал на Западном, Волховском, Карельском и Дальневосточном фронтах, последовательно занимая должности помощника начальника штаба артиллерии дивизии, командира противотанкового дивизиона, командующего артиллерией морской бригады, начальника оперативного отдела штаба артиллерии фронта. Награжден пятнадцатью орденами и медалями. Член КПСС.

- Дмитрий Морозов
  - ○ ■ Навстречу врагу
    ■ Тяжкий путь
    ■ Опыт, оплаченный кровью
  - ○ ■ Моряки рвутся в бой
    ■ Они сделали все, что смогли
    ■ Ворота в Ленинград
    ■ Синявинские высоты
    ■ В штабе фронта
  - ○ Фотоиллюстрации
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4

Дмитрий Морозов
О НИХ НЕ УПОМИНАЛОСЬ В СВОДКАХ

Дмитрий Алексеевич
МОРОЗОВ

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

ПОЛКОВНИК
Д. А. МОРОЗОВ

О НИХ НЕ УПОМИНАЛОСЬ В СВОДКАХ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА · 1965

НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

Навстречу врагу

В мае 1941 года штаб артиллерии и все артиллерийские части 55-й стрелковой дивизии выехали в Уреченские лагеря, расположенные километрах в пятнадцати к востоку от Слуцка. Оказавшись на новом месте, подразделения сразу приступили к занятиям.

Начальник штаба артиллерии нашей дивизии капитан Ф. И. Деревенец отличался беспокойным характером и большим трудолюбием. Своим помощникам — мне, старшему лейтенанту Радченко и младшему лейтенанту Макарову — он давал столько заданий и поручений, что мы едва успевали выполнять их.

Дел было много. Мы планировали учебу, контролировали ход боевой подготовки и внутренний порядок в артиллерийских частях, учились сами. Набегаешься, бывало, за день так, что к вечеру ног не чувствуешь.

Жил я в маленьком домике, сколоченном из досок и фанеры. Вместе со мной — шестилетняя дочь Римма, давно уже оставшаяся без матери. Когда я работал в штабе, Римма играла возле крыльца. Это было ее излюбленное место. Иногда она исчезала, но я не волновался за нее: она убегала в штабную батарею, в гости к «дяде Коле». Разведчик Николай Семенихин, недавно прибывший к нам из другой части, умел и любил в свободное время развлекать Римму.

Многие командиры и бойцы, скучавшие по своим детям, охотно играли с девочкой. Но самой старшей и внимательной «няней» оказался начальник артиллерии дивизии полковник Сергей Иванович Семенов. Он часто брал Римму с собой в столовую, баловал сладостями. На время учений полковник отвозил девочку в Слуцк к своей жене. У них умер единственный сын, и больше детей они не имели. К Римме они привыкли, полюбили ее.

Мужчине, особенно военнослужащему, трудно одному растить ребенка. Я был очень благодарен товарищам, помогавшим мне.

Для меня это было счастливое время. Я любил свое дело, свой коллектив, намеревался подать рапорт о поступлении в военную академию.

На рассвете 22 июня полковник Семенов, младший лейтенант Макаров и я отправились на рыбалку. Едва подъехали к реке — услышали нарастающий гул самолетов.

— Выходной день, а авиаторы наши трудятся. Наверное, учение какое-нибудь, — сказал Саша Макаров.

— Им теперь суток не хватает. Осваивают новые машины. А сегодня погодка хорошая, вот и ловят момент, — пояснил Семенов.

— Десять… двадцать… тридцать, — считал я черные точки, двигавшиеся навстречу восходящему солнцу.

— Больше полка! — удивился Саша.

— Это не наши, немецкие! — встревоженно воскликнул я, увидев в бинокль кресты на крыльях машин.

— Дайте сюда! — Семенов выхватил у меня бинокль. — Точно! Фашистские бомбардировщики! Что это значит?

— Если бы война, то наши «ястребки» давно бы их перехватили и растрепали. Такую махину не заметить нельзя, — успокоительно сказал Макаров.

— Резонно! — согласился Семенов. — Но я все-таки на всякий случай вернусь в лагерь. А вы пока оставайтесь.

Полковник уехал. Скрылись за горизонтом самолеты. Вокруг было тихо, но настроение испортилось. Не до рыбалки! Часа через полтора за нами пришла машина.

— Приказано срочно прибыть в штаб, — сказал шофер Акимушкин.

Когда мы вернулись в лагерь, там заканчивались последние приготовления. Исчезли палатки, опустели коновязи и артиллерийский парк. Мы узнали, что возвращаемся на зимние квартиры, где будем ждать дальнейших указаний. Личному составу выданы боевые патроны, однако по немецким самолетам стрелять не разрешено.

Деревенец приказал мне отвезти дочь в Слуцк и немедленно явиться в штаб дивизии.

Я не испытал чувства страха и даже особого огорчения, узнав о начале войны. Мы, молодые командиры, восприняли это известие даже с воодушевлением. Каждый из нас мечтал о подвигах, и вот эта пора пришла.

Мы знали, что Красная Армия сильна и могуча. Наша 55-я стрелковая дивизия имела не только отличные кадры и хорошее вооружение, но и славные боевые традиции, зародившиеся еще в годы гражданской войны. Она участвовала в освободительном походе в Западную Белоруссию, потом дислоцировалась на границе, в Брестской крепости, и лишь недавно была отведена в Слуцк.

Мы верили, что разобьем противника на его собственной территории — малой кровью, могучим ударом. Так пелось в песне, и так нас учили в то время…

Капитан Деревенец встретил меня на лестнице штаба:

— Берите карту и бегите в оперативное отделение. Там уже

марш планируют. А я артснабженцами займусь.

У операторов было людно и шумно. Начальник отделения капитан А. М. Зуев со своим помощником капитаном А. Б. Маркиным едва успевали отвечать на вопросы начальников служб и других отделений штаба. Каждый хотел быстрее нанести на карту обстановку, выяснить то, что волновало его.

— Кстати пришли, товарищ Морозов, — сказал Зуев. — Быстренько готовьте расчеты на марш для артиллерии.

Дивизия получила приказ сосредоточиться в районе Березы-Картузской, в ста километрах от Бреста. Стрелковым полкам округ подавал автотранспорт, и они должны были прибыть на место к 24 июня. Артиллерия на конной тяге совершала 200-километровый марш своим ходом и сосредоточивалась к исходу 26 июня. Сведений о противнике мы не имели.

Я принялся изучать маршруты и переносить на свою карту. Один из них проходил по прямому как стрела шоссе Слуцк — Брест. Другой — северный — извилистой линией шел через Несвиж, Барановичи, Ружаны. Измерив расстояние, я сделал необходимые расчеты, заготовил распоряжения артиллерийским частям: когда выступить, когда пройти исходный рубеж, где и на какое время остановиться на дневки.

К концу работы в оперативное отделение пришел полковник Семенов. Он проверил и утвердил составленные мной документы, потом обратился к капитану Зуеву:

— Какие новости?

— Пока никаких указаний не поступало, — ответил тот. — С армией связи нет. Боюсь, что наша дивизия прибудет к шапочному разбору. Без нас там всё закончат.

— Вряд ли. Это не Хасан, тут большой войной пахнет, — ответил Семенов и, повернувшись ко мне, распорядился: — Передайте Деревенцу, что я поехал в полки. Готовьтесь к маршу. Держите связь с операторами и разведчиками.

Подойдя к дверям, он добавил:

— Дочь вашу возьмет моя жена. Если что, так вместе в Курск поедут. (В Курске до 1939 года стояла наша дивизия).

Красноармейцы выносили ящики с имуществом и документами. Комендант штаба лейтенант А. И. Жаденов бегал с одного этажа на другой. Из окон виднелся городок стрелкового полка. Там тоже шли сборы: бойцы скатывали шинели, грузили в повозки боеприпасы.

«А вдруг налетит авиация? — мелькнула у меня мысль. — Вот наделает она дел при такой скученности!..»

Я решил позвонить в штабы артполков, которые размещались в отдельных городках восточнее Слуцка. На мое предупреждение

командир 84-го артполка майор И. К. Воропаев ответил обиженным тоном:

— Ты что, за дураков нас принимаешь? Все подразделения давно уже выведены.

Зато в 141-м артполку батареи находились еще в городке. Начальник штаба капитан Кряжев пообещал рассредоточить полк и пожаловался на то, что приписной состав собирается медленно. Плохо и с автотранспортом, который должен был прибыть из народного хозяйства…

Едва забрезжил рассвет, наша колонна выступила из города.

В пятидесяти километрах от Слуцка штаб дивизии остановился на дневку около деревни Нагорное. Шоссе опустело. Войска укрылись в лесных массивах. Только отдельные автомашины и повозки ехали на восток. Стали появляться первые беженцы. Фашистские самолеты безнаказанно расстреливали детей и женщин, а мы ничем не могли помочь им. С нами не было даже зенитного дивизиона. Он находился на полигоне в районе Крупки (восточнее Борисова), где были сосредоточены зенитные дивизионы всех дивизий Западного особого военного округа.

Во второй половине дня вместе с полковником Семеновым я выехал в расположение 84-го артполка. Он находился на привале недалеко от Несвижа, в двадцати пяти километрах к северу от штаба. В полку все было в порядке. Семьдесят километров артиллеристы прошли за четырнадцать часов. После четырехчасового отдыха полк должен был двигаться дальше.

До перевода в штаб я два года прослужил в этом полку, знал многих командиров и политработников. Мне очень хотелось повидаться со старыми друзьями. В редком лесу я разыскал хорошо замаскированную батарею, которой раньше командовал. Сколько знакомых лиц! Политрук Алексей Шлеев проводил беседу с комсомольцами батареи. Я не стал ему мешать, а пошел к командиру батареи Виктору Эрнстовичу Шомоди. Лейтенант Шомоди проверял в это время состояние конского состава. Сам отличный наездник, он очень любил лошадей. Сейчас он сердито выговаривал разведчику, сбившему холку коню.

— Как это вы умудрились? Мешком всю дорогу сидели!

— Сам не понимаю, — оправдывался огорченный красноармеец.

— До следующего привала вести в поводу, без седла, раз за год ездить не научились! — распорядился лейтенант.

Шомоди — мадьяр по национальности. При первом знакомстве я невольно обратил внимание на его красивое лицо, стройную, подтянутую фигуру. У меня в батарее Шомоди был

лучшим командиром огневого взвода. Мне нравился этот на редкость честный, трудолюбивый и жизнерадостный человек. В полку он был всеобщим любимцем. В мае 1940 года, когда меня назначили начальником штаба дивизиона, я передал батарею Шомоди. Он хорошо справлялся со своими новыми обязанностями.

Перед заходом солнца мы с полковником Семеновым вернулись в район Нагорного, но штаба своего не нашли. Попав под бомбежку, он переехал на другое место. Только ночью мы догнали его на марше.

С рассветом командир дивизии полковник Д. И. Иванюк выехал к командующему 4-й армией. От 111-го и 107-го стрелковых полков, переброшенных вперед автотранспортом, донесений о соприкосновении с противником не поступало. Разведка тоже ничего не сообщала о немцах. На остановках и привалах мы расспрашивали беженцев, которых появлялось на дороге все больше и больше, о том, что делается впереди. Но они, усталые и растерянные, давали самые противоречивые сведения. Одни говорили, что немцы заняли Кобрин, другие утверждали, что противник захватил Пружаны и Березу-Картузскую, то есть уже вышел в тот район, где должна была сосредоточиться наша дивизия.

Встречные автомашины мешали движению. Наша скорость уменьшилась. В кузовах машин сидели не только женщины и дети, но и военнослужащие. Все было так необычно, что никто из нас не догадался остановить машины, собрать этих бойцов, почему-то едущих на восток, и влить их в состав дивизии. А ведь наши роты и батареи нуждались в доукомплектовании.

На одном из привалов мы задержали грузовую автомашину, до отказа набитую людьми в военной форме.

— Кто старший? — спросил капитан Деревенец.

«Пассажиры» переглянулись. Старшего среди них не было. Каждый ехал сам по себе.

— Куда вы направляетесь? — обратился Деревенец к капитану в форме летчика.

— Пока в Бобруйск, — ответил он. — Там, наверное, дадут самолеты.

— А где ваши машины?

— Разбиты на аэродроме. Вчера утром, — капитан озлобленно махнул рукой. — Немцы налетели неожиданно, мы еще спали. А машины новые были…

— В Кобрине тоже аэродром разбит, — сказал другой летчик.

Деревенец огорченно вздохнул. До сих пор мы удивлялись, почему немцы летают в нашем небе, как у себя дома, почему нет в

воздухе наших самолетов. Слова летчиков отчасти раскрыли эту загадку.

В этой же автомашине находился и легкораненый сержант Алексей Смирнов из саперного батальона нашей дивизии, строившего укрепленный район на границе. Рассказ сержанта еще больше огорчил нас. Оказалось, что мощные сооружения не были заняты своевременно советскими войсками и не оправдали тех надежд, которые возлагало на них командование. В первые часы войны укрепления очутились в тылу у противника. А наша дивизия, как и некоторые другие, осталась без саперного батальона…

Постепенно поток беженцев и встречных машин пошел на убыль. Часам к десяти дорога совсем опустела. Мы сделали малый привал. Позади осталось еще пятьдесят километров.

Начальник штаба дивизии подполковник Г. А. Тер-Гаспарян вызвал в голову колонны штабных командиров. Рядом с подполковником стоял заместитель начальника отдела политпропаганды дивизии батальонный комиссар И. В. Опытов.

Тер-Гаспарян познакомил нас с обстановкой. Оказалось, что вчера вечером противник прорвался к Березе-Картузской, а сегодня утром его передовые части подошли к реке Щара, южнее населенного пункта Бытень. Войска 4-й армии отходят под натиском превосходящих сил фашистов. Положение сторон в данный момент не совсем ясно. 111-му стрелковому полку со средствами усиления приказано занять оборону перед рекой Мышанка. 107-й стрелковый полк прошел Барановичи, туда выехал сам командир дивизии. 228-й стрелковый полк находится во втором эшелоне и будет введен в бой там, где этого потребуют обстоятельства.

В заключение Тер-Гаспарян предупредил командиров:

— Дивизия оказалась на острие удара немецких бронированных частей. Задержать их — наша главная задача.

— Да, товарищи, обстановка очень трудная! — добавил батальонный комиссар Опытов. — Отступать нельзя. Надо сделать все, чтобы нанести врагу наибольший урон… Коммунистам быть впереди!

Колонна штаба свернула в сторону, в лес. Тер-Гаспарян с группой командиров выехал вперед. Мы с Деревенцом последовали за ним. Километра через четыре остановились у безымянной высотки, разрезанной пополам дорожной выемкой.

Знакомое место! Здесь 18 сентября 1939 года, во время освободительного похода в Западную Белоруссию, я похоронил своего друга Костю Туманова. Его сразила пуля польского

стражника, посланная из засады. Вот и могила — зеленый курганчик слева от дороги.

Мы с Костей были знакомы еще до армии, потом служили в одном артполку. Погиб он на моих глазах. А теперь я снова оказался возле его могилы…

111-й стрелковый полк, развернувшись с марша, залег по обе стороны от шоссе, на краю колосившегося ржаного поля. Впереди расстилалась широкая долина, поросшая кустарником. Справа — деревня Завинье. Сзади тянулись вдоль дороги деревянные домики деревни Мариново. За ней начинался лес. Рубеж, занятый полком на безымянных высотках, был выгоден для обороны: с него хорошо просматривались все подходы к нашим позициям. Метрах в пятидесяти от дороги устроил во ржи свой наблюдательный пункт командир 141-го артполка майор Г. В. Серов.

Увидев меня, Серов крикнул:

— Передай полковнику: третий дивизион занял огневые позиции. Готов к открытию огня. Первый и второй дивизионы на подходе!

Я отправился к полковнику Семенову. На шоссе появился броневик. Он остановился около нас. Из него вылез запыленный и мокрый от пота командир роты разведбатальона дивизии.

— Товарищ подполковник! — обратился он к Тер-Гаспаряну. — Рота в девять тридцать попала в засаду. Три немецких танка подбили… Наши тоже там остались…

— А как же ты уцелел? — спросил Тер-Гаспарян.

— Не знаю… Водителя убило, сам вел машину…

— Где это случилось?

Командир роты показал место на карте.

— Значит, через полчаса — час немцы появятся здесь, — сделал вывод Тер-Гаспарян. — А наши войска видели?

— По проселку двигалось несколько подразделений, а около шоссе стоят семь танков без горючего.

— Надеяться нам не на кого, только на самих себя, — хмурясь, сказал Тер-Гаспарян. — Штаб армии переезжает сейчас в район Синявки. Где и какие части воюют — неизвестно. Соседей у нас нет.

— С правой колонной дивизии связь установить не удалось, — доложил подошедший Деревенец. — Радиостанция не — берет…

Подполковник молча кивнул.

Нам было видно, как в боевых порядках стрелкового полка развертывается 129-й противотанковый дивизион капитана Петра Петровича Остащенко. Одна батарея заняла позицию на самом

переднем крае; две другие — в глубине, на опушке леса.

Полковник Семенов приказал мне проверить готовность артиллеристов к открытию огня. Начал я с той батареи, которая стояла на безымянной высоте, на одной линии с передовыми подразделениями пехоты. Орудия были хорошо замаскированы. Настроение у бойцов бодрое, приподнятое. Наводчик 2-й батареи Котрунов сказал: «Если придется умереть за Родину, то умру коммунистом». Он, как и несколько других красноармейцев, подал заявление о приеме в партию.

«Эти не подведут. Люди надежные, смелые, — решил я. — Но как они будут стрелять по танкам?» Им, конечно, доводилось бить на полигоне по фанерным макетам. Но они, как и я, имели смутное представление об отражении настоящей танковой атаки. Как бы угадав мою мысль, командир батареи лейтенант С. П. Утешев произнес негромко:

— На поверках стреляли отлично. Промахов, надеюсь, не будет.

— Самое главное — выдержка.

— Позиций не покинем. До последнего снаряда! — решительно сказал лейтенант. А Сергей Утешев был из тех людей, которые не бросают слов на ветер.

Обойдя все двенадцать орудий, я отправился по ржаному полю в расположение полковой батареи 76-миллиметровых пушек. Вместе с ее командиром младшим лейтенантом Воробьевым мы проверили все четыре орудия. Позиции оказались удачными: с них можно было простреливать всю лежавшую впереди местность и подходы к деревне Завинье.

Лучше других подготовился к бою расчет, которым командовал сержант В. Н. Рассказов. Наводчик грузин Моховишвили, весь посеревший от пыли и перепачканный в смазке, улыбаясь, спросил меня:

— Как, товарищ командир, дадим врагу прикурить?

— Это от вас зависит.

— Мазать не будем. Пока живы будем, стрелять будем!

Закончив обход, я вернулся на безымянную высотку. Там по-прежнему находились Тер-Гаспарян, Семенов и Деревенец. Они о чем-то оживленно разговаривали.

Около курганчика — могилы Кости — стоял броневик. Тут же лежали на траве бойцы отделения разведки вместе со своим сержантом Ефимовым. Ни разведчики, ни командиры, в том числе и я, — никто не догадался отрыть хотя бы неглубокие окопчики. Ни у кого не возникло даже мысли об этом. Мы еще не верили, что в нас будут стрелять и могут убить. Мы не прониклись сознанием опасности. Люди испытывали не боязнь, а

любопытство и легкое возбуждение.

Я присел около стереотрубы, осмотрел лежавшую впереди местность, но ничего подозрительного не обнаружил. Видимость была плохой: воздух дрожал от зноя, горизонт тонул в мутноватой дымке. Солнце нещадно припекало. Было тихо, только жаворонки звенели высоко в небе.

Всех нас мучила жажда. Мы были благодарны жителям соседних деревень. Они приносили бойцам ведра с колодезной водой. Старушка, жившая в крайнем от высоты домике, принесла нам холодного молока. Подполковник Тер-Гаспарян еще не успел опорожнить кринку, как сержант Ефимов, наблюдавший в стереотрубу, доложил:

— Вижу три бронемашины!

Действительно, по шоссе двигались броневики. Наши или немецкие — разобрать было трудно. Вот машины остановились. Из них выскочили солдаты.

— Немецкая разведка! — определил Тер-Гаспарян.

Через несколько минут на шоссе появилось до десятка грузовиков с пехотой. Не доезжая до нас с километр, автомашины свернули в кустарник и скрылись в нем.

Впереди завязалась перестрелка. Боевое охранение 111-го стрелкового полка вступило в бой.

— Деревенец! Езжайте в штаб. Я тут с Морозовым останусь. Держите связь с нами и полками, — приказал Семенов.

Над нашими позициями пролетели немецкие самолеты. Это, вероятно, были разведчики. Они сделали несколько кругов и унеслись на запад.

Командир батальона 111-го полка капитан Н. П. Матвиенко подошел к Тер-Гаспаряну и доложил:

— Наше боевое охранение отходит. Разрешите контратаковать противника?

— Не разрешаю. Подпустите ближе и бейте в упор!

Прошло еще несколько томительных минут. Я так напряженно разглядывал в бинокль заросли кустарника, что даже заслезились глаза. Но разведчик Николай Семенихин, лежавший рядом со мной, оказался более наблюдательным.

— Немцы! — воскликнул он. — Смотрите правей!

Среди зелени мелькнуло несколько фигур.

— Разрешите отделению разведчиков открыть огонь? — спросил Ефимов, отрываясь от стереотрубы.

— И мне тоже! — Телефонист Новожилов щелкнул затвором карабина.

— Ждать! — ответил я. — До них еще далеко, метров четыреста.

Позади нас раздались слабые хлопки выстрелов — ударили 50- и 82-миллиметровые минометы. Там, где накапливались гитлеровцы, один за другим вспыхивали разрывы.

И вдруг — крики «ура!», винтовочная и пулеметная трескотня! Слева от высоты бросилась вперед группа бойцов — человек сорок. Первым, размахивая пистолетом, бежал командир. Минометчики перенесли огонь дальше, открыв путь атакующим.

Из кустов затрещали короткие автоматные очереди. Несколько красноармейцев упали. Потом еще и еще. Бойцов становилось все меньше. Но те, кто уцелели, неслись вперед с винтовками наперевес. Натиск их был так стремителен, что гитлеровцы не приняли рукопашного боя и побежали.

— Самовольники! Без подготовки под пули пошли?.. Но бросок смелый. Молодцы! Ничего не скажешь! — взволнованно говорил Тер-Гаспарян.

Разведчики, лежавшие рядом со мной и, так же как и я, впервые видевшие настоящую атаку, притихли.

— Вот как умирают! Несколько минут — человек пятнадцати будто и не бывало! — нарушил молчание красноармеец Ложкин. В его голосе звучало и восхищение, и жалость, и какое-то недоумение.

Из кустов выходили бойцы. Двое несли на руках убитого командира. Остальные осматривали лежавших товарищей, поднимали раненых.

Тогда, в горячке первого боя, я не запомнил фамилии командира, поднявшего в атаку свой взвод. А после войны установить ее не удалось. Но я помню о нем, как и о многих других безыменных героях.

Едва успели пехотинцы, отбросившие немцев, возвратиться на передний край, как на шоссе появилась колонна противника. Я насчитал десятка полтора черных танков. Дальше все скрывалось в густых клубах пыли.

Минуты через три ударила одна из батарей 141-го артполка. Первые разрывы — в стороне от шоссе. Небольшая пауза — и опять свист снарядов. На этот раз они легли в гуще танков.

Сзади заухали еще две гаубичные батареи, захлопали 120-миллиметровые минометы. Воздух над нами гудел.

Сорокакилограммовые снаряды взметывали столбы земли. Шоссе затянуло дымом и пылью. В стереотрубу было видно, как танки разворачивались и съезжали с дороги. По обе стороны от нее, примерно в полукилометре от нашего переднего края, противник поставил дымовую завесу. Ветра почти не было. Завеса не рассеивалась, а, наоборот, все уплотнялась и приближалась к нашим позициям.

Артиллерийский дивизион продолжал слать тяжелые снаряды в гущу черного дыма. Туда же били ротные, батальонные и полковые минометы.

В воздухе появились вражеские самолеты. Две девятки пикирующих бомбардировщиков накинулись на позиции дивизиона. Бомбы и пулеметный огонь сделали свое дело. Батареи замолчали. Стреляли теперь только два орудия.

Дымовая завеса, не дойдя до нас, остановилась и начала медленно подниматься вверх. В десяти-пятнадцати метрах над колосящейся рожью с оглушительным треском рвались вражеские снаряды. Это не было похоже на шрапнель. Скорее всего гитлеровцы стреляли на рикошетах. Впечатление такие взрывы производили угнетающее. На это, вероятно, и рассчитывали немцы.

Из-за дымовой завесы, стреляя на ходу, как огромные черные жуки, выползали танки. За ними цепочкой бежали фашистские автоматчики.

С нашей стороны открыли огонь противотанковые пушки стрелкового полка и батарея лейтенанта Утешева. На переднем крае гремели орудия, стрекотали пулеметы, трещали тысячи винтовочных выстрелов. В первую же минуту запылало два немецких танка. Третий завертелся на месте и застыл без движения. Вражеская цепь заметно поредела, часть гитлеровцев залегла.

Противотанковая пушка, стоявшая неподалеку от нас, посылала снаряд за снарядом. Расчет работал умело, сноровисто. Наводчик Махмутов быстро и точно ловил цель.

Оставив на поле несколько подбитых машин, первая волна атакующих отошла. Но на смену ей уже катилась из глубины вторая волна черных машин. Бой разгорался с новой силой.

Ко мне подполз командир взвода гаубичного полка лейтенант Пономарев.

— Майора убило! — сказал он.

— Серова? Не может быть!

— На моих глазах.

Я видел Серова несколько минут назад. Он спокойно стоял во ржи. И вот его уже нет…

Между тем разведчики открыли стрельбу по немецким автоматчикам.

— Один есть! — деловито сказал Семенихин, перезаряжая карабин.

— У меня тоже! — ответил ему Ложкин.

Фашисты в ответ ударили по высотке не только из автоматов, но и из пулеметов. Огонь такой плотный, что невозможно было

поднять головы. Оставаться тут больше не имело смысла.

— Ефимов! Отползайте с отделением по кювету! — распорядился я.

Когда мы добрались до опушки леса, я оглянулся и увидел на высотке горящий танк. Наше противотанковое орудие молчало. Видимо, расчет его погиб в единоборстве с броней. Могила Кости была разворочена прямым попаданием танкового снаряда.

Полковника Семенова и подполковника Тер-Гаспаряна я нашел в высохшей канаве на окраине деревни Мариново. Тут же находились батальонный комиссар Опытов, командир противотанкового дивизиона капитан Остащенко, начальник артиллерии 111-го стрелкового полка старший лейтенант Федоров, начальник разведотделения дивизии капитан Морозов.

Тер-Гаспарян расспрашивал Семенова, куда запропастились два дивизиона из полка майора Серова.

— Еще на марше, — ответил полковник. — Начальник штаба этого полка, капитан Кряжев сообщил, что часа через два будут здесь.

— Деревенец! Вызовите сюда Серова, — распорядился Тер-Гаспарян.

— Майор Серов убит! — доложил я.

Все посмотрели на меня с каким-то недоверием. Долго молчали.

— Черт знает что такое! В первом бою теряем лучших командиров полков! — тихо сказал наконец Тер-Гаспарян.

Отсюда, с командного пункта, расположенного в километре от переднего края, хорошо просматривалось все поле, на котором залегла наша пехота. Место было выбрано очень удачно.

Бой затихал. Сорвалась и вторая атака противника. Десять танков было подбито. Остальные, пятясь назад, вели редкий огонь из орудий. Но радоваться успеху было еще рано. В небе появилось около тридцати самолетов. Они набросились на позиции стрелкового полка и артиллерийских батарей. Пикировали, сбрасывали бомбы, с бреющего полета поливали пулеметным огнем наши окопы. Действовали гитлеровцы без всяких помех: у нас не было ни одной зенитной пушки.

Едва улетели самолеты, противник возобновил артиллерийский обстрел. Над колосящейся нивой опять повисли клубы черного дыма. А минут через десять сквозь грохот разрывов снова послышался нарастающий гул танковых моторов.

Тер-Гаспарян вызвал к телефону командира 111-го стрелкового полка.

Капитан А. С. Белов, исполнявший обязанности командира полка, доложил, что положение критическое. Противник бросил в

бой около пятидесяти танков.

«Вот бы пару дивизионов семидесятишестимиллиметровых пушек сюда! — думал я, напряженно следя за танками. — Поставить бы эти пушки на прямую наводку…»

Но таких пушек было тогда еще очень мало. Промышленность выпускала в большом количестве гаубицы, а вот в противотанковых орудиях ощущался острый недостаток…

Танки противника приближались. Некоторые подразделения стрелкового полка, не выдержав нового удара, начали отходить к лесу. Батальонный комиссар Опытов побежал навстречу, чтобы остановить их. Однако было уже ясно, что понесший потери полк не сможет сдержать натиск танковой лавины.

Тер-Гаспарян приказал полку отойти к реке Щара и занять оборону на ее восточном берегу.

Надо было прикрыть стрелковые батальоны, дать им возможность оторваться от гитлеровцев. Эта задача была возложена на противотанковый дивизион капитана Остащенко.

— Дивизиону стоять до тех пор, пока не отойдет последнее стрелковое подразделение, — предупредил капитана полковник Семенов.

Мимо нас группами двигались отступавшие бойцы. Фашисты приближались. Тер-Гаспарян и Опытов сели в броневик. Семенов с Деревенцом уехали на легковой машине. Остальные командиры штаба отправились следом на грузовике.

— Ну а на чем ты будешь догонять начальство? — спросил меня Остащенко.

— Пешком вместе с разведчиками.

С передовой принесли батальонного комиссара А. Я. Брагина, заместителя командира 111-го стрелкового полка по политической части. Он силился подняться, хотел сказать что-то, но язык не повиновался ему. Комиссар ослаб от потери крови.

Много раненых направлялось в тыл. Их несли на шинелях, плащ-палатках. Те, кто могли передвигаться, шли опираясь на винтовки. Среди раненых я заметил наводчика Моховишвили, подошел к нему.

— Два танка подбили… Там Вася их добивает, — кряхтя от боли, сказал наводчик. — Не повезло мне…

— Ничего, скоро поправишься, свое наверстаешь, — успокоил я.

На гребень высотки выползли немецкие танки. Утопая во ржи чуть ли не до самых башен, они зигзагами двигались вперед, стреляя из пушек и пулеметов. Красноармейцы, спасаясь от пуль и снарядов, бежали к лесу.

Капитан Остащенко выкрикивал команды. Стоявший рядом

сигнальщик передавал их флажками на батареи: в противотанковом дивизионе не было других средств связи.

Две батареи, прижавшиеся к опушке леса, открыли огонь.

К танкам устремился пучок красных стрел: артиллеристы били бронебойно-трассирующими снарядами. Некоторые из них рикошетом отскакивали от брони — красные стрелы ломались, дугой уходя в небо.

— А черт, не берет! Слабоваты наши снаряды! — ругался Остащенко. — Нет, нет! Получается! — воскликнул наконец он, увидев, как замерли на месте два танка. Из люка ближней машины вылезли танкисты. Один из них спрыгнул в рожь, другой, сраженный пулей, повис на башне.

Артиллеристы подбили еще несколько машин. Оставив на поле боя четыре танка, фашисты начали отходить за гребень высоты, где их не могли достать наши снаряды.

— Неужели испугались? — удивился Остащенко. — Нет, тут что-то не то!

Немцы маневрировали. Попав в центре под огонь противотанковой артиллерии, они оттянули свои машины. А на флангах, где у нас не было противотанковых пушек, гитлеровцы быстро продвигались вперед. Мы не видели их, но все явственнее слышали гул моторов, доносившийся и справа и слева.

Одновременно противник обстреливал нас из-за гребня высоты. Снаряды рвались в поле и на опушке леса, срезая осколками ветви деревьев.

Фельдшер дивизиона Андрианова, невысокая черноволосая девушка лет двадцати, суетилась возле орудий, перевязывая раненых. Она, казалось, не замечала ни пуль, ни осколков.

По кювету подполз связной 2-й батареи. Из его сбивчивого рассказа мы поняли: батарея лейтенанта Сергея Панфиловича Утешева, подбив четыре танка при первой и пять при второй атаке, погибла почти вся. Сергей Утешев остался возле пушки один и начал действовать за весь расчет. Сам заряжал пушку, сам наводил ее. Он успел подбить два вражеских танка, а третий раздавил отважного лейтенанта вместе с орудием.

— Отличная была батарея, — скорбно произнес Остащенко.

Визг снаряда заставил нас броситься на дно канавы. Взрыв больно ударил в уши. Осколок попал в мою каску, но не пробил ее. Однако толчок был таким сильным, что у меня, как говорится, искры из глаз посыпались.

Отряхнувшись, я увидел связного, сидевшего в какой-то неестественной позе. Обеими руками он опирался о землю. Он был ранен в живот. Фельдшер Андрианова быстро перевязала его и с помощью красноармейцев перенесла в ближайший дом. Там,

видимо, было место сбора раненых. Едва девушка скрылась в доме, как прогремел сильный взрыв. Снаряд упал возле крыльца и снес крышу. Загорелся соседний дом.

— Узнай, живы ли? — приказал Остащенко одному из бойцов.

В это время ко мне подбежал Семенихин.

— Товарищ старший лейтенант, наша машина нашлась. Шофер спит себе и в ус не дует!

— Ничего удивительного. Всю ночь за баранкой сидел. Грузите раненых, скоро поедем.

Разрывов вокруг становилось все больше. Стреляла не только вражеская артиллерия, но и танки, стоявшие на гребне высотки. Они били по опушке леса, где находились позиции двух батарей нашего противотанкового дивизиона, полковая батарея и подошедшая лесом рота 79-го отдельного разведывательного батальона. Там же окапывались отступившие подразделения стрелкового полка.

Навстречу танкам снова полетели бронебойные снаряды. Воздух гудел от выстрелов и разрывов. Над деревней Завинье поднялись к небу клубы дыма, взметнулись языки пламени. Немцы били по деревне зажигательными снарядами.

Четыре танка БТ-7 из разведывательного батальона устремились к вражеским машинам. Четыре — против десяти! На башнях наших танков были написаны мелом слова: «За Родину! Смерть гадам!»

Из леса на шоссе выскочил броневик. Фашисты не заметили его. Он подошел с фланга и почти в упор ударил по немецкому танку. Подбив его, броневик попятился назад, стреляя по другим машинам. Я постарался узнать, кто эти смельчаки. Ими оказались башенный стрелок Михалев и водитель Лященко.

Танковая рота, поддержанная огнем противотанковых пушек, подбила в этом неравном бою пять вражеских танков. А сама потеряла три машины из четырех.

Ко мне снова подбежал разведчик Семенихин.

— Товарищ старший лейтенант! Поехали, а то машину угонят, — сказал он.

Я пожал руку капитану Остащенко, пожелал ему удачи в бою.

— Доложи Семенову, что подбито тринадцать немецких танков, — сказал он. — Будем держаться до последней пушки, как и приказано.

Мы пошли к машине.

— Раненых из дома перенесли? — спросил я Семенихина.

— Там потолок обвалился, почти всех засыпало. Трое жить будут…

— А девушка цела?

— Андрианова? Не знаю, не видел.

Кузов грузовика был переполнен незнакомыми мне людьми. Здесь и артиллеристы, и пехотинцы. Тут же находились и разведчики штабной батареи. Сзади всех стояли Новожилов и Ефимов.

Какой-то красноармеец, перегнувшись через борт, кричал шоферу:

— Ты поедешь или нет? Долго ждать будем?

— Угости его прикладом, сразу тронется! — кричал другой, барабаня кулаком по кабине.

— Что за шум? — спросил я, но мой голос потонул в грохоте взрыва.

Горячая волна воздуха швырнула меня на землю. Первое, что я увидел, вскочив на ноги, было изуродованное лицо Михаила Новожилова. На месте подбородка зияла большая рана. Раздробленная челюсть висела на связках. Мы собрали несколько индивидуальных пакетов и, как смогли, наложили повязку. Белоснежная марля сразу же окрасилась в алый цвет.

Шофер Петр Медведко, худенький узкоплечий красноармеец, повел машину к лесу. Вскоре замелькали по обе стороны дороги белые березки да зеленые ели. Из леса появлялись бойцы. Мелкими группами, а то и в одиночку шагали они на восток.

Они были похожи на тех отступавших, которые встречались нам утром. Несколько часов назад все они, вместе взятые, составляли сильный, сплоченный коллектив. А теперь он распадался под вражескими ударами на разрозненные неуправляемые частицы. Нужно было собрать их, объединить.

Первый наш бой длился около двух часов. Противник потерял десятка два танков и до двух батальонов мотопехоты. Но и наша дивизия понесла весьма ощутимый урон. Перестали существовать как боевые единицы 3-й дивизион артполка, противотанковый дивизион, разведывательный батальон, артиллерийские подразделения 111-го стрелкового полка. Заметно поредели пехотные подразделения. Они лишились многих станковых пулеметов и минометов. В штабе полка никто точно не знал, сколько людей убито, ранено и сколько пропало без вести.

В 3-м дивизионе уцелела только одна гаубица. Остальные не удалось вывезти с огневых позиций. У некоторых были полностью перебиты орудийные расчеты, другие оказались после бомбежки без тягачей.

Командир противотанкового дивизиона капитан Остащенко возвратился после боя в дивизию с небольшой группой артиллеристов и с двумя орудиями. Остальные десять орудий

остались на поле в виде груды металла.

Тягачи противотанковых пушек — бронированные, быстроходные тракторы «Комсомолец» — уцелели почти все. Остатки дивизиона вместе с этими тракторами, вооруженными пулеметами, составили потом своеобразный подвижной резерв штаба дивизии.

Командный пункт дивизии разместился в лесу километрах в трех к востоку от реки Щара. Я нашел его по оживленному движению машин, сворачивающих с шоссе на лесную просеку.

Отделения штаба расположились под зелеными кронами старых елей. Комендантский взвод успел уже поставить несколько палаток. Связисты тянули телефонные линии.

Младший лейтенант Александр Макаров познакомил меня с обстановкой. Макаров был помощником начальника штаба артиллерии дивизии по связи и одновременно командовал штабной батареей. Александр сообщил, что 228-й стрелковый полк нашей дивизии с двумя дивизионами 141-го артполка уже развернулся на берегу реки Щара. 107-й стрелковый и 84-й артиллерийский полки дерутся где-то в районе Слонима. Связи с ними нет.

— А что по радио передавали? — спросил я.

— Ну, сводку за двадцать второе июня ты знаешь. А вчера, двадцать третьего, немцы пытались развивать наступление, но успеха не имели, все их атаки отбиты. За два дня взято в плен пять тысяч фашистских солдат и офицеров. Так что, выходит, только у нас дела неважные, а в других местах немцу дают жару, — сказал Макаров. — На нашем направлении гитлеровцы продвинулись на двести километров от границы. Сейчас по карте измеряли. Здорово они прут. А наших войск что-то совсем не видно.

— Может быть, на старой границе ждут немцев, чтобы там дать решительный бой, — предположил я.

Саша Макаров предложил мне пообедать, но после нервного напряжения, пережитого во время первого боя, ни есть, ни спать не хотелось.

Полковник Семенов, выслушав мой доклад, приказал организовать противотанковую оборону на новом рубеже:

— Теперь вы видели, как действуют немецкие танки. Ставьте все орудия на прямую наводку. Гаубичные батареи тоже. С закрытых позиций я их снял, оставил только две. Надо успеть сделать все до подхода противника.

Взяв с собой разведчиков Семенихина и Пахомова, а также отделение связи, я выехал на машине вперед. Щара — спокойная

лесная река, шириной до тридцати метров. На ее восточном берегу готовил оборонительный рубеж 228-й стрелковый полк.

Густая чаща молодого хвойного леса, отступила от реки метров на четыреста — пятьсот. На опушке заняли огневые позиции противотанковые батареи стрелкового полка. Здесь же рыла неглубокие окопы пехота.

На противоположном берегу широкий луг, а за ним невысокие холмы, поросшие лесом. Там виднелись кое-где развалины старых железобетонных сооружений.

— Сколько орудий на прямой наводке? — спросил я начальника артиллерии полка старшего лейтенанта В. Ф. Осиповича.

— Все двенадцать.

— Как с боеприпасами?

— Один боекомплект[1]. Снаряды выложены у орудий.

Мы выбрали себе наблюдательный пункт на краю леса, против моста через реку, поблизости от наблюдательного пункта командира 228-го полка подполковника Г. К. Чаганавы. К Щаре начали подходить батареи 122-миллиметровых гаубиц 1-го и 2-го дивизионов 141-го артполка, снятые с закрытых позиций.

Командир 1-го дивизиона капитан П. М. Бельдиев вместе с командирами батарей старшими лейтенантами Востряковым, Суманеевым и Нуцубидзе быстро выбрали огневые позиции на опушке леса; две батареи разместились справа от шоссе, одна — слева. Всего для ведения огня прямой наводкой было выставлено двадцать восемь орудий. Орудийные расчеты спешно готовились к стрельбе.

Проверить готовность обороны приехал сам полковник Семенов. Мы прошли с ним вдоль фронта. Батареи стояли поблизости одна от другой: мы сосредоточили всю артиллерию на отрезке около одного километра.

Я думал, что немецкие танки не смогут прорвать такой плотный боевой порядок. Создавать противотанковую оборону на более широком фронте мне казалось нецелесообразным, так как густой лес и заболоченная пойма реки на наших флангах были почти непроходимы для гусеничных машин.

По хмурому виду Семенова было заметно, что он чем-то недоволен. Я спросил его: какие будут замечания?

— Все в одну линию выставили, нет глубины, — ответил он. — Местность тут невыгодная для стрельбы прямой наводкой. Подходы у противника скрытые, расстрелять наши орудия он способен вон с тех холмов.

— Можно переменить позиции, время еще есть, — предложил я.

— А как? Кругом лес, лучше места не подберешь. Дело не в наших позициях, а вообще этот рубеж мне не нравится… Но теперь уже поздно об этом говорить, хорошо, что хоть здесь успели зацепиться.

Командиры рот, батарей и взводов инструктировали личный состав. Настроение у всех было бодрое. С тыла подходили группы красноармейцев во главе с командирами, занимали оборону рядом с подразделениями 228-го полка. Это подполковник Тер-Гаспарян догадался организовать невдалеке от штаба пункт сбора отбившихся от своих частей. Сюда стекались люди из 111-го стрелкового полка и частей 28-го стрелкового корпуса, отошедших из-под Бреста и Кобрина.

К семнадцати часам мы закончили подготовку оборонительного рубежа.

Фашисты не показывались. Шоссе было пустынно: ни машин, ни повозок. Только изредка появлялись на мосту небольшие отряды красноармейцев. Опираясь на плечи здоровых товарищей, шли раненые.

Солнце стояло еще высоко, но жары не чувствовалось: лес и река смягчали ее. На том берегу куковала кукушка. Где-то рядом дятел усердно долбил сухое дерево. Около моста на быстрине мерно, как маятники, раскачивались стебли чакана.

— А мост надо бы взорвать, — предложил старший лейтенант Осипович.

— Но чем? Взрывчатки-то нет.

Осипович повел меня к 203-миллиметровой гаубице, брошенной кем-то метрах в двухстах от берега. Такие гаубицы были только в окружном артполку большой мощности. Хотели мы взорвать мост выстрелом из этой громады, но ничего не получилось: затвор орудия оказался заклиненным. Посоветовавшись, решили поджечь мост, как только появится враг.

Немного погодя из леса на дорогу вышла лошадь с человеком, лежавшим поперек седла. Беспомощно болтались его руки и ноги. Лошадь двигалась медленно, изредка встряхивая головой. Возле моста остановилась, будто не решаясь ступить на него. Человек начал сползать с седла и упал на землю.

— Разрешите посмотреть? — обратился ко мне Семенихин.

Вместе с красноармейцем Пахомовым он побежал к лошади.

— Товарищи, ведь это же Дианка! — взволнованно крикнул один из артиллеристов. — Это же Дианка-умница, я ее в прошлом году чистил!

Лошадь действительно оказалась умницей. Она принесла к нам тяжело раненного лейтенанта Пономарева, того самого,

который сообщил мне о гибели майора Серова.

— Немцы! — воскликнул вдруг Семенихин.

— Где?

— Вон, смотрите, среди развалин на той стороне!

Гитлеровцы подобрались совсем близко. Прячась в складках местности, они рассматривали наш берег. У нас, оказывается, не было впереди ни разведки, ни боевого охранения. Фашисты воспользовались этим.

Дальнейшее произошло очень быстро. Через несколько минут на шоссе появились два бронетранспортера. Они подъехали к мосту. Из них выскочили солдаты. Было ясно, что фашисты хотят захватить мост.

Слева грохнуло орудие. Снаряд упал недалеко от моста. И сразу лесную тишину разорвал треск ручных пулеметов и винтовочных выстрелов. Мост оказался под перекрестным огнем. Второй снаряд разнес один бронетранспортер. Другая машина помчалась обратно. За ней бежали солдаты. Но никто из них не ушел. Их трупы усеяли шоссе от моста до самой опушки.

И опять все стихло. Но на этот раз тишину нарушил гул моторов. Где-то за лесом готовились к бою невидимые нам фашистские танки.

Вскоре противник начал обстрел, однако снаряды и мины ложились с перелетом, разрывались среди деревьев. На буграх показалась вражеская пехота. Затрещали автоматы. Немцы быстро приближались к реке. На нас посыпались сбитые с елей хвоя и ветки.

Наши стрелки вели интенсивный ружейно-пулеметный огонь. Вражеская цепь поредела, но многим гитлеровцам все же удалось добраться до реки и перейти ее вброд.

Прячась среди кустарника и высокой травы, автоматчики все ближе подползали к опушке леса. Вот их каски замелькали в канаве, метрах в семидесяти от нас.

Пахомов и Семенихин стреляли из карабинов, мы с Осиповичем — из пистолетов. И вдруг совсем близко вскочил на ноги немецкий офицер. Я еще не успел прицелиться, как на него бросился Николай Семенихин. Но и Семенихина опередил невысокий щупленький боец. Он поднялся из травы, всадил штык в гитлеровца и сам упал рядом с ним.

Винтовочная стрельба усиливалась. Наши бойцы, справившись с волнением, били теперь чаще и точнее. Гитлеровцы не выдержали и начали отползать к реке. Некоторые пытались бежать, но, срезанные пулями, падали замертво. Ни один не добрался до противоположного берега. На лугу чернели вражеские трупы.

Семенихин принес того бойца, который заколол офицера. Красноармеец был ранен в голову. Мы перевязали его и отправили в тыл.

Наступило затишье. Обе стороны не стреляли. Из штаба позвонил Саша Макаров, спросил, что происходит. Я коротко доложил обо всем.

Мы с Осиповичем прошли вдоль опушки леса. Красноармейцы и командиры были возбуждены только что закончившимся боем. Остановились возле одного из орудий 6-й батареи 141-го артполка. Командир орудия сержант белорус Я. Г. Рыбак, выглядывая из-за щита, чертил что-то в своем блокноте. Наводчик татарин Фатых Кардолиев рассматривал в панораму (прицельное приспособление) противоположный берег и докладывал Рыбаку, где сосредоточиваются группы немцев. Правильный красноармеец Дмитриев, огромный русоволосый детина с лицом, покрытым оспинками, проверял крепление подсошникового бруса. Заряжающий, рыжеватый осетин Хаджиев, протирал затвор и казенник орудия. Два других бойца очищали тяжелые снаряды от смазки и пыли.

Каждый из этих людей уверенно делал свое дело. Это был маленький сколоченный и слаженный коллектив. От него и десятков других, подобных ему, зависел теперь исход боя.

— Если появятся танки, будем бить, не ожидая, пока они подойдут к реке, — предупредил Рыбак. — Учти, Кардолиев.

— Хорошо, — ответил наводчик. — Не промахнемся.

— Мазать просто грех, — сказал я, подходя к орудию. — Здесь расстояние меньше прямого выстрела.

— Можете не беспокоиться за этих орлов, — сказал кто-то сзади.

Я обернулся и увидел политрука батареи В. Н. Туманова. Да, народ тут действительно был отличный.

На опушке, собирая раненых, ходили санитары. Пострадавших бойцов отправляли в тыл. Но многие из них остались в строю. Остался на командном пункте и командир 228-го стрелкового полка подполковник Григорий Чаганава, тоже получивший ранение. Он продолжал отдавать распоряжения подчиненным.

Едва мы с Осиповичем вернулись в свой окоп, как снова разгорелась стрельба. Снаряды и мины рвались в лесу, на лугу и в реке, над которой взлетали высокие фонтаны воды. С неба посыпались бомбы. Гитлеровские самолеты действовали группами по шесть-девять машин. Как только улетала одна группа, сразу же появлялась другая. Вырванные с корнем, деревья с треском падали на землю. Будто страшный циклон пронесся по

лесу, исковеркав все на своем пути.

На этот раз обстрел и бомбежка длились томительно долго. Бомбы летели к земле с ужасным воем, леденившим кровь.

Наконец грохот утих. Обсыпанные землей, мы с трудом вылезли из окопчика. Сквозь дым и пыль трудно было разглядеть, что творилось на противоположном берегу. Оттуда доносился гул моторов и лязг гусениц. Но вот пелена дыма стала рассеиваться, и мы увидели спускавшиеся с бугров фашистские танки. Они открыли огонь из пушек и пулеметов.

С нашей стороны ударили уцелевшие орудия. Над рекой протянулись красные трассы.

У большинства гаубиц не было специальных снарядов для борьбы с танками. Поэтому стрельба велась осколочными и фугасными гранатами. Дистанция колебалась от пятисот до шестисот метров. С такого расстояния промахов почти не было. Если снаряд не пробивал брони, то рвал гусеницы, ослеплял смотровые щели. Некоторые удачно попавшие тяжелые снаряды проламывали броню и рвались в машине.

Разведчик Семен Пахомов уполз к мосту. Там особенно часто падали снаряды. Но Пахомов не испугался, не повернул назад. Он выполнил приказ: деревянный мост запылал огромным костром. Вражеские танки не могли теперь с ходу проскочить через Щару.

Семен Пахомов погиб у моста. Этот тихий, застенчивый парень проявил большое мужество. Он совершил подвиг, совершил его просто и незаметно, как делал все, что поручалось ему.

Старший лейтенант Осипович ушел к своим орудиям, часть которых замолкла.

Недалеко от окопа, возле гаубицы, разорвался вражеский снаряд — нас обдало комьями земли. Гаубица больше не стреляла.

Мы с Семенихиным подползли к орудию. Около него — воронка. Деревья вокруг исковерканы, расщеплены осколками, одно из них упало на ствол пушки. Наводчик сидел на своем месте, склонив голову. Он был мертв. Заряжающий как держал снаряд в руках, так и застыл с ним, прислонившись к станине. Красноармеец, узнавший Дианку, лежал на боку, поджав колени к окровавленному лицу. Два других орудийных номера распластались ничком. Сержант, командир орудия, тяжело раненный в живот, силился подняться, ухватившись за рукоятку затвора. Мы отнесли его в сторону.

Орудие оказалось неповрежденным, если не считать больших вмятин на щите.

Зарядив с помощью Семенихина орудие, я начал крутить

маховики подъемного и поворотного механизмов, разыскивая через панораму ближайший немецкий танк. Вот в перекрестии появился контур черной машины. «Огонь!» — скомандовал я сам себе. Гаубица, изрыгнув снаряд, подпрыгнула на колесах. Но танк остался невредим, гитлеровцы, наверное, даже и не заметили грозившей им опасности. «Промазал в такую громадину», — досадовал я.

Зарядив гаубицу последним снарядом, я опять начал наводить орудие. Наконец выстрел! Когда рассеялись дым и пыль, я увидел, что танк загорелся. Черные с седыми прожилками клубы дыма окутали его.

Закончив стрельбу, мы хотели оказать первую помощь сержанту — командиру орудия, но, когда подошли к нему, он был уже мертв.

Справа вели беглый огонь батареи старших лейтенантов Вострякова, Суманеева, 6-я батарея 2-го дивизиона, слева — батарея старшего лейтенанта Нуцубидзе и полковая батарея лейтенанта Чуйкова.

Орудие сержанта Рыбака подбило три машины. Но это далось нелегко: в расчете выбыло из строя пять человек. Сам командир орудия тоже получил ранение, но продолжал вместе с контуженым наводчиком Кардолиевым вести огонь. Возле орудия неотлучно находился и политрук батареи Туманов.

Командир 1-го дивизиона 141-го артполка капитан Бельдиев ползал от орудия к орудию, подбадривал артиллеристов, подыскивал замену выбывшим из строя.

Группы вражеских автоматчиков под прикрытием танков переправились через реку, часть из них зацепилась за наш берег. В наших окопах осталось мало людей. Но те, кто уцелели, ринулись в штыковую атаку и сбросили фашистов в реку. Оставшиеся в живых гитлеровские автоматчики перебежками и ползком отходили за бугры.

Бой затихал. Около десятка немецких танков обгоревшими глыбами чернели на лугу. Один танк сполз к реке, уткнувшись в воду стволом орудия.

Луг был покрыт трупами, изрыт воронками. Снаряды и бомбы до неузнаваемости изуродовали опушку леса.

Половина орудий вышла из строя — очень велики были потери в орудийных расчетах. Возле многих пушек осталось по одному-два человека. Кончались снаряды. В стрелковых подразделениях тоже уцелело не больше половины личного состава. Я подумал, что мы вряд ли сумеем отразить еще одну такую атаку.

Выбывших из строя командиров заменяли политработники и

сержанты. Командир батальона, на моих глазах бросившийся вместе с красноармейцами выбивать немецких автоматчиков, был ранен. Его место занял политрук Е. К. Трелин.

В полковой батарее политрук Окуленко заменил раненого командира орудия сержанта Грищенко.

Наибольшие потери понесли гаубичные батареи 1-го дивизиона, особенно 2-я батарея. Сам командир батареи старший лейтенант Ф. Суманеев стрелял за наводчика. Сделав несколько выстрелов, он подбил два вражеских танка. Но вскоре разрывом снаряда был убит.

Капитан Бельдиев и оставшиеся в строю командиры и политруки батарей принимали все меры для отражения новых атак противника.

Выполняя приказание капитана Деревенца, переданное мне еще после первой атаки противника, я наконец отправился в свой штаб. Мы с Семенихиным пошли к машине, но от нее остался только обгоревший, исковерканный остов. Рядом — огромная воронка. Что произошло с шофером, мы так и не узнали. Он, вероятно, сгорел вместе с машиной…

Добравшись до штаба, я доложил капитану Деревенцу обстановку на берегу Щары. К концу доклада к нам подошли Семенов и Иванюк. Командир дивизии приказал мне срочно выехать на дивизионный обменный пункт — ДОП — за боеприпасами для 228-го стрелкового полка.

Когда я вернулся на командный пункт, было уже совсем темно. Впервые за весь день захотелось есть. Гречневая каша-размазня, принесенная Семенихиным с кухни штабной батареи, показалась необычайно вкусной. Одной ложкой на двоих мы быстро вычерпали весь котелок.

Около одиннадцати часов вечера противник нанес новый бомбовый удар. Одновременно гитлеровцы открыли ожесточенный артиллерийский и минометный огонь. Немецкие автоматчики под прикрытием танков несколько раз пытались форсировать Щару. Но наша оборона держалась стойко.

Однако враг имел большое превосходство в силах и средствах. Как потом выяснилось, вдоль шоссе наступал 24-й танковый корпус из группы гитлеровского генерала Гудериана.

Сдержать напор такой лавины наша ослабевшая дивизия не смогла. По приказу командования стрелковые подразделения начали отходить ночью на новый рубеж. На реке Щара остался лишь сводный отряд для прикрытия.

Тяжкий путь

К утру 25 июня отступившие части поспешно заняли оборону на безымянных высотах между Русиновичами и Тальминовичами, перед железной дорогой Барановичи — Лунинец. Штаб дивизии разместился в лесу, западнее Синявки. Фронт обороны — не более трех километров. Основные силы были сосредоточены на самом опасном участке — вдоль Брестского шоссе.

Командование 4-й армии, куда входила наша дивизия, не выделило нам необходимых средств усиления, кроме нескольких уцелевших танков из отходящего 14-го механизированного корпуса. А у нас к этому времени поредели не только стрелковые части, но и артиллерии осталось мало. 129-й противотанковый дивизион потерял почти все свои пушки, а в 141-м артиллерийском полку осталось не более десяти гаубиц. О 84-м артиллерийском и 107-м стрелковом полках никаких известий не поступало. Мы знали только, что вчера оба они развернулись для боя западнее Барановичей, перед Слонимом.

Подполковник Тер-Гаспарян, человек экспансивный, горячо возмущался тем, что у нас нет соседей, что на таком важном направлении действует одна наша дивизия, да и та неполного состава. Где воюют другие соединения 4-й армии, нам не было известно.

В этот день я проверял в подразделениях средства противотанковой обороны. Наши пушки и танки можно было буквально сосчитать по пальцам. По распоряжению полковника Семенова в ротах создавались группы истребителей танков. Эти группы, укрываясь в окопе, должны были подпускать вражеские танки на восемь-десять метров и забрасывать их гранатами. Нам удалось сформировать из числа добровольцев около десяти таких групп, в каждой по три-четыре бойца во главе с младшим командиром. Специальных противотанковых гранат тогда еще не было, приходилось применять связки простых ручных гранат.

Мы ожидали противника с утра, но немцы вышли к нашему рубежу значительно позже. Оказалось, что гитлеровцы не заметили отхода нашей дивизии от реки Щара. Фашисты накануне понесли на берегу реки серьезные потери и поэтому тщательно готовились к прорыву. Они подтянули артиллерию и свежие пехотные части. Перед наступлением, которое началось в одиннадцать часов дня, враг провел мощную артиллерийскую и авиационную подготовку. Бомбы и снаряды рвались на пустом месте. Но едва гитлеровцы форсировали реку и углубились в лес, как встретили упорное сопротивление отряда нашей пехоты,

который был оставлен по приказу Тер-Гаспаряна прикрывать отход дивизии.

Личный состав этого отряда проявил героизм. В неравном бою небольшая горстка людей до двух часов дня сдерживала наступление вражеских автоматчиков. Только после того как гитлеровцы навели переправы через реку и бросили в атаку танки, сопротивление смельчаков было сломлено.

Фамилии командиров и бойцов отряда до сих пор неизвестны. Мы знаем лишь фамилию одного пулеметчика, который до последнего патрона вел стрельбу, а потом, уже тяжело раненный, дополз до ближайшего хутора. Это был красноармеец Дорошенко из Житомирской области. К вечеру Дорошенко умер.

Недавно я побывал на месте боя, на могилах павших героев. У местных жителей удалось выяснить, что документы всех убитых собрал крестьянин из деревни Мазурки Антон Плешевич. Однако после войны он выехал оттуда. Целы ли документы погибших и у кого они находятся, установить я так и не смог.

Во второй половине дня гитлеровцы подошли к железной дороге и начали разведку боем, бросая против нас то в одном, то в другом месте танки с пехотой. Одновременно авиация наносила бомбовые удары по нашим боевым порядкам. Над шоссе вражеские самолеты летали непрерывно, бомбя и обстреливая из пулеметов все, что попадалось, гоняясь даже за одиночными машинами и повозками. Ожесточенной бомбардировке подвергся и командный пункт дивизии. Пришлось быстро менять его расположение.

После неудачных попыток разведать нашу оборону противник произвел мощный артиллерийский налет. Как мы и предполагали, фашисты нанесли главный удар вдоль шоссе. Здесь их ожидала достойная встреча. Автоматчики вынуждены были залечь возле железной дороги. Несколько танков, вырвавшихся вперед, были подбиты истребителями и орудиями прямой наводкой. Другие машины, остановившись поодаль, попытались подавить стрельбой из орудий наши огневые точки.

Запомнилось мне несколько эпизодов этого боя. Три фашистских танка неожиданно выползли из-за рощи. В грохоте разрывов и выстрелов мы не сразу заметили их. Не больше двух минут потребовалось бы им, чтобы достигнуть нашего наблюдательного пункта. Но вот слева, сзади, из-за бугорка, глухо выстрелила гаубица. Снаряд ударил в борт головного танка. Он закружился на месте и замер, окутанный дымом. Второй танк, заметив опасность, развернулся в сторону гаубицы и зигзагами пошел на нее, плеская огнем из ствола пушки. Как шло

единоборство — я не знаю. Не видно было за бугорком, да и некогда было смотреть.

Третий танк, не меняя курса, стремительно полз на нас. Его черная громада зловеще увеличивалась с каждой секундой. Что предпринять? Под рукой только пистолеты и автоматы. Отбежать в сторону нельзя. Пуля настигнет сразу, как только вылезешь из окопа. Оставалось одно: стрелять по смотровым щелям…

Метрах в пятидесяти от нас находилась ячейка с двумя бойцами — истребителями танков. В стереотрубу, чуть поднятую над окопом, мне было видно, как из ячейки показалась каска и взметнулась рука со связкой гранат. Взрыв — и танк с порванной гусеницей остановился, накренившись набок. Но он был еще жив. Медленно повернулась башня, ствол пушки стал опускаться вниз, ища цель. Но выстрела не последовало. Еще взмах руки — и о броню разбилась бутылка с горючей смесью. Пламя цепко охватило бронированную коробку. Люк в башне приподнялся, из него показалась рука, цеплявшаяся за металл, потом голова в кожаном шлеме. Но огонь сделал свое дело: фашист бессильно опустился вниз, в дымящееся чрево танка.

Из ячейки вылез красноармеец, таща за собой товарища.

— Можно? — Семенихин кивнул в их сторону.

— Только осторожнее, — разрешил я.

Семенихин, пригибаясь, добежал до ячейки и помог принести погибшего бойца — молодого русоволосого паренька. Пуля навылет пробила ему шею. Большая, не по росту, гимнастерка была окровавлена, на комсомольском значке запеклась кровь.

— Похороните, пока есть возможность, — распорядился старший лейтенант Федоров, находившийся на пункте рядом со мной.

Высокий черноглазый красноармеец, молча, с помощью Семенихина взвалил на спину тело убитого товарища и скрылся в кустарнике. А мы даже не догадались спросить имена и фамилии, не узнали, из какого подразделения были эти смельчаки.

Перейдя на другую сторону рощицы, мы попали на огневую позицию той гаубицы, которая вступила в единоборство с танком. У накренившегося набок 122-миллиметрового орудия был разворочен щит, сбиты прицельные приспособления и разбито одно колесо. Тут же в неестественных позах лежали трое убитых бойцов и до неузнаваемости изуродованный старший сержант — командир орудия.

Около гаубицы не осталось ни одного снаряда, только стреляные гильзы. Метрах в десяти от нее застыл подбитый танк. Видимо, орудийный расчет прикончил его последним снарядом. Сила удара была так велика, что и лобовая броня танка не

выдержала. Внутри его что-то горело. Вокруг дымилась земля.

Взяв документы убитых, мы покинули место жестокой дуэли. О бесстрашных артиллеристах я потом докладывал полковнику Семенову, но сейчас уже не могу вспомнить их фамилии. Помню лишь, что это были бойцы из 1-го дивизиона 141-го артполка.

А вот еще один подвиг артиллеристов.

До батальона автоматчиков с десятком танков ворвались на передний край нашей обороны. Наши немногочисленные пушки, стрелявшие прямой наводкой, и истребители танков сумели подбить несколько вражеских машин. Но отдельные мелкие группы пехотинцев, не выдержав натиска, начали отходить. Положение становилось угрожающим.

В это время из-за безымянной высотки, что справа от шоссе, выскочил бронированный трактор-тягач «Комсомолец». На предельной скорости врезался он в самую гущу фашистских автоматчиков, стал давить их и поливать огнем из двух пулеметов. Ответная стрельба из автоматов не причинила тягачу вреда, пули отскакивали от его брони. Минут пять тягач, управляемый чьей-то опытной рукой, носился вдоль фронта, добивая тех, кто не успел обратиться в бегство. Вражеские танки стреляли по нему из пушек, но тягач, как заколдованный, оставался невредимым. Наша пехота приободрилась. А танки, видя, что автоматчики потерпели неудачу, начали отходить за железную дорогу, огрызаясь огнем. При отходе они потеряли еще две машины — их подбили наши артиллеристы.

Один из танков выстрелил в тягач, но промахнулся, хотя расстояние не превышало трехсот — четырехсот метров. Быстроходный «Комсомолец» ринулся к своему более мощному врагу. Тот попятился, но было уже поздно. Машины столкнулись. Раздался взрыв, перекрывший остальные звуки боя. На месте столкновения осталась груда исковерканного дымящегося металла.

Храбрый экипаж тягача погиб. Их было пятеро: командир взвода, водитель и трое бойцов — все из 129-го противотанкового дивизиона. Их имена стерты временем…

После войны удалось разыскать лишь одного фронтовика из 129-го дивизиона — бывшего командира огневого взвода Г. Брыклю. Но он не смог вспомнить фамилии мужественных бойцов, которые таранили вражеский танк.

Перед вечером фашисты возобновили атаку. После короткого жаркого боя, потеряв, десять танков, они сумели смять наши подразделения и вклиниться в оборону. Мы вынуждены были отойти. Но не только горечь отступления переживал я в те часы. Я был горд за свою дивизию, особенно за артиллеристов, не

дрогнувших перед танковой лавиной. Враг во много раз превосходил наши силы, но все-таки мы задержали его больше чем на сутки и нанесли ему серьезный урон.

Я поспешил в деревню Синявка, но штаба дивизии там не застал. Он уже снялся. По дороге я догнал штабную батарею во главе с Макаровым. Она тоже оторвалась от колонны штаба. Вся дорога от Синявки на восток была отмечена следами варварских налетов фашистской авиации. На обочинах — трупы людей и лошадей, сброшенные остовы обгоревших грузовиков.

У Филипповичей, около старой советско-польской границы, мы увидели скопление автомашин. Меня это удивило, так как за последние дни по шоссе через боевые порядки дивизии прошло гораздо меньше транспорта. Оказалось, что основная масса машин прибыла сюда по проселочным дорогам со стороны Барановичей, Несвижа, Клецка. Как маленькие ручейки к реке, машины стекались к шоссе.

На контрольно-пропускном пункте останавливали и проверяли всех едущих. Здесь же находился командир 28-го стрелкового корпуса генерал-майор В. С. Попов. Он задерживал все подразделения и направлял их в Слуцкий укрепленный район, расположенный по линии старой границы.

Еще утром Тер-Гаспарян в разговоре с Семеновым высказывал большую надежду на этот укрепленный район.

— Там немцы обожгутся крепко. Сядем в железобетон — и ни с места! — согласился Семенов.

Но, осмотрев несколько дотов, мы сразу разочаровались. Оружие с них было снято, они давно уже заросли травой. Мы недоумевали: кому и зачем понадобилось перед самой войной демонтировать эти мощные укрепления?

Кто тут старший, где и какие части обороняются, понять было трудно. Тем более ночью. Не найдя никого из штаба нашей дивизии, мы остановились на обочине дороги. Вскоре увидели начальника связи 141-го артполка капитана Д. М. Гребенникова. Он привел из Слуцка команду в сто пятьдесят человек и не знал, кому передать это пополнение.

Потом случайно встретили начальника строевого отделения техник-интенданта 1 ранга И. М. Новикова, начальника отделения младшего политрука А. Г. Лускатова и нескольких других наших командиров. Они, как и мы, разыскивали штаб дивизии.

— Я слышал, что штаб уехал в Слуцк, чтобы организовать там оборону, — сообщил Новиков. — Туда надо ехать и нам.

Между тем немцы на плечах отступающих частей быстро подошли к Слуцкому укрепленному району и прорвались к

Филипповичам. Самоходная артиллерия врага ударила по этой деревне зажигательными снарядами. Многие дома вспыхнули ярким пламенем. Какой-то дивизион открыл ответный огонь, но вскоре замолк. Не имел, видимо, боеприпасов.

Немецкие танки двинулись в атаку, стреляя трассирующими снарядами. Жутко было смотреть на этот смертоносный ночной фейерверк, сопровождавшийся треском разрывов.

Несколько орудий, выставленных на прямую наводку, открыли огонь по вражеским танкам, освещенным заревом пожара. В этом коротком бою до последнего снаряда вел стрельбу расчет орудия 3-й батареи 141-го артполка. Сам командир батареи старший лейтенант Ш. Нуцубидзе руководил стрельбой.

Силы были далеко не равны, и задержать танковую колонну врага мы не смогли. Наша неподготовленная оборона дрогнула. Сопротивление оказалось слабым, и гитлеровцы прорвали рубеж с ходу.

Со всех сторон на шоссе устремились машины, повозки, толпы людей. Весь этот поток двигался к Слуцку, стараясь под покровом темноты как можно дальше уйти от немецких танков.

Мы остановили группу проходивших мимо красноармейцев.

— Почему без командира? — поинтересовался Новиков. — Куда идете?

Красноармейцы молчали, нерешительно переминаясь.

— Из какой части? — спросил я.

— Да мы и части-то своей как следует не знаем. Призывались в одну, а попали в другую, — ответил боец. — И сразу в самое пекло.

— А что делать? Лежать и ждать, когда танк раздавит? — заговорил второй красноармеец хриплым недовольным голосом. — Бить-то немца нечем. Патроны и те кончились. Да и винтовки не у всех…

— Было бы чем воевать, не отошли бы!

Да, худо, когда у человека нет в руках надежного оружия, чтобы защищаться и бить врага…

С большим трудом вклинившись в поток машин, мы двинулись на восток.

Утром подъехали к Слуцку. Кто мог подумать, что на пятый день войны придется отступать через этот город, удаленный от границы на триста километров!

«Почему это произошло? — мучительно думал я. — Как мы могли допустить, чтобы враг вторгся на нашу территорию? Разве мы мало готовились? Разве мы плохо занимались в мирное время?»

Нет, учились мы не только с большой нагрузкой, но и с

большим желанием. Молодые командиры стремились овладеть всеми тонкостями военного дела, наукой побеждать; хотели быть квалифицированными специалистами, чтобы как можно лучше выполнить свой долг перед Родиной. И не наша вина в том, что в программах занятий имелось много пробелов и недостатков.

Судить о том, как шла учеба в высших штабах, я не берусь, но о подготовке командиров в масштабе полка и дивизии хочется сказать немного.

На командно-штабных играх, учениях мы «прорывали» укрепленные полосы. К этому обязывал нас опыт войны с Финляндией. Мы намеревались громить напавшего на нас врага на его же территории: значит, надо было уметь прорывать укрепленные районы быстрее, чем это произошло во время войны с белофиннами.

Мы все время наступали и все время побеждали «синих», «зеленых» и прочих условных противников. Получалось так, что они всегда оказывались слабее нас.

Для наступления мы сосредоточивали до сорока орудий на один километр фронта, а если действовали танки, то было достаточно и двадцати орудий — это соответствовало положениям Боевого устава артиллерии 1937 года. На учениях было грешно создавать для своих войск трудные условия. В нашем представлении война выглядела легкой, не требующей больших жертв.

Справедливости ради надо отметить, что вопросы наступления отрабатывались тщательно. На полигонах проводились учения с боевой стрельбой, пехота и танки продвигались вперед за разрывами настоящих боевых снарядов. Но эта выучка мало пригодилась в первые дни войны.

Оборонялись на учениях реже, этот вид боя был не в моде, применялся при крайней необходимости и то лишь на отдельных участках. Наша оборона заранее считалась неприступной для любого врага. Отход, выход из боя, бой в окружении — все то, с чем пришлось столкнуться с первых дней войны, мы на учениях не отрабатывали. Даже мысль о таких действиях показалась бы в то время кощунством.

Что делалось в высших штабах, в Генеральном штабе Красной Армии? Были ли там сделаны правильные выводы, принимались ли меры, чтобы отразить вторжение сильного врага в нашу страну? Мы, войсковые командиры, не могли знать об этом. Ответ на эти вопросы дала война…

В помещении, где до войны располагался штаб дивизии, мы нашли двух красноармейцев и сержанта из охраны. Сержант

сообщил, что колонна штаба дивизии проследовала дальше, не остановившись в городе.

— Вам надо уезжать отсюда, немцы уже близко, — посоветовал сержанту разведчик Семенихин.

— Без приказа коменданта штаба лейтенанта Жаденова с поста не уйдем! — ответил тот.

Штабная батарея во главе с Макаровым направилась на восточную окраину Слуцка. А я вместе с Семенихиным поспешил в военный городок узнать, что с дочерью. Но там было пусто.

Поток машин будто оживил Слуцк. Стали появляться жители, не успевшие эвакуироваться в тыл. Многие просили взять их с собой, однако машины и без того шли переполненные.

Тяжело было смотреть на женщин с детьми. Какие превратности судьбы ожидали их впереди? Нам было стыдно перед ними. Но помочь им мы не могли.

Штаб дивизии мы разыскали на опушке леса, у шоссе, за военным городком 141-го артполка. Здесь тоже чувствовалась растерянность. Люди не знали, что делать. Увидев лейтенанта Жаденова, я сказал ему, чтобы он не забыл о команде, охранявшей пустое здание штаба.

Полковник Иванюк совещался со своими заместителями. Положение дивизии было тяжелое. О 107-м и 84-м полках по-прежнему нет никаких известий. От других частей остались малочисленные подразделения без артиллерии и станковых пулеметов. Они еще только подтягивались к Слуцку. 129-й противотанковый дивизион не имел теперь ни одного орудия, а в 141-м артполку осталось только четыре гаубицы.

Было решено обороняться на подступах к Слуцку оставшимися силами. Полковник Семенов и капитан Деревенец выехали искать пропавшие полки. В штабе артиллерии остались только мы с Макаровым.

Контролировать организацию обороны перед Слуцком подполковник Тер-Гаспарян приказал помощнику начальника разведотделения старшему лейтенанту Матвею Лукичу Оспищеву и мне. До половины дня мы с Оспищевым собирали на шоссе остатки отступающих подразделений. Наскоро сформированные из этих людей взводы и роты занимали рубеж по реке Локня, между деревнями Безверховичи и Огородники, в пяти километрах западнее Слуцка. Здесь же оборонялись сводные отряды из остатков 14-го механизированного корпуса. С помощью начальника артиллерии 111-го стрелкового полка старшего лейтенанта Федорова нам удалось сформировать несколько групп истребителей танков.

— Все это не поможет, — грустно сказал Федоров, когда на

новом рубеже был наведен некоторый порядок. — Пяток танков подобьем, а с остальными как? Разве такая жидкая оборона без пушек удержится?

Раньше Анатолий Пантелеевич Федоров отличался оптимизмом, энергией и волей. Но сейчас и он приуныл. У всех нас настроение было неважное. Тяжко было видеть, как на глазах, словно свечи, тают наши части.

Вскоре противник нанес бомбовый удар и без артиллерийской подготовки бросил против нас полсотни танков. Наспех организованная оборона была прорвана.

Перед самым городом, на его западной окраине, немцы встретили более сильное сопротивление. После неудачной атаки они начали обходить Слуцк с севера и с юга, где советских войск вообще не было.

Жители торопились покинуть город. Шли пешком, в одиночку и семьями; ехали на подводах и машинах. По обочинам шоссе пылил скот. Издали дорога похожа была на пеструю шевелящуюся ленту. Как только появлялись вражеские самолеты, лента распадалась.

Люди разбегались в стороны, прятались где только можно. Самолеты улетали, и все снова становилось на свое место. Поток катился дальше, оставляя возле шоссе убитых и обломки машин.

Командный пункт дивизии переместился к селу Калита, в восемнадцати километрах от Слуцка. Остатки 111-го и 228-го стрелковых полков вместе с подразделениями других частей, влившимися в состав дивизии, заняли оборону неподалеку отсюда. Севернее, в районе Омговичей, седлая шоссе, оборонялись сводные подразделения механизированного корпуса.

В воздухе почти непрерывно кружили немецкие самолеты. Они обстреливали дороги, бомбили населенные пункты и боевые порядки наших войск. В Слуцке возникли пожары от зажигательных бомб. Над городом поднялось облако черного дыма.

«Где-то сейчас дочь?» — эта мысль не покидала меня. Может быть, она, голодная, изнемогая от жары и усталости, плетется вместе с другими по пыльным дорогам? Или, еще хуже, осталась в горящем городе?

— Разрешите махнуть в Слуцк? — обратился ко мне Семенихин, понимавший мое состояние.

— Зачем?

— Может, Римму разыщу!

— Найти не найдешь, а к фашистам в лапы наверняка угодишь, — ответил я, глядя на худощавого, хрупкого с виду разведчика. Раньше мне казалось, что я хорошо знал его. Но

теперь, к своему удивлению, открывал в его характере все новые и новые черты.

— Обязательно найду. Только разрешите, — настаивал он.

— Перестань, Николай, фантазировать! И забудь об этой выдумке!

По выражению лица разведчика было видно, что он недоволен моим отказом. А он был человеком не только решительным и смелым, но и упрямым.

Во второй половине дня по приказанию Тер-Гаспаряна я ездил в Уречье — установить, какие воинские части находятся возле бывших лагерей. Там оказался 161-й запасный стрелковый полк, которым командовал майор Сибилев. Полк получил задачу обороняться в районе Уречья. Но соседей у него не было, связи с командованием он не имел.

Там я видел, как были взорваны уреченские склады горючего. Два взрыва огромнейшей силы потрясли землю, черные клубы дыма громадными столбами взметнулись к небу и слились в черную тучу. Она долго висела в воздухе, медленно смещаясь в сторону. Десятки тысяч тонн ценного горючего были уничтожены за секунды! А сколько труда было вложено, чтобы создать запасы! Успокаивала лишь мысль о том, что теперь эти запасы не достанутся врагу.

Вечером я возвратился на командный пункт. Здесь произошло тревожное событие: пропал командир дивизии полковник Иванюк. Были организованы поиски, но они не увенчались успехом. Высказывались различные предположения: убит диверсантами, уехал в штаб армии, попал под бомбежку…

Исчез куда-то также и Семенихин. Оставалось только предполагать, что он все же отправился в Слуцк разыскивать свою любимицу — Римму. Я не верил, что Семенихин мог нарушить присягу, и не спешил докладывать о случившемся по начальству.

Ночь на командном пункте прошла беспокойно. Никто не спал. Люди держали наготове пистолеты и гранаты. Поблизости действовали вражеские диверсанты. После полуночи несколько из них сумели подобраться к штабу, миновав охрану. Фашисты внезапно открыли огонь из автоматов и бросили штук пять гранат. Были убиты начальник инженерной службы дивизии майор Алексей Константинович Носов и два красноармейца из взвода охраны.

Мне особенно жаль было майора А. К. Носова, которого я хорошо знал. В этот день он с группой бойцов устраивал завалы на дорогах, минировал мосты, готовил к взрыву уреченские склады горючего. Много раз рисковал жизнью — и уцелел. А тут погиб так нелепо…

Утро 27 июня снова выдалось ясным, безоблачным. В лесу на разные голоса щебетали птицы.

С командного пункта хорошо просматривалась местность. На горизонте, над Слуцком, еще висела серая пелена дыма. Заняв город прошлым вечером, немцы с рассветом начали вести разведку и выдвигать свои передовые части к нашему рубежу. Одиночные танки то и дело приближались к переднему краю обороны, искали слабые участки. Навстречу им каждый раз выходил из леса единственный уцелевший в разведбатальоне дивизии танк БТ-7. Удачным выстрелом ему удалось разбить одну вражескую машину.

Тер-Гаспарян приказал нескольким работникам штаба, в том числе и мне, выехать вместе с ним в Уреченские лагеря, где находился сборный пункт призванных в армию.

Люди ко времени нашего приезда помылись в бане и переоделись в военное обмундирование, получили оружие.

«Неужели все это достанется врагу?» — думал я, проходя мимо открытых складов, где были сосредоточены большие запасы продовольствия, боеприпасов и различного имущества.

Подполковник Тер-Гаспарян поручил каждому сопровождавшему его командиру срочно сформировать из мобилизованных по одной роте в пятьдесят — шестьдесят человек.

Собрав несколько групп, я быстро разбил людей на три взвода по двадцать бойцов в каждом. Формирование роты облегчалось тем, что среди мобилизованных имелись командиры запаса. Мое внимание привлек коренастый лейтенант лет тридцати с упрямым, волевым выражением лица.

— Ваша фамилия и военная специальность? — обратился я к нему.

— Лейтенант Чернов, был когда-то командиром пулеметной роты, — четко ответил он, приняв положение «смирно». — В тридцать седьмом году уволили из армии.

— Партийность?

— Член партии с тридцать третьего года. Правда, исключался при увольнении. В прошлом году восстановлен.

— Пулеметов у нас сейчас нет. Будете командовать стрелковой ротой. Составляйте списки, назначайте младших командиров. Берите на складах побольше патронов и гранат. Ждите команду к выступлению.

— Все будет сделано! — заверил Чернов. Он энергично взялся за работу.

Через некоторое время я направился в штаб запасного полка, расположенный поблизости. Нужно было решить ряд вопросов: о

кухнях, транспорте, связи.

По дороге в штаб меня догнал Чернов и попросил заменить политрука роты младшего политрука Лисянского, присланного из запасного полка.

— Неприятный человек этот Лисянский. Говорит, что сам из Хотинова, но ребята, которые оттуда, такой фамилии не слышали, — докладывал Чернов. — В соседней деревне есть Лисянские, я их знаю, но у них самый старший только семилетку закончил. Верно, был еще один сын, да в прошлом году умер.

— Проверьте как следует.

— Некогда сейчас проверять. Разрешите взять вместо Лисянского лейтенанта Василия Негорелова. Он в нашем селе секретарем комсомольской ячейки был. Кандидат партии.

— Я не могу политработников назначать. Это не в моей власти. Но раз такое дело, согласен. Отошлите Лисянского обратно в запасный полк, пусть там его и проверят.

В штабе находился подполковник Тер-Гаспарян. Он разговаривал с командиром запасного полка майором Сибилевым. Тер-Гаспарян предложил майору действовать в составе нашей дивизии, при условии если не будет никаких распоряжений из штаба армии. Сибилев охотно согласился. Он давно уже не получал указаний и распоряжений.

Запасный полк занимал оборону перед Уречьем. Здесь было спокойно, противник к позициям полка еще не подошел. О войне напоминали только отзвуки стрельбы, доносившиеся с севера, да изредка появлявшиеся над лесом самолеты-разведчики.

Я доложил Тер-Гаспаряну о сформировании роты и спросил, куда ее направить. Он приказал передать ее в 111-й полк.

Вскоре пришел старший лейтенант из 111-го полка, приехавший за пополнением. Я сдал ему роту, а сам отправился к подполковнику Тер-Гаспаряну.

К счастью, подполковник уже уехал из штаба. Именно к счастью, так как, задержись он еще на несколько минут, ему наверняка пришлось бы разделить трагическую участь майора Сибилева.

Произошло вот что. Подозрения лейтенанта Чернова полностью оправдались. Лисянский вовсе не был младшим политруком. Когда его привели для проверки в штаб полка, он, видимо, понял, что проиграл. Во время допроса он выхватил пистолет и выстрелил в Сибилева. Майор был убит наповал. Лисянский бросился бежать, но его тут же настигла пуля одного из бойцов.

Я очень сожалел о том, что недооценил подозрения Чернова и не принял необходимых мер предосторожности.

На командный пункт дивизии возвратился к четырнадцати часам. Как раз в это время началась канонада. Гитлеровцы открыли артиллерийский и минометный огонь по обороне нашего правого соседа. Пикировщики сбрасывали сотни бомб с истошно воющими сиренами.

В центре и на левом фланге нашей дивизии, а также на участке 161-го запасного полка было тихо.

Бросив в атаку около двадцати танков, противник вклинился в оборону соседа. На опушке леса танки были остановлены артиллерией, но ненадолго. Через час немцы прорвали оборонительный рубеж в районе Омговичи — Калита и оттеснили правофланговые подразделения нашей дивизии. В образовавшуюся брешь хлынули на Бобруйск главные силы танкового корпуса. Они шли со стороны Слуцка колонной.

Мы смотрели на вереницу танков, громыхавших по шоссе в двух километрах от нашего командного пункта, и чуть не плакали от ярости и бессилия. Вот он, враг — совсем рядом, а уничтожить его нечем. Бросить на него пехоту со связками гранат — бесполезно. Люди погибнут под пулеметным огнем раньше, чем добегут до машин. Противотанковый бы дивизион сюда, да ударить бы из всех пушек… Но пушек у нас нет.

Вечером, когда штаб дивизии переместился на юг, в Уречье, из Старых Дорог приехал офицер связи, посланный на поиски штаба армии. Он сообщил, что танки противника прорвались с севера в Старые Дороги и устремились к Бобруйску. Командный пункт 4-й армии, застигнутый врасплох, едва успел сняться с места. Никаких указаний для нашей дивизии этот офицер не привез.

Враг обошел нас. Дорога на Бобруйск теперь была закрыта.

Командир дивизии полковник Иванюк так и не появился. Никто не знал, где он и что с ним. Подполковник Тер-Гаспарян, вступивший в командование дивизией, принял решение отходить на Глуск.

Куда-то запропастилась штабная батарея вместе со своим командиром младшим лейтенантом Макаровым.

Когда совсем стемнело, остатки дивизии покинули рубеж обороны и двинулись по проселочной дороге к Глуску.

Почти перед самым отъездом явился вдруг Николай Семенихин. Грязный, похудевший, он еле стоял на ногах. Я едва узнал его.

— Был в Слуцке. Римму не нашел, — коротко доложил разведчик.

Мне хотелось отругать его, наказать за самовольный уход. Но это желание исчезло при взгляде на его измученное лицо, такое

грязное, что даже веснушек не было видно на щеках. Да и что там греха таить, я очень обрадовался возвращению Семенихина.

— Наказать тебя строго следовало, в другой раз знал бы, как самовольничать, — для порядка сказал я.

— Как хотите, — ответил Семенихин. — Главное, что своих догнал, теперь мне все равно.

Трясясь в кузове грузовой автомашины, я долго и подробно расспрашивал Николая о его похождениях. Расспрашивал до тех пор, пока не получил полное представление о рискованной вылазке разведчика.

…Под покровом темноты Семенихин незаметно проник в город. Там уже хозяйничали фашисты. Грузили на машины товары из магазинов и складов. Раздавались выстрелы, пьяные крики.

Добравшись окраинными улочками до домов комсостава, Семенихин увидел только груду обгоревших развалин. Тогда он отправился на частную квартиру, где я жил в прошлом году. Хозяин квартиры встретил его недружелюбно. На вопросы Николая ответил, что девочка недавно приходила к нему с какой-то женщиной, просилась переночевать. Но потом, мол, они передумали и ушли.

— Этот куркуль сам ее прогнал, факт! — возмущался разведчик. — Побоялся семью командира укрыть!

Между тем близился рассвет. Семенихин спрятался в огороде. Мимо него немецкие автоматчики в черной форме провели большую толпу женщин с детьми и мужчин всех возрастов. Их гнали быстро, подталкивая прикладами. Видел Николай и группу военнопленных: командиров и красноармейцев. Среди них было много раненых.

Выбравшись на окраину города, Семенихин залег во ржи, возле дороги. А когда появилась грузовая машина с гитлеровскими солдатами, он бросил в кузов две гранаты.

— Немцы, которых не убило, так обалдели, что в мою сторону никто не стрелял. А я ползком — через рожь да к лесу, — закончил рассказ разведчик.

Я слушал Семенихина с большим волнением. По его словам получалось так, что дочь осталась в Слуцке. Что же теперь будет с ней?

Семенихин вскоре заснул. Во сне он бормотал, вскрикивал. Я смотрел на его веснушчатое, всегда веселое лицо. Сейчас оно было грустным.

Медленно тянулась эта тревожная ночь. Впереди — неизвестность. Слева, со стороны шоссе, параллельно которому

двигалась наша колонна, доносился несмолкаемый гул немецких танков, стремившихся на восток. Темноту то и дело прорезали осветительные ракеты. На горизонте полыхало зарево близких и далеких пожаров.

Новый день застал нас на марше. Колонна, собранная из остатков дивизии, растянулась километра на два. Тут были всадники, повозки, грузовики, тракторы без орудий, один уцелевший танк и одна бронемашина. Пешие двигались по обочинам, по обе стороны дороги. К нам присоединялись одиночки и группы бойцов, выходивших из леса. Мы нагоняли беженцев, гурты еле плетущегося скота.

На малом привале как-то сам собой возник отряд смельчаков, которые хотели выйти на шоссе и устроить там засаду. Но подполковник Тер-Гаспарян запретил делать это.

— Больше будет вреда, чем пользы, — сказал он. — Немцы вышлют разведку, обнаружат нас и отрежут от Глуска. А свернуть нам некуда — справа болота.

Довод был веский. Но очень уж велико было желание бить гитлеровцев. Человек пятнадцать бойцов и командиров незаметно отстали от колонны и скрылись в лесу.

В эти дни нам приходилось встречать и командирские семьи. Они выходили из леса на дорогу голодные и усталые. В одной из таких групп оказалась моя соседка по квартире. Она подтвердила, что несколько командирских семей не успели уйти из города. Вместе с ними видели и мою дочь.

Когда мы въехали в Глуск, из домов высыпали жители. Они недоуменно и даже испуганно смотрели на нас: видимо, мы выглядели странно и удручающе. К тому же среди нас было довольно много раненых.

Наша машина остановилась у здания райвоенкомата. Тут никого не оказалось. Ветер гонял по двору пепел сожженных бумаг.

Подполковник Тер-Гаспарян хотел позвонить в Бобруйск, чтобы выяснить обстановку, но телефон не работал. Мы не знали, где свои, как далеко продвинулись немцы. Тер-Гаспарян, разложив на столе карту, долго сидел над ней, обдумывая, что делать. Потом поднялся и объявил нам свое решение: двигаться дальше в общем направлении на Рогачев.

Мост через реку Птичь, протекавшую около города, оказался сожженным; из воды торчали обугленные сваи. Для того чтобы переправиться через реку, нужно было сделать крюк в десять — двенадцать километров. К шести часам вечера мы добрались до деревни Жолвинец. Началась переправа. Высланная разведка сообщила о движении сплошных колонн немецких войск по шоссе

от Старых Дорог на Бобруйск. С северо-востока доносился отдаленный гул артиллерийской стрельбы.

Офицер связи, приехавший наконец из штаба армии, привез распоряжение. Части дивизии должны были собраться в районе Чечерска для укомплектования. Предстоял марш около ста восьмидесяти километров. Обстановку представитель штаба не знал, он сказал только, что бои идут на реке Березина.

Старшему лейтенанту М. Л. Оспищеву и мне Тер-Гаспарян приказал организовать оборону моста и держаться до тех пор, пока переправится пешая колонна дивизии. Мы собрали команду из пятнадцати добровольцев. Здесь были и артиллеристы, и пехотинцы, и даже два танкиста. Переписали фамилии и домашние адреса бойцов. Выставили охрану.

Одиннадцать винтовок и карабинов, три ППД (пистолет-пулемет Дегтярева), один ручной пулемет, бутылки с горючей смесью и около двадцати гранат — таким было вооружение нашей группы.

Вскоре Оспищев получил приказание Тер-Гаспаряна выехать за отставшим 161-м запасным полком, разыскать его и вывести проселочными дорогами к главным силам дивизии. В нашем распоряжении находились две машины, в том числе крытый штабной автобус, забитый чемоданами комсостава. Все эти вещи пришлось выбросить. Матвей Лукич Оспищев выкинул и свои чемоданы. Потом, когда он догнал дивизию, приведя запасный полк из Уречья, никто из командиров штаба не обиделся на него.

Оспищев уехал. А через мост всю ночь проходили войска и беженцы. Ни одного орудия и танка, никакой техники — только люди.

Перед рассветом движение прекратилось. Дорога опустела. Вся наша группа бодрствовала. Бойцы лежали у въезда на мост, тихо переговаривались.

— Как сейчас дома поживают? Сенокос вовсю идет, а там и жнитво… Мужики, наверное, все в армию ушли, остались одни бабы да старики. Работать некому, — сказал красноармеец Роман Силков. В его голосе звучала затаенная грусть.

— А ты сам откуда? — спросил Семенихин.

— Рязанский. Около Сасово наша деревня.

— Туда война не дойдет, а мою уже немцы забрали…

— Родня-то осталась?

— Тетка, двоюродный братишка с сестренкой.

— Плохо. Тяжело будет под немцем, — сочувственно произнес Силков.

В деревне пропели петухи. Тускнели звезды. Стая уток опустилась в тихой заводи, неподалеку от нас.

Со стороны Бобруйска снова докатился гул артиллерийской стрельбы, которая стихла ночью. Высоко в небе, держа курс на восток, проплыли бомбардировщики. Начинался тяжелый и длинный фронтовой день.

Со стороны леса послышался шум моторов. В предрассветной мгле показались три черных силуэта.

— Бронеавтомобили! — определил Семенихин.

Машины остановились у поворота в трехстах метрах от нас. Из переднего броневика вылез офицер, в руках его забелела карта.

— Немцы! Кресты вижу! — прошептал Семенихин.

«Вот сейчас из пушки ударить, ни один не ушел бы!» — подумал я.

Офицер сложил карту и сел в машину. Броневая дверка захлопнулась.

— Спокойно, ребята! Раньше времени не стрелять! — передал я по цепочке.

Вся наша команда лежала в высохших канавах около дороги, у каждого под рукой — бутылки с горючей смесью и гранаты.

Броневики на малой скорости приближались к мосту.

Красноармейцы застыли в напряженном ожидании.

Признаюсь, что в ту минуту мне было страшно, я, наверное, побледнел. Но вот перед глазами возник образ дочери. Это они, фашисты, нарушили наш покой, разбили мою семью, усеяли землю трупами…

Закипевшая злоба прогнала страх. До боли в пальцах я сжал потеплевшую лимонку. Этой гранатой я не мог промахнуться!

Зеленые машины с серо-коричневыми пятнами камуфляжа совсем близко. Сердце отчаянно колотилось, во рту пересохло.

— Огонь! — вскочил я. Граната полетела точно в машину. Я упал. Рядом тяжело плюхнулись Силков и Семенихин, бросившие свои «гостинцы». Гранаты, бутылки с горючей смесью сыпались на немцев и справа и слева. Затрещали винтовочные выстрелы.

Передний броневик, объятый пламенем и потерявший управление, продолжал катиться по дороге. Проехав метров двадцать, он свалился под откос и, перевернувшись, упал в реку.

Загорелась и вторая машина. Дверца была открыта, около нее валялся убитый офицер. Третий броневик замер на дороге.

«Тоже подбит», — решил я.

— Здорово сработано! — радостно воскликнул Семенихин.

Бойцы вскакивали на ноги, громко смеялись. И вдруг гулко застучал пулемет. Струи свинца прижали нас к земле. Это открыл огонь третий броневик. Машина медленно пятилась по дороге.

— Уйдет, подлец! — крикнул Силков. Пригнувшись, он

побежал по канаве. Вот красноармеец размахнулся и кинул гранату. Она разорвалась за броневиком.

— Эх, черт возьми, промазал! — на помощь Силкову бросился Семенихин.

Но было уже поздно. Набрав скорость, броневик скрылся за пеленой поднимавшегося тумана.

— Теперь приведет целое войско, — сказал кто-то из красноармейцев.

Ну что же, две бронемашины враг вынужден списать со счета! Это была хоть маленькая, но победа. Однако радость ее омрачилась тем, что в самую последнюю минуту фашистская пуля сразила Романа Силкова.

Силков лежал на краю канавы. Раскрытые черные глаза застыли в каком-то недоумении. Изо рта тонкой пенистой струйкой текла кровь. Пуля ударила его в грудь, навылет.

Сразу нахмурились, помрачнели бойцы.

Передо мной встал вопрос: что делать дальше? Колонна нашей дивизии прошла, 161-й полк Оспищев поведет через южный мост. «Пора уезжать», — решил я.

Отряд быстрым шагом двинулся на пригорок, к деревне. Впереди Семенихин и еще трое бойцов несли тело Силкова. Густая, потемневшая кровь редкими каплями падала на дорожную пыль.

От леса отделилось несколько танков и автомашин с пехотой. Они устремились к мосту.

Мы отошли вовремя. Задержись наш отряд на десять-пятнадцать минут, мы не смогли бы оторваться от противника.

Деревня будто вымерла. Не мычали коровы, не скрипели колодезные журавли, над трубами домов не вился дымок. Оставшиеся жители, встревоженные стрельбой, выходили к воротам и молча провожали нас тоскливыми взглядами.

На окраине деревни нас ждала грузовая машина. Недалеко от дороги, возле старой березы, бойцы выкопали могилу. Тут и похоронили мы красноармейца Романа Силкова. Когда опускали его в неглубокую яму, со стороны моста донесся треск выстрелов. Немцы обстреливали берег реки. Они боялись теперь лезть напролом.

К вечеру мы выехали на шоссе Брест — Москва около Рогачева. Над городом медленно проплыл четырехмоторный тяжелый бомбардировщик ТБ-3. Огромная воздушная крепость шла с запада без сопровождения истребителей. Это — первый наш самолет, который я увидел за восемь дней войны.

Брестское шоссе было еще больше запружено транспортом, людьми и гуртами скота. Двигались мы медленно. То и дело

приходилось останавливаться и ждать, когда рассосется очередная пробка.

Только 1 июля прибыли мы наконец в район Чечерска. Сюда, в лесной лагерь, что в шести километрах западнее города, стягивались на доукомплектование остатки нашей дивизии. Представители дивизии, разъезжая по окрестным дорогам, собирали красноармейцев и командиров, отбившихся от своих частей. Этими людьми пополнялись наши подразделения. Кроме того, из ближайших районных центров к нам прибывали и вновь мобилизованные.

В ходе укомплектования выяснилось, что наши потери убитыми и ранеными за первые дни войны были не столь значительными, какими они казались до этого. Части нашей дивизии редели главным образом за счет пропавших без вести. Подразделения, не имевшие транспорта, отходили в стороны, двигались по проселкам через леса и отставали от главных сил. Теперь эти подразделения разыскивали свои полки или вливались в другие части.

— Ну, товарищ Морозов, собирай артиллерию, тащи в дивизию все, что попадется под руку. Людей найдем, дело за пушками! — распорядился Тер-Гаспарян.

На ближайших складах орудий не оказалось. Мы пополнялись ими за счет «перехвата» на дорогах. 141-й артполк так и остался без гаубиц. Он представлял собой пешую команду численностью около шестисот человек. Для полковой и батальонной артиллерии удалось достать девять пушек калибром 45–76 миллиметров и десять 82-, 120-миллиметровых минометов.

В полном составе прибыла наша штабная батарея. Оторвавшись от штаба дивизии, она отходила по Брестскому шоссе через Бобруйск. В районе Довска командир батареи младший лейтенант Макаров случайно встретил работника штаба армии, который и направил батарею сюда.

В конце первой недели июля вернулись в дивизию полковник Семенов и капитан Деревенец. Они привели с собой 107-й стрелковый и 84-й артиллерийский полки, которые разыскали еще 27 июня севернее Слуцка.

Деревенец рассказал мне о боевых действиях этих частей.

107-й полк развернулся 24 июня перед Слонимом, куда он был переброшен автотранспортом. 84-й артполк вступил в бой позднее в районе Барановичей. Здесь в первом бою артиллеристы подбили с десяток фашистских танков, при этом потеряли всего лишь два орудия.

26-27 июня полки сражались бок о бок с мотострелковой дивизией, имевшей на вооружении одни лишь винтовки и

пулеметы.

В бою с прорвавшимся противником артиллеристы обоих наших полков подбили и уничтожили еще десять танков. Капитан Деревенец восхищался умелыми действиями батареи лейтенанта В. Э. Шомоди, которая больше всех подбила танков, не потеряв ни одного орудия.

Проверяя перед этим боем организацию противотанковой обороны, Деревенец случайно встретил в лесу группу женщин с детьми, в том числе и свою семью: жену с дочкой. Эти женщины — жены командиров — 24 июня пешком вышли из Слуцка по дороге на Минск.

Они были очень голодны и сильно устали. Их накормили, а потом на машине отправили в Смоленск. Оттуда они должны были уехать в глубь страны поездом.

После боев севернее Слуцка оба полка отошли на восточный берег Березины, где держали оборону около двух суток, отражая попытки немцев форсировать реку с ходу. Здесь батарейцы 84-го артполка подбили несколько танков. Сдав рубеж частям воздушно-десантного корпуса, полки продолжали путь на восток. С их прибытием боевые возможности нашей дивизии резко возросли.

107-й стрелковый полк имел около половины своего первоначального состава. 84-й артполк оказался в лучшем состоянии: потери его были незначительными. Семенов считал, что главная заслуга в этом принадлежит командиру полка майору И. К. Воропаеву[2]. Он умело руководил боем, добивался успеха ценой малых жертв. Сказывался большой боевой опыт, полученный Воропаевым в Испании, где ему довелось уже встречаться с фашистами. Капитан Деревенец очень лестно отозвался о работе штаба полка, возглавляемого капитаном Н. Д. Азаровым.

Но артиллеристам очень не повезло. Нанеся врагу большие потери, артполк прибыл в район сосредоточения без своего боевого Знамени.

Случилось так, что взвод, охранявший святыню полка, был отрезан в бою от главных сил. Весь взвод погиб под гусеницами фашистских танков.

Лишь несколько лет спустя стало известно, что один из раненых красноармейцев успел спрятать Знамя и оно не попало в руки гитлеровцев. Его нашла колхозница Е. М. Мясник. Вместе со своим братом смелая женщина бережно хранила боевое Знамя до прихода советских войск. За свой патриотический поступок Е. М. Мясник была награждена орденом Красной Звезды. Сейчас Знамя полка находится в Минске, в музее истории Великой

Отечественной войны.

Опыт, оплаченный кровью

Дивизия не только доукомплектовывалась, но и вела оборонительные работы на двенадцатикилометровом фронте по восточному берегу реки Сож — от Пропойска (Славгорода) до Старой Каменки. Этот рубеж мы и заняли 12 июля, войдя в состав 28-го стрелкового корпуса. Командный пункт дивизии расположился возле села Кремянки, в четырех километрах восточнее Пропойска.

Севернее заняла оборону по реке Проня 42-я стрелковая дивизия. Для усиления 44-го стрелкового полка этой дивизии, на который возлагалась оборона Пропойска, был передан наш 84-й артполк. Мы снова остались почти без артиллерии.

О том, что происходило впереди — на Днепре, мы узнавали из скупых сводок Совинформбюро.

Полковник Семенов сообщил мне и Деревенцу, что нашей 4-й армии, располагавшей фактически только 28-м корпусом, поставлена задача не допустить прорыва немецких войск в направлении Пропойск — Кричев. 47-й стрелковый корпус, тоже входивший в состав армии, имел огромную нехватку личного состава, совсем не имел артиллерии и был сосредоточен в районе Новозыбков — Климово для пополнения.

Двое суток я провел на рубеже обороны стрелковых полков и в боевых порядках 84-го артполка: проверял готовность артиллерии. Противника перед дивизией еще не было. Оборонительные работы шли полным ходом.

С наблюдательных пунктов, расположенных на правом фланге дивизии, хорошо видны были противоположный берег реки, восточная и южная окраины Пропойска, шоссе, выбегавшее из города. По дороге двигалось в обе стороны много машин и повозок. Часто появлялись в одиночку и звеньями немецкие самолеты, стреляли из пулеметов и сбрасывали бомбы. Движение замирало. Но как только самолеты удалялись, машины и повозки снова пускались в путь.

Огневые позиции артиллерийского полка были выбраны удачно и хорошо замаскированы, особенно позиции батарей, которыми командовали лейтенанты Шомоди, Ларюхин и старший лейтенант Чапенко. Командир полка майор Воропаев и командир 1-го дивизиона капитан Лубинский были мастерами маскировки. Они научили этому и своих подчиненных.

Все шло нормально. Люди жаловались только на отсутствие топографических карт, по которым можно готовить данные для стрельбы. С этим у нас было плохо. Для общей ориентировки

пользовались географическими картами Белоруссии. Одна-единственная карта масштаба 1:100 000 находилась у командира дивизии.

Довольный своей поездкой и бодрым настроением артиллеристов, возвращался я на командный пункт. Дорога то шла лесом, то выбегала на простор полей. В золотистых солнечных лучах купались березовые рощицы. Темной стеной стояли заросли елей. Хотелось выйти из машины и приподнять еловые ветки, веером нависшие над землей, под ними часто прятались белые грибы.

Вскоре я подъехал к штабу, укрывшемуся в лесу. Полковник Семенов и капитан Деревенец только что вернулись из других полков. Ординарец Семенова красноармеец Скиба кипятил на маленьком костре чай в котелке. После того как я доложил о своей поездке, Семенов сказал:

— Наши войска на рогачевском направлении перешли в наступление. Об этом передавали по радио.

— Может, и обороняться здесь не придется?! — обрадовался Деревенец.

— Не знаю, — ответил Семенов, прихлебывая чай, только что налитый из дымящегося котелка.

Я удивлялся, как это полковник умудряется не обжечь рот.

С нетерпением ждали мы, когда вернется из штаба армии Тер-Гаспарян. Мы думали, что он привезет хорошие новости. Но получилось другое. Новости оказались крайне неприятными. Подполковник сказал, что еще 10–11 июля немецкие войска форсировали Днепр. К вечеру 14 июля, продвинувшись на сто километров, они захватили Мстиславль, угрожая с севера Кричеву. Складывалась очень трудная для нас обстановка.

2-й дивизион 84-го артполка был срочно направлен в район севернее Кричева для совместных действий с частями 6-й стрелковой дивизии, которые должны были не допустить немцев к городу. Наша дивизия получила новую задачу. Совершив в ночь на 15 июля тридцатикилометровый марш, она сосредоточилась в лесах южнее Черикова. Предполагалось, что мы примем участие в контрударе по группировке противника, прорвавшейся на Горки — Мстиславль. Но контрудар не состоялся.

На рассвете был получен новый приказ: немедленно вернуть 107-й стрелковый полк с 1-м дивизионом 84-го артполка к Пропойску. Оказалось, что немецкие танки ворвались в Пропойск, потеснили 42-ю дивизию и продвигаются на Чериков.

— Черт знает что это такое! Только от Пропойска ушли, а там прорыв! — возмущался Тер-Гаспарян. Он был человеком горячим, вспыльчивым и на все промахи, как свои, так и чужие, реагировал

всегда болезненно.

Полковник Семенов поддержал его:

— Какая-то свистопляска. Из-под самого носа немцы город у нас отхватили. Рубаха горит, а мы в сапоги воду льем! Столько войск, а фашистов никак не задержим!

— Войск немало, да и дыр хватает, успевай только затыкать!

Слушая их разговор, я подумал, что управление войсками на нашем направлении осуществляется, вероятно, далеко не лучшим образом. Ни я, ни другие товарищи не знали в то время ни размеров неудач, ни их причин. Сведения о событиях за пределами дивизии доходили до нас с опозданием, в самых общих чертах.

Днем части дивизии вели разведку переправ через Сож, заготавливали плоты на случай форсирования реки.

Разведчики, высланные вперед, сообщили, что немцы прорвали оборону на реке Лобчанка, притоке Сожа, в двенадцати километрах западнее Черикова. Там оборонялся 333-й полк 6-й стрелковой дивизии. Людей в нем осталось мало, артиллерии совсем не было. Полк не смог отразить танковый удар и отошел к переправе через Сож, в район Мирогощи — Журавля.

Тер-Гаспарян, не ожидая распоряжения из штаба корпуса, принял решение перебросить наши части через реку, с тем чтобы удержать Чериков за собой. Но осуществить это не удалось — немецкие танки уже подходили к городу.

Успевшие переправиться батальоны 111-го стрелкового полка, едва выдвинувшись на юго-западную окраину Черикова, сразу вступили в бой. Мы с Семеновым находились в это время возле переправы, южнее города. У нас не имелось средств, чтобы организовать артиллерийскую поддержку дерущихся батальонов. А пушки там были очень нужны!

Через час после начала боя немецкие танки ворвались в Чериков. Тер-Гаспарян приказал батальонам отойти обратно на восточный берег реки. Потом он, в разговоре с Семеновым, сожалел, что не переправил дивизию днем и не организовал заблаговременно оборону Черикова. Семенов успокоительно ответил ему, что на это мы не имели приказа сверху, да и трудно было предположить, что обстановка изменится так резко и неожиданно.

После потери Черикова нам было приказано занять оборону по берегу Сожа от Гронова (в пяти километрах восточнее Черикова) до Пропойска. 333-й стрелковый полк был временно передан в состав нашей дивизии. Вместе с ним и 161-м запасным у нас теперь насчитывалось пять стрелковых полков.

Наш 107-й полк, возвращенный в район Пропойска, не смог

оказать существенной поддержки частям 42-й дивизии, отступившим от города. Попытка вернуть Пропойск окончилась неудачей, и полк был вынужден перейти к обороне, удерживая за собой небольшой плацдарм. Но после передышки полк ночью ворвался в южную часть города, перебил там застигнутых врасплох гитлеровцев, поджег несколько танков и автомашин. Утром фашисты бросили в атаку два танковых батальона с автоматчиками. До полудня шел жаркий бой за каждый дом. Наши стрелки не смогли отразить натиск бронированных машин: противотанковых орудий и мин у нашей пехоты не было. Полк отступил на исходные рубежи.

Утром 17 июля к нам приехал новый начальник штаба дивизии подполковник К. А. Елшин. Черный бархатный воротник и брюки навыпуск с малиновыми лампасами свидетельствовали, что прибыл он из Академии Генерального штаба. Тер-Гаспарян с капитаном Зуевым, временно исполнявшим должность начштадива, расположившись у шаткого стола под развесистой елью, сразу познакомили нового начальника штаба с положением дел. Обстановка после захвата немцами Пропойска и Черикова еще больше обострилась. Наша армия снова понесла серьезные потери. В 28-м стрелковом корпусе осталась лишь наша дивизия да часть сил 6-й дивизии. Две другие дивизии, 42-я и 14-3-я, были отрезаны от своих.

Положение наше было незавидным. Но в этот день на смуглом обветренном лице Тер-Гаспаряна впервые за последнее время появилась улыбка. Он радовался тому, что у него появился теперь надежный помощник.

При новом начальнике штаб дивизии заработал более деловито и оперативно. Елшин не оставлял нерешенным ни одного вопроса, не откладывал их в долгий ящик. Он часто собирал начальников отделений штаба и служб, требовал точных докладов, давал указания, что и как надо сделать. В разговоре с подчиненными он был вежлив и тактичен.

Меня послали в 228-й полк проверить противотанковую оборону и уточнить наличие вооружения. В полку насчитывалось около половины штатного состава. Имелось восемнадцать ручных и станковых пулеметов, сто автоматов, три ротных миномета и две 76-миллиметровые пушки образца 1927 года. Короче говоря, оснащенность полка тяжелым оружием была в десять раз меньше положенной по существовавшим тогда нормам. Противотанковых мин не было, ручных гранат — весьма ограниченное количество.

У нас не хватало всех видов оружия. Артснабженцы дивизии и полков сбились с ног, а достать ничего не могли. Большое количество складов, в том числе и наш уреченский склад,

оказались на территории, оккупированной врагом. G тыловых баз вооружение еще не поступало.

Фашисты захватили Кричев, вышли к реке Сож от Пропойска до Мстиславля. Наше положение еще более осложнилось.

На фронте протяженностью около тридцати пяти километров оборонялась только наша дивизия и до полка 6-й дивизии. Рубеж для таких сил был слишком велик. Подразделения растянулись вдоль берега редкой цепочкой.

Командир взвода разведки штабной батареи лейтенант М. Васильев привел в штаб пожилого колхозника из деревни Журавель, перешедшего на наш берег. Колхозник рассказал, что в лесу восточнее деревни немцы сосредоточивают переправочные средства: разборные мосты, понтоны и лодки.

— Значит, наверняка будут наступать здесь, — решил полковник Семенов.

— Была бы авиация или аэростаты, можно было бы точно определить, где понтоны. А с наблюдательных пунктов ничего не видно, — досадовал Деревенец.

— Морозов! Езжайте к Воропаеву и передайте, чтобы второй дивизион срочно передвинул вот сюда! — показал на карте Семенов. — Наблюдательные пункты выдвинуть к самой реке. Пристрелку пока не вести, пусть немцы думают, что артиллерии у нас нет.

— Предупредите, чтобы подготовили неподвижный заградительный огонь, — добавил Деревенец.

Через час мы с майором Воропаевым поехали выбирать огневые позиции и наблюдательные пункты для дивизиона. Была уже ночь. Ориентироваться в темноте без карты в лесной местности трудно. Хорошо, что Воропаев взял с собой взвод бойцов и выставил на всех поворотах регулировщиков, которые показывали дорогу дивизиону, двигавшемуся вслед за нами.

Дивизион только что вернулся из района Мстиславля, где участвовал в боях с прорвавшимися немецкими танками, поддерживая своим огнем 1-й батальон 125-го полка 6-й дивизии. В этих боях, по словам Воропаева, особенно хорошо себя показала батарея лейтенанта Шомоди, уничтожившая девять немецких танков и не потерявшая ни одной пушки.

На рассвете, возвращаясь из полка, я увидел на лесной поляне тригонометрический пункт — высокую, как колокольня, деревянную вышку. «С нее наверняка просматриваются вражеские позиции», — подумал я. Прибыв в штаб, предложил капитану Деревенцу:

— Надо использовать эту вышку для наблюдения, может быть, удастся разведать точно место, где немцы готовят

переправу.

— Правильно! Сейчас позвоню Воропаеву, пусть командира батареи на нее посадит.

— Разрешите мне, — попросил я.

Деревенец согласился. Взяв с собой отделение связи из штабной батареи и разведчика Семенихина, я отправился к вышке. Прежде чем забраться на нее, мы подключились к телефонному проводу, проложенному с наблюдательного пункта на огневую позицию. Телефонисты, находившиеся на концах этого провода, никак не хотели отвечать, из какой они батареи. Видимо, подумали, что с ними разговаривают немцы. По нашей просьбе они подозвали к аппарату командира. Им оказался Шомоди. Я предупредил лейтенанта, что, возможно, его батарее придется вести огонь. Шомоди охотно согласился, попросив только не разорять его — поменьше расходовать снарядов.

На вышку я залез вместе с Семенихиным и телефонистом Калининым. Взяли с собой стереотрубу, два бинокля и телефонный аппарат. Трудно было подниматься по ветхим ступенькам, готовым обломиться.

Видимость с верхней площадки была отличной. Угадывались даже очертания Пропойска, удаленного от нас почти на двадцать пять километров.

Впереди блестели извилины Сожа, а за рекой зеленым океаном раскинулся лес, который пунктирной линией прорезало шоссе. Просматривались только отдельные участки дороги. А вот и деревня Журавель.

Укрепив стереотрубу, я долго всматривался в каждый уголок леса, но ничего подозрительного не нашел. Верх вышки заметно качался от ветра. Это мешало наблюдению.

Наконец я обнаружил немецкие автомашины. Они двигались по накатанной на просеке дороге и скапливались в редком лесу.

Потом мы с Семенихиным разыскали место сосредоточения переправочных средств. Понтонная часть противника расположилась со своим имуществом в полукилометре от реки. Значит, колхозник не ошибся.

Телефонисты установили связь со штабом артиллерии. Я доложил Деревенцу о том, что видел, и попросил разрешения открыть огонь. Получив положительный ответ, тут же позвонил Шомоди.

— Виктор, сколько у тебя «огурцов»?

— Чуть больше одной нормы, — ответил тот.

Значит, на батарее около шестисот снарядов. «Запас приличный», — прикинул я.

Пристрелка прошла быстро. Огневые взводы работали

сноровисто и точно. Снаряды с легким шипением проносились правее нас.

После пристрелки я перешел на поражение беглым огнем, обстреливая площадь скачками в одно деление (пятьдесят метров), то увеличивая прицел, то вдруг уменьшая его. Так продолжалось десять минут. Участок леса заволокло дымом и пылью. Из-под обстрела ушло лишь несколько грузовиков.

— Хватит! — попросил лейтенант Шомоди. — Этак вы все снаряды израсходуете.

— Цель оправдывает средства, — весело ответил я, но стрельбу прекратил.

— Здорово им жару дали! — восхищался Семенихин. — Вот туда бы еще стрельнуть! — показал он на пехоту и грузовики, скопившиеся на поляне.

С вышки было видно много разных целей, все их хотелось уничтожить. Но не хватало снарядов. Вчера, правда, привезли в полк около четырех тысяч снарядов для 76-миллиметровых орудий и двести для гаубиц. Однако их приберегали на случай наступления противника.

— Давай хорошенько наблюдать и все нанесем на схему, — сказал я Семенихину. — Ты разведчик, тебе и карты в руки.

Вскоре гитлеровцы заметили нас — черные точки в переплете вышки. Послышался звук летящей мины. Она разорвалась с недолетом. Следующая — за спиной.

— В нас стреляют, — забеспокоился Семенихин. — Вы, товарищ старший лейтенант, слезайте, я посижу.

Мины с треском рвались все ближе и ближе. Осколки пролетали мимо нас и впивались в деревянные балки.

— Вниз! — приказал я.

Мы спешили. Ступеньки ломались под ногами. Пришлось сползать, обхватив бревно руками и ногами. Хорошо, что Калинин догадался спустить на проводе телефонный аппарат и стереотрубу.

Мины осыпали вышку со всех сторон. От балок и перекладин летели щепки. Осколок царапнул Семенихина по ноге, вырвал кусок голенища. Я думал, что на этот раз нам не выбраться. Но все кончилось благополучно. Дождавшись паузы в стрельбе, мы побежали к лесу и укрылись среди деревьев. А противник продолжал еще минут пять обстреливать вышку, но так и не попал в нее.

В красноармейской газете дивизии «Боевой натиск» появилась вскоре статья «Ягодки впереди», в которой Деревенец описал нашу работу на вышке. В том же номере, в статье «Отважный командир», рассказывалось об умелых действиях

лейтенанта Шомоди и его подчиненных в прошедших боях. Эта батарея подбила немало немецких танков. Орудия на галопе выносились на открытые позиции перед самым носом противника, вели ураганный огонь и, поразив врага, молниеносно переезжали в другое место.

Сейчас огневая позиция батареи была оборудована на островке посреди болота.

Виктор Шомоди научил орудийные расчеты вести стрельбу так: орудие делает выстрел, едва у соседней пушки появится пламя из ствола. Получалась короткая очередь. Немцы в своих листовках писали, что у русских появилась автоматическая батарея, грозились ее уничтожить. Весь район вокруг был изрыт воронками, лес по берегам болота выкорчеван снарядами, но батарея оставалась неуязвимой.

Не помог немцам и самолет-корректировщик, который каждый день кружился над болотом, высматривая наши орудия. Островок молчал. Расчеты искусно замаскировались от воздушного наблюдения. «Рама» улетала, и артиллеристы снова открывали губительный огонь.

Шомоди пристрелял в расположении противника несколько десятков точек, ориентиров; как только появлялась важная цель, батарея сразу открывала стрельбу на поражение. Эффект стрельбы был таков, что немцы даже перестали пользоваться участком шоссе, который находился в зоне огня батареи. Автомашины шли в объезд.

Боевой счет артиллеристов увеличивался с каждым днем. За мужество и доблесть лейтенант В. Э. Шомоди был награжден орденом Красного Знамени.

Много замечательных бойцов выросло в этой батарее: командир орудия Керимов, командир отделения разведки Дударев, вычислитель Деревянко и другие. Дударев отличился в боях под Пропойском. Вместе со своим товарищем он захватил в плен трех вражеских артиллеристов с малокалиберной пушкой.

10-я немецкая мотодивизия предприняла попытку форсировать реку Сож в районе деревни Журавель. После бомбового удара авиации и мощной артиллерийской подготовки гитлеровцы начали переправу вплавь и на резиновых лодках. Небольшим группам автоматчиков удалось зацепиться за наш берег, но ненадолго. Атаки врага были отбиты с большими для него потерями. Наша оборона держалась стойко. Радовало, что бойцы действовали мужественно и хладнокровно. Сказывался полученный опыт.

Организовать более мощное наступление гитлеровцы не

смогли. Их силы были связаны в это время боями северо-восточнее Пропойска. Там действовали полки 42-й стрелковой дивизии, а главное — накапливались части 13-й армии, отошедшие от Днепра.

Кроме того, начиная с 17 июля бои шли каждую ночь на шоссе в районе Александровки-2-й, в двенадцати километрах от Пропойска, где пытались прорваться к реке и переправиться на восточный берег отрезанные гитлеровцами части. Вначале это удавалось лишь небольшим группам — от роты до батальона. Но потом выход из окружения принял более организованный и массовый характер.

Содействуя окруженным, наш 107-й полк возобновил наступление на Пропойск. От остальных полков дивизии высылались к шоссе группы бойцов, которые устраивали завалы и засады, нападали на вражеские колонны. Все это сковывало силы врага, отвлекало его внимание от частей, пробивавшихся из окружения.

Рота 107-го полка в ночь на 18 июля бесшумно переправилась через Сож возле устья реки Проня. Пройдя вверх по течению Прони, рота внезапным ударом захватила шоссейный мост восточнее Пропойска, третий день находившийся в руках фашистов. По этому мосту шло оживленное движение вражеских войск.

Рота заняла круговую оборону. Фашисты, желая сохранить мост, не применили своей артиллерии. Они бросили в бой одну пехоту, видимо стремясь взять советских бойцов живыми. Но вражеские атаки отбивались одна за другой. Напряжение боя то спадало, то, после некоторой паузы, нарастало вновь. Гитлеровцы не хотели ждать до утра, мост им был нужен до зарезу. От реки до Пропойска и даже в самом городе образовались большие «пробки»; колонны войск, спешивших на восток, стояли на месте.

Помню, как волновался полковник Семенов, раздраженный тем, что мы не могли оказать огневой поддержки нашим бойцам. Только одна минометная рота вела стрельбу по району, прилегавшему к мосту. Около шести часов гремел неравный бой. Тридцать советских бойцов сдерживали натиск сотен гитлеровцев. Темная летняя ночь помогала нашим смельчакам. Но кончалась ночь, кончались патроны и гранаты, истекала кровью рота…

На рассвете только два красноармейца вернулись назад. Их, раненных, едва державшихся за бревно, вынесло течением к нашему берегу.

Пленный обер-лейтенант, захваченный нами 23 июля, рассказал, что возле моста гитлеровцы потеряли сто восемьдесят

солдат и офицеров убитыми и девяносто человек ранеными.

Безжалостное время стерло из памяти фамилию командира роты, помню лишь, что фамилия одного из уцелевших красноармейцев была Сергеев. Хотелось бы узнать имена всех бойцов, павших у моста в ту июльскую ночь. Этому, надеюсь, помогут товарищи из 107-го полка, дравшиеся в то время под Пропойском. Жители этого города, переименованного после войны в Славгород, должны знать о мужестве горстки отважных. И я верю, что придет время и возле моста мы увидим памятник мужественным советским бойцам.

Почти все полки производили вылазки на шоссе. Добровольцев всегда находилось больше, чем требовалось. «Прогуляться за реку, пощипать фашистов на шоссе» — стало делом обычным.

В ночь на 20 июля сводная команда во главе с капитаном Карташвили вышла на шоссе против деревни Журавель. Здесь она напала на колонну машин с фашистскими солдатами. Гитлеровцы почти не оказали сопротивления. На шоссе осталось не меньше полсотни убитых гитлеровцев и пять сгоревших машин. Команда Карташвили в эту ночь сделала еще две такие же вылазки. Утром она вернулась к своим.

Ночь на 23 июля я провел на берегу Сожа, против Александровки-2-й. Капитан Деревенец поручил мне организовать помощь переправляющимся артиллерийским подразделениям, которые выходили из окружения.

До самого рассвета в этом районе гремели выстрелы, взвивались ракеты. Перерезав шоссе и выставив на нем сильные заслоны, наши войска вышли к реке и начали переправляться на чем придется: на плотах, на бревнах, вплавь. Команда, выделенная нашим 141-м артполком, помогала перетаскивать орудия по дну реки с помощью тросов. Четыре уцелевших трактора полка и несколько автомашин работали на полную мощность.

К утру противник сбил заслоны и преградил окруженным путь к реке. Но вечером они снова пробились к Сожу. Переправа продолжалась.

Наиболее организованно прорывались к своим части 132-й и 137-й стрелковых дивизий. За три ночи из их состава переправилось на наш берег свыше пяти тысяч человек и около пятидесяти орудий. Надо отдать должное их командирам, которые не растерялись в очень сложной обстановке и сумели с боями вывести свои соединения из вражеского тыла.

На утро 23 июля было назначено наступление. Сосед слева — 219-я мотострелковая дивизия и наш 107-й стрелковый полк,

пополненный подразделениями, вышедшими из окружения, получили приказ захватить Пропойск. В полку сохранились шесть 76-миллиметровых, одна 45-миллиметровая пушка и три 120-миллиметровых миномета. Для усиления полка командование выделило один дивизион 84-го артполка и три батареи из 132-й дивизии — всего двадцать орудий.

После тридцатиминутного огневого налета стрелковые подразделения атаковали противника. Им удалось зацепиться за окраину города.

Гитлеровцы ввели в бой два десятка танков. Черные приземистые машины медленно ползли по улице, стреляя из пушек и пулеметов. Один танк, вооруженный огнеметом, поджег несколько домов, захваченных красноармейцами. Восемь орудий, которые мы поставили для стрельбы прямой наводкой, подбили пять немецких машин, в том числе и огнеметный танк. Батареи с закрытых позиций тоже ударили по атакующему врагу. Потеряв еще несколько машин, гитлеровцы вынуждены были отойти и укрыться за постройками. Казалось, что успех клонится в нашу пользу.

Я в это время находился на наблюдательном пункте командира 107-го полка вместе с Тер-Гаспаряном и Семеновым, прибывшими для руководства боем. Тут разыскал Тер-Гаспаряна офицер связи 219-й дивизии старший лейтенант Шевченко. Он привез неприятную весть: фашисты атаковали фланг дивизии! Начальник штаба артиллерии 28-го стрелкового корпуса майор Губанов, приехавший на пункт вслед за Шевченко, подтвердил, что 219-я дивизия под натиском противника отходит на юг от Пропойска.

Вскоре на окраине города снова появились немецкие танки. После короткого боя наша пехота отошла на прежние позиции. Хорошо, что погода была пасмурной и фашистская авиация не бомбила нас.

Наступление на Пропойск продолжалось потом еще двое суток. Вели его главным образом сводные полки 132-й и 137-й дивизий под руководством командиров этих дивизий. Но захватить Пропойск, перерезать важную для противника коммуникацию так и не удалось. Мы были слишком слабы для этого.

В последние дни июля установилось относительное затишье, обе стороны не проявляли активности. Фронт обороны нашей дивизии расширился на восток до Борисовичей и достиг пятидесяти километров. Нам, разумеется, было просто не под силу надежно прикрыть такой рубеж. Тер-Гаспарян не раз просил командование армии сократить для дивизии полосу обороны, но

безуспешно.

В составе дивизии продолжали действовать 333-й полк 6-й дивизии, 161-й запасный полк и сводные подразделения из 42-й дивизии. Нашелся наш 250-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион. Он временно входил в состав 149-й дивизии, дравшейся восточнее Кричева. Возвратить его так и не удалось.

Части, пробившиеся из окружения, ушли в район Гомеля, где формировалось управление Центрального фронта. Наша дивизия, как и все войска бывшей 4-й армии, вошла в состав 13-й армии этого фронта…

Используя передышку, подразделения укрепляли свои рубежи, вели инженерные работы. Почти каждую ночь полки посылали разведывательные группы на шоссе, тянувшееся вдоль того берега в двух-четырех километрах от реки. Группы устраивали засады, брали пленных. Желающих пойти в разведку в каждом полку было много. В штабной батарее тоже организовалась небольшая группа. Возглавил ее лейтенант Васильев, новый командир батареи, сменивший раненного в бою Александра Макарова.

Семенихин, как только узнал об этой группе, начал просить, чтобы обязательно включили и его. Вскоре разведчики получили боевое задание. Они благополучно переправились на противоположный берег реки. Линию фронта перешли около деревни Мирогощь. Группа обогнула Чериков с севера и добралась до деревни Вохор, что в пятнадцати километрах к востоку от города. Здесь, на правом фланге дивизии, бойцы вторично пересекли фронт. За двое суток разведчики увидели многое.

Васильев и Семенихин рассказали, что все районы, прилегающие к шоссе, забиты немецкими войсками. Фашисты двигались к Кричеву. Очевидно, противник готовил новое наступление.

Ночами группа приближалась к шоссе, открывала огонь по автомашинам с немецкой пехотой, а потом скрывалась в лесу. После таких вылазок сзади долго трещали автоматные очереди.

— Все ночи напролет на шоссе стрельба и ракеты, — добавил Васильев. — Видно, не одни мы там действовали.

На проселочной дороге около Латыщина разведчики увидели толпу местных жителей. Их гнали в Чериков четыре немецких автоматчика. Неожиданно выскочив из леса, бойцы напали на гитлеровцев, которые так растерялись, что не оказали никакого сопротивления. Советские люди были освобождены.

Меня особенно заинтересовало сообщение Васильева о том, что при переправе через Сож в районе деревни Вохор разведчики

не встретили на нашем берегу ни одного советского бойца. Гитлеровцев около берега тоже не оказалось.

— А ведь когда реку переходили, было совсем светло. Хотели это сделать перед рассветом, да задержались, — как бы оправдываясь, произнес Васильев.

— В таком деле лучше не рисковать, — заметил я. — Что же вас задержало?

— Пусть Семенихин расскажет. Это его мы в кустах дожидались.

Оказывается, Семенихин заметил на окраине деревни сарай, около которого стояло десятка два мотоциклов. В сарае спали немцы. Лейтенант Васильев не разрешил напасть на них, так как не знал обстановки в районе намеченной переправы. Когда же бойцы вышли к реке и убедились, что противника там нет, Семенихин снова обратился к командиру за разрешением «сбегать к сараю и поколотить фашистов». Васильев в конце концов дал согласие.

Подкравшись незаметно, Семенихин тихо снял дремавшего часового и забросал фашистов гранатами.

Разведчики благополучно вернулись из поиска, принесли с собой четыре немецких автомата, два пистолета и документы, которые свидетельствовали, что в районе между Пропойском и Кричевом появилась 34-я немецкая пехотная дивизия, входящая в состав 2-й немецкой армии.

Капитан Деревенец приказал мне выехать на правый фланг, проверить там состояние обороны и узнать, есть ли соседи.

Мы с Васильевым и Семенихиным, проехав от Гронова до Борисовичей, убедились, что оборона тут очень слаба. На пятнадцатикилометровом фронте находилось всего лишь около двухсот человек с одним бронеавтомобилем и танком. Располагались они несколькими заставами.

Здесь немцы легко могли форсировать реку в любом месте. Но они по-прежнему пытались сделать это почему-то в районе Черикова, неся значительные потери. Или разведка у противника никуда не годилась, или он замышлял что-то другое. А мы, увлекшись боями за Пропойск и помощью войскам, выходившим из окружения, совсем забыли о своем правом фланге.

От Борисовичей в сторону Кричева соседей у нас не оказалось. Мы прошли пять километров, но никого не обнаружили.

На противоположном берегу в населенных пунктах Устье и Вохор было полно немцев. В Устье размещался, видимо, мотоциклетный полк, так как там все время сновали взад и вперед мотоциклисты и велосипедисты. К школе в Вохоре то и

дело подъезжали одиночные машины и мотоциклы. Там, вероятно, помещался немецкий штаб, и это в полукилометре от реки! Все передвижения противника были хорошо видны даже невооруженным глазом.

— Вот наблюдаем, — сказал мне командир роты лейтенант Д. П. Чернышев, расположившийся с одним стрелковым взводом на опушке леса. — Немцы к нам не лезут, ну и мы не стреляем. А так хочется в них пальнуть!

— Так за чем же дело стало? — спросил я.

— Потревожить их проще пареной репы, а что потом? Если они через реку полезут, чем остановить их? — ответил Чернышев. — Вот и прикидываешь, что выгоднее.

— Да, дела неважные. Если немцы тут ударят, то дивизии от реки придется отходить, — согласился я.

Вернувшись в штаб, я доложил обо всем капитану Деревенцу. Тот забеспокоился и повел меня к Семенову. У Семенова сидел подполковник Елшин. Мне пришлось повторить сообщение о положении на правом фланге дивизии.

— Сергей Иванович, надо туда артиллерии подбросить, — сказал Елшин. — А я попрошу комдива выделить пехоту.

— Хорошо, — согласился Семенов и тут же распорядился: — Бери, Морозов, дивизион Лубинского и команду Остащенко. Поставь их на угрожаемое направление.

К утру следующего дня 1-й дивизион 84-го артполка под командованием капитана Лубинского занял огневые позиции северо-восточнее Веприна, против Устья и Вохора, в трех километрах от реки.

Командир батареи старший лейтенант Чапенко разместил наблюдательный пункт на опушке леса, метрах в трехстах от берега. Обзор отсюда был отличный. На противоположном берегу столько объектов для стрельбы, что разбегались глаза! В деревне Вохор, на опушках прилегающего к ней леса — везде немцы.

— Ну, сейчас подкинем им жару! — сказал Чапенко. Вид у него был возбужденный: еще бы — такое обилие целей!..

Первый снаряд упал метрах в двухстах от школы, где располагался немецкий штаб. Грохот разрыва нарушил долго царившую здесь тишину. Второй взрыв взметнул землю прямо перед крыльцом школы. Последовавшая за ним очередь из четырех снарядов удачно накрыла цель. Из здания выскочили несколько уцелевших офицеров и побежали к деревне, спотыкаясь и падая. Шоферы бросились врассыпную от машин, стоявших у штаба.

Введя небольшую поправку в установки, батарея перенесла огонь на грузовики. Два из них загорелись, остальные наверняка

были повреждены, так как снаряды разорвались в самой гуще машин.

В деревне Вохор метались по улице мотоциклисты и велосипедисты.

— Давай ударим по ним, — предложил Чапенко.

— В своих попадем, — возразил я. — Смотри, сколько женщин и детей. Лучше стреляй по опушке леса, где машины скопились. Вся опушка забита ими.

Чапенко, скомандовав большой доворот вправо, открыл огонь по лесу. Тяжелые гаубичные снаряды с грохотом рвались среди автомашин.

Мы постреляли бы и по другим целям, но, к сожалению, нужно было беречь снаряды.

К вечеру прибыл батальон 111-го полка. Он занял оборону по опушке леса перед рекой. Капитан Лубинский отправился к командиру батальона согласовывать совместные действия.

Ночь мы провели на наблюдательном пункте батареи.

На других участках обороны дивизии было спокойно. Противник не пытался больше форсировать реку. Но наша разведка все время доносила о сосредоточении большого количества немецких войск вдоль шоссе Кричев — Пропойск.

Утром 1 августа правее от нас немецкие войска перешли в наступление из района Кричев — Мстиславль в направлении на Рославль. В штаб дивизии стали поступать тревожные сведения. К вечеру следующего дня Рославль оказался в руках врага. Командир дивизии совещался с Семеновым, Елшиным, Опытовым — что предпринять в сложившейся обстановке, при открытом правом фланге?

Было решено обороняться на занимаемом рубеже до последней возможности.

Почти ежедневно немцы проводили разведку боем на правом фланге нашей дивизии. Эти вылазки успешно отражались, но они вызывали тревогу. Чтобы усилить оборону, сюда передвинулся весь 111-й полк.

О событиях возле Рославля мы знали мало. К нам доходили только отрывочные сведения о том, что дальнейшее наступление противника на восток приостановлено. Это радовало нас и вселяло надежду. Мы верили, что дивизия удержит свой рубеж на берегу Сожа.

6 августа гитлеровцы после артиллерийской подготовки перешли на правом фланге дивизии в наступление и к часу дня захватили плацдарм на берегу реки против Устья.

Бой шел севернее населенного пункта Веприн. 111-й

стрелковый полк с частью сил разведбатальона, поддержанный огнем дивизиона 84-го артполка, с трудом отражал вражеские атаки. Наблюдательный пункт командира дивизиона капитана Лубинского я разыскал около мельницы. В километре отсюда, за нескошенным полем, начинался лес, занятый противником.

— Что, помогать приехал? — вместо приветствия сказал Лубинский и, как бы оправдываясь, добавил: — Вот, пришлось отойти. Фашисты лезут напролом. Подбросили бы сюда парочку дивизионов да снарядов побольше…

— А где их взять? В дивизии только один ваш полк и остался. Семнадцатый артполк и батареи из других дивизий ушли.

— Пехота требует усилить огонь, а у меня всего шесть орудий.

Лубинский рассказал, что, когда фашисты начали переправу, два огневых взвода были выдвинуты на прямую наводку. Орудийные расчеты стойко держались до последнего снаряда. Немецкие автоматчики наседали и с фронта и с флангов. Артиллеристы отбивались огнем винтовок, пока не кончились патроны. И только тогда отошли. На покинутых огневых позициях осталось четыре орудия. Вывезти их было невозможно: лошади попали под минометный огонь и погибли.

— Дрались наши отчаянно! — закончил Лубинский. — Без потерь в такой схватке не обойдешься. Вот так и таем, как снег весенний.

Впереди шла перестрелка. На поле, где залегла пехота, то и дело рвались немецкие мины. Две батареи неполного состава вели ответный огонь по опушке леса. Мимо нас по тропинке проносили раненых бойцов.

— Ориентир три, влево семьдесят: в роще накапливается противник! — громко доложил разведчик, наблюдавший в стереотрубу.

В бинокль хорошо было видно, как в редком перелеске сосредоточивались вражеские солдаты. Они мелкими группами перебегали туда из леса через полосу высокой ржи.

— Хотят атаковать во фланг нашего батальона, — решил Лубинский.

— А что, если ударить туда прямой наводкой? — предложил я. — А потом с закрытых позиций добавить.

— Неплохо получится, — согласился командир дивизиона.

Вскоре две 122-миллиметровые гаубицы стояли на огневой позиции метрах в двухстах от мельницы. Командир взвода подал команду. Тяжелые снаряды обрушились на врага, рощу заволокло клубами дыма, над которыми взлетали обрубки деревьев и комья земли. Пушечная батарея дивизиона начала бить осколочными

гранатами, отрезая путь выбегавшим из рощи гитлеровцам. Через несколько минут стрельбу прекратили. Огневой взвод быстро снялся и уехал на основную позицию.

Лубинский предложил командиру стрелкового батальона занять рощу и тем самым обеспечить фланг. Через несколько минут эта задача была выполнена. Но противник обрушил на рощу минометный огонь. Одновременно фашисты открыли стрельбу по нашему наблюдательному пункту и по всему району, прилегавшему к мельнице. Пришлось переменить место.

В сумерках дивизион вел стрельбу по переправе, но результатов мы не узнали, так как река и подходы к ней не были видны нам. С наступлением темноты перестрелка прекратилась. Немцы, боясь ночных контратак, освещали местность ракетами.

Вместе с Лубинским я сходил в штаб 111-го полка, расположенный недалеко от нашего наблюдательного пункта. Мы уточнили обстановку и договорились с командиром полка о совместных действиях. Командир полка, узнав, что я еду в штаб дивизии, просил передать Тер-Гаспаряну просьбу о присылке подкреплений.

Разыскав штаб дивизии в районе Пильни, что в пятнадцати километрах от Веприна, я доложил Деревенцу обстановку на участке 111-го полка, а он сразу же пошел докладывать Семенову и Елшину.

На рассвете я снова выехал в район Веприна. На этот раз с подполковником Елшиным. Командир дивизии приказал принять все меры, чтобы ликвидировать вклинившегося в нашу оборону противника. За нами на машинах следовал сводный батальон численностью около трехсот человек. В пути Елшин сообщил мне, что, по данным разведки, гитлеровцы, наступая на юг от Кричева, вышли на рубеж реки Лобжанка, захватили Климовичи и распространяются вдоль железной дороги на Костюковичи, обходя нашу дивизию с востока. На мой вопрос, какова обстановка на нашем левом фланге и за ним, Елшин ответил, что до самого Рогачева и даже западнее его советские войска пока удерживают занимаемые рубежи.

Елшин остался у командира полка, а я отправился к Лубинскому. Наблюдательный пункт его разместился на чердаке бани в деревне Веприн.

Часа за два до нашего приезда, еще в предрассветной темноте, 111-й полк атаковал противника и оттеснил его в глубь леса. Контратака, предпринятая потом вражеской пехотой, была отбита.

— Хорошо, что здесь фашисты без танков наступают, — сказал Лубинский. — Но все равно потери у нас велики. За сутки

в полку вместе с дивизионом сто тридцать раненых и около семидесяти убитых. Дорого все достается. Так полка и на несколько дней не хватит.

К вечеру два батальона немецкой пехоты еще раз атаковали позиции полка. Фашистам удалось потеснить наши подразделения, выйти на опушку леса и восстановить прежнее положение.

С утра 8 августа мы готовились нанести ответный удар. Лубинский сам выбирал и назначал для своих шести орудий наиболее важные цели, распределял на каждую из них снаряды. Я же взял на себя проверку готовности к стрельбе орудий, выставленных на прямую наводку. Их было четыре. Стояли они всего в полукилометре от противника. Пришлось ползать на животе от пушки к пушке.

Позиции артиллеристов оказались неудачными: стрелять мешали обступившие со всех сторон высокие хлеба. Пришлось выбрать новые, назначить каждому орудию цели в расположении противника.

Усталый и грязный, вернулся я на наблюдательный пункт к Лубинскому. А через полчаса началась артиллерийская подготовка, которую мы при переговорах по телефону называли «обедом». Длилась она тридцать минут. Если сравнить ее с теми, которые мы проводили в последующие годы, то она выглядела бы жалкой. Но тогда мы придавали ей большое значение, ценили каждый снаряд и от души радовались, следя за результатами беглого огня двух батарей и четырех орудий, стрелявших прямой наводкой.

Под прикрытием этого огня наша пехота подползла к опушке и смелым броском ворвалась в лес. Противник начал бить из минометов, но мины разрывались уже позади наших рот. К вечеру советским бойцам удалось потеснить немцев в глубь леса.

Бои в этом районе продолжались с переменным успехом еще двое суток. Три квадратных километра, обильно политые кровью, переходили из рук в руки. Полк получил две роты (сто пятьдесят человек) пополнения, но силы его таяли с каждым часом.

Подполковник Елшин, срочно вызванный Тер-Гаспаряном, отправился в штаб дивизии. Перед отъездом сказал мне:

— Оставайся пока здесь. Все время информируй меня. Там, — махнул он рукой, — наши дела ухудшились.

11 августа, на этот раз после мощной авиационной и артиллерийской подготовки, противник перешел в наступление против 111-го полка. Обескровленный полк, имевший всего двести пятьдесят человек, начал отходить на юг. Слишком

неравны были силы. Кроме того, кончились боеприпасы.

Я находился на наблюдательном пункте Лубинского. Когда большую часть деревни Веприн захватил враг и было трудно разобраться, где свои, а где фашисты, артиллеристы получили приказ из штаба полка отойти на новый рубеж обороны.

Лубинский начал менять свой пункт, а я вместе с разведчиками Семенихиным и Гаркушей отправился на восточную окраину деревни, за которой находился штаб полка. Там мы были встречены автоматным огнем с противоположной стороны улицы. Пули прожужжали мимо нас, никого не задев. Мы залегли в палисаднике, укрылись между грядками и кустами смородины, разросшейся вдоль изгороди.

— Вон они засели где, — прошептал Гаркуша, показывая на дом с зелеными ставнями.

Действительно, у самого дома, около завалинки, виднелась темно-зеленая каска. Рядом с ней еще одна, покрытая для маскировки пучком травы. «Успели и сюда прорваться…» — с досадой подумал я.

— Эх, закурить бы сейчас, — мечтательно сказал Гаркуша.

Семенихин достал помятую пачку папирос, протянул Гаркуше:

— Последняя. Чуток мне оставишь.

Гаркуша просительным взглядом посмотрел на меня.

— Кури, только незаметно, — разрешил я.

Он зажег спичку у самой земли, прикрыл огонь широкими ладонями и с наслаждением затянулся табачным дымом.

Из-за угла дома, где залегли фашисты, вынырнули два солдата с ручным пулеметом, распластались на земле. Не успели они открыть огонь, как Семенихин короткой очередью из автомата сразил обоих.

— Двадцать первый, двадцать второй, — тихо произнес Николай. Он вел счет убитых фашистов с самого начала войны.

Немцы открыли ответный огонь. Отлетали щепки от дощатой изгороди, осыпались ветки еще не созревшей смородины, сзади звенели разбитые оконные стекла. Гаркуша осторожно отложил папиросу и стал тщательно прицеливаться. Выстрела я не слышал, так как в это время вражеская пуля рикошетировала от моей каски: по голове словно ударили дубинкой.

— Один есть, испекся! — донеслось до меня восклицание Гаркуши.

Сзади раздался вдруг шорох, упало что-то тяжелое. Я обернулся. В палисаднике появилась загорелая девушка, невысокая и коренастая. Белое полотняное платье испачкано сажей и пятнами запекшейся крови.

— Ложись! — сердито прикрикнул я. Девушка прилегла около нас.

— Вся в белом, хороша маскировочна для нашей позиции! — с иронией сказал Гаркуша.

— В подвале трое раненых… Перевязала их, а больше сделать ничего не могу, — голос девушки дрожал от волнения. — В больницу бы их отправить…

— Ребята, будем отходить, — распорядился я.

— А раненых бросите? — презрительно спросила незнакомка. — Фашисты ведь добьют их!

— Раненых заберем с собой, — ответил я.

— Нас теперь четверо, управимся, — добавил Гаркуша..

В это время из переулка выбежало с десяток гитлеровцев. Они, приближаясь к нам, на ходу стреляли из автоматов.

— Вот тебе и отошли! — прошептал Гаркуша.

— Огонь! — крикнул я.

Несдобровать бы нам, да выручили пулеметчики, которые оказались в соседнем доме. Они прикрывали отход своей роты. Их пулемет сразу скосил почти всех немцев. Двух гитлеровцев настигли пули Семенихина и Гаркуши. Перестрелка смолкла. Бой гремел слева от нас.

— Ну, теперь можно и покурить, — сказал Семенихин, обращаясь к приятелю. — Давай папиросу, хватит с тебя!

Гаркуша не ответил.

— Ой! — вскрикнула девушка, переворачивая разведчика вверх лицом. Из правого виска Гаркуши била ярко-красная струйка. Кровь залила все лицо и гимнастерку. На земле валялась почти докуренная, но еще дымящаяся папироса.

Семенихин быстро нагнулся над телом друга, прижал ухо к его груди.

— Не бьется…

Жалко было Гаркушу, восемнадцатилетнего комсомольца, приставшего к нам из другой части. Помню, он с собой носил письмо от любимой девушки. Письмо это было читано-перечитано десятки раз и хранилось в кармане гимнастерки, около самого сердца.

Бережно подняли мы бездыханное тело и понесли через огород. Девушка следовала за нами. Войдя в высокую рожь, мы остановились. Теперь уже не только слева, но и справа раздавались выстрелы. На западной окраине деревни, метрах в пятистах от нас, рвались гаубичные снаряды: это батарея дивизиона, расстреливая последние снаряды, прикрывала пехоту.

— Я пошла, — решительно заявила девушка.

— Сбегай с ней, посмотри, что там за раненые, — сказал я

Семенихину.

Минут через пять Семенихин вернулся.

— Ну как? — спросил я, раздумывая, что делать с телом Гаркуши: похоронить здесь или перенести в лес?

— Один раненый куда-то уполз, а два уже умерли… Девушку звал с собой. Не пошла… — Семенихин помолчал и, будто угадав мою мысль, предложил: — Окопчик тут есть. Давайте Ваню в нем похороним.

Едва успели мы засыпать тело Гаркуши землей, как поблизости начали рваться мины. Осколки с неприятным визгом пролетали мимо, сбивая колосья.

Мы быстро отошли к лесу, где встретили батарею Чапенко, которая задержалась на позициях у высоты 168,0. Да и как не задержаться! Отсюда видны были густые цепи фашистов, двигавшиеся по открытому полю. Их догоняли автомашины. Часть солдат начала садиться в грузовики. По такой цели грешно было не пострелять, тем более что немцы заходили во фланг отступающему полку. Два уцелевших в батарее орудия открыли беглый огонь прямой наводкой.

Мимо нас проезжало 76-миллиметровое орудие из полковой батареи. Я остановил командира орудия и приказал бить по немецкой пехоте. Расстояние до нее — не больше километра. Промахов не было.

Мы так увлеклись, что не заметили, как к углу леса, неподалеку от нас, подошли немецкие автоматчики. Только когда затрещали автоматные очереди, мы прекратили стрельбу.

— Обходят, гады! — воскликнул Чапенко. — Вот они слева. Огонь!

Пока разворачивались тяжелые гаубицы, расчет полковой пушки успел сделать три выстрела. Автоматы смолкли. Фашисты скрылись в лесу.

— Легко мы отделались, — тихо сказал Семенихин. Он все время сопровождал меня, выполняя обязанности и разведчика, и связного, и ординарца.

Оставив двух убитых лошадей, батарея тронулась на новый рубеж. Когда проезжали мимо злополучной опушки, Семенихин, заметив что-то, бросился в лес. Послышались выстрелы. Взяв несколько красноармейцев из орудийного расчета, я поспешил на выручку разведчику. Но он уже шел к нам навстречу, ведя перед собой немецкого солдата с поднятыми руками. Обмундирование гитлеровца было испачкано землей.

— Что делать с ним? — спросил Чапенко.

— Расстрелять и точка, — предложил батарейный пулеметчик Михаил Коротких.

Совсем недавно в Рогачеве погибли от вражеской бомбы его жена и сынишка. Он готов был душить гитлеровцев голыми руками.

Немец, видя суровые, гневные взгляды, произнес что-то на своем языке.

— Просит, чтобы его не убивали, — перевел красноармеец П. И. Ведерников. — У него есть мать, жена, маленькая дочь…

«Ну и что же! — подумал я. — У меня тоже есть дочь, а где она? Может, ее уже нет в живых?! Кто в этом виноват? Вот один из тех, кто поднял руку на нас, нарушил счастье наших детей…»

Немец молча смотрел на нас.

— Ишь губы-то пересохли, видно, пить хочет, — сказал кто-то из красноармейцев.

— А ты что, пожалел его? Они наших пленных не жалеют, — ответил Семенихин. Потом, немного подумав, отстегнул фляжку от пояса и подал ее солдату. — На, черт с тобой! Не к зверям попал, а к людям.

Немец недоверчиво взял флягу, посмотрел на Семенихина и начал жадно пить. Мы молча ждали. Он вытер губы и вернул флягу.

— Ну, так что же будем с ним делать? — снова спросил Чапенко.

— Отправим в разведотделение, — распорядился я. — Там с ним разберутся. Поехали, время дорого!

— Теперь ему лафа. Раз в плен к нам попал, жить будет, как за каменной стеной, — недовольно сказал Ведерников.

— По местам! Садись! — крикнул Чапенко.

Мы снова двинулись в путь…

Начиная с этого злополучного дня дивизия всю вторую половину августа отходила на юг через Красную Гору, Новозыбков и Злынку.

Тяжелое впечатление осталось от этого периода. Изнурительные бои сменялись трудными маршами.

30 августа наша дивизия заняла оборонительный рубеж на восточном берегу реки Снов от города Щорса на юг до Нового Млинова.

Разведывательные подразделения противника подошли к реке одновременно с нами и пытались с ходу переправиться через нее в нескольких местах. Но эти попытки потерпели неудачу. Враг затаился, поджидая, видимо, подхода своих главных сил. Какова обстановка на соседних направлениях, мы не знали. Но по отдаленному гулу, по заревам пожаров на востоке и юго-западе догадывались, что бои идут в районе Новгород-Северского и

около Чернигова. Ориентировались мы опять-таки по географической карте. Другой карты не было в этот раз даже у командира дивизии.

На следующее утро было принято решение перейти в наступление в направлении Грязна — Городня, вдоль железной дороги Щорс — Гомель. Прежде чем родилось это решение, между Тер-Гаспаряном и комиссаром дивизии возник спор. Первый был против наступления, второй предлагал наступать, упредить противника. Рассудить их было некому: связь со старшими начальниками отсутствовала.

Мы с Деревенцом слушали эту перепалку, и оба были за наступление.

— Ну а вы, начальники, как думаете? — обратился Тер-Гаспарян к Семенову и Елшину. — Сергей Иванович, ваше слово.

— Артиллерии — кот наплакал. Наступать можно, но с очень ограниченными целями, — ответил Семенов.

— Конкретно, с какими?

— Захватить плацдарм перед Щорсом и держать его.

— Это не решение вопроса, — возразил комиссар дивизии.

— Как твое мнение? — спросил Тер-Гаспарян у начальника штаба.

— Наступают тогда, когда есть превосходство в силах, когда есть гарантия успеха. А у нас нет ни того, ни другого, — ответил Елшин. — Лучше жестко обороняться: в обороне один трех наступающих бьет. Можно согласиться и с предложением Сергея Ивановича.

— Вы, товарищ Елшин, привыкли по-академически мыслить, — недовольно произнес комиссар.

— В академии учат воевать, — спокойно сказал Елшин.

И все-таки 1 сентября части дивизии перешли в наступление. Сначала оно развивалось успешно, передовые части противника были отброшены от реки на три километра, за деревню Грязна (восемь километров юго-западнее Щорса).

Утомленный боем и жарой, 107-й стрелковый полк приостановил продвижение. Один батальон расположился западнее, а основные силы полка сосредоточились в самой деревне. Две батареи 84-го артполка заняли огневые позиции на огородах, остальные расположились под тенью развесистых деревьев. Жителей не было видно.

Тер-Гаспарян вызвал всех командиров частей на восточную окраину деревни. Последним прибыл командир артполка майор Воропаев. Остановившись около меня, он спросил шепотом:

— Ну как — дальше наступать будем?

— Сейчас комдив объявит.

Только Тер-Гаспарян начал отдавать боевой приказ, как за деревней раздалась сильная стрельба из всех видов оружия. Противник, незаметно сосредоточившись в лесу, примыкавшем к огородам, перешел в контрнаступление. Кроме того, оказалось, что на чердаках домов спрятались гитлеровцы, не успевшие выскользнуть из окруженной деревни. Теперь они тоже открыли огонь.

— Товарищи командиры, по местам! — крикнул Тер-Гаспарян.

А бой разгорелся уже в самой деревне и быстро перемещался к восточной окраине. Подразделения полка начали отходить.

Повлиять на ход боя мы не могли: резервов и вторых эшелонов в дивизии не было. Задержали несколько групп бойцов. Они залегли и изготовились к стрельбе.

Немцы быстро приближались. Тер-Гаспарян, безнадежно махнув рукой, быстро пошел к берегу. За ним последовал и Семенов.

Остановив незнакомого лейтенанта со взводом красноармейцев, я приказал им догнать командира дивизии и помочь ему переправиться через реку.

Лейтенант высказал опасение:

— Он такой горячий, не хлопнет меня за отход?

— Ничего с вами не случится, догоняйте быстрей!

В это время из деревни на галопе вынеслись артиллерийские упряжки, впереди батареи скакали лейтенант В. Э. Шомоди и политрук А. Д. Шлеев. Я выбежал к ним навстречу с криком: «Стой!»

Шомоди взмахнул шашкой, и батарея, сделав вольт налево, почти не сбавляя аллюра, развернулась фронтом на деревню. Расчеты готовили орудия к бою, вытаскивали из передков и зарядных ящиков лотки со снарядами. А из крайних домов уже трещали немецкие автоматы. Лошади переднего уноса[3] одного из орудий забились в предсмертной судороге, путая постромки. Задние лошади испуганно кидались в стороны, и вся упряжка превратилась в какой-то метущийся клубок. Ездовым с трудом удалось распутать постромки и успокоить лошадей.

Алексей Шлеев подбежал к правому орудию и вместе с батарейным пулеметчиком открыл огонь по фашистам. Шомоди выкрикивал команды. Два орудия начали стрелять, заставив врага умолкнуть.

— Пожалуй, лучше сняться с позиции и занять новую за рекой, — предложил Шомоди. — А то всех лошадей перебьют.

— Правильно, Виктор, действуй!

— Передки, на батарею! — крикнул Шомоди и взмахнул

шашкой над головой.

Но сменить позиции сразу не удалось. Из кустов, справа от батареи, появилось десятка четыре немецких солдат. Они на бегу строчили из автоматов. Как подкошенные упали заряжающий и правильный первого орудия. Остальные номера, укрывшись за орудийными щитами, припали к земле.

— Картечью, огонь! Живо! — скомандовал Шомоди, встав на колено.

Грохнули два выстрела. За ними еще два. Через минуту, когда рассеялась пыль, мы снова увидели гитлеровцев. Грязно-серыми кучками они лежали на земле в ста пятидесяти — двухстах метрах от нас. Некоторые пытались подняться или ползти к кустам.

— Вот это да! — удивился я. Мне впервые довелось видеть результаты стрельбы картечью.

— Как корова языком слизнула! — радовался Шомоди.

Бой в деревне стал затихать, он переместился южнее, в лес, куда отходили подразделения полка. Как все быстро изменилось! Только нашей беспечностью можно было объяснить такую неудачу. Вот и мы с Семеновым, проезжая через деревню, видели расположившиеся, как на биваке, подразделения, но нам и в голову не пришло прервать этот преждевременный отдых… А теперь нужно было дорогой ценой расплачиваться за ошибки.

Батарея Шомоди снялась с позиции, забрала с собой раненых и на рысях направилась к мосту. Политрук Шлеев отдал мне своего коня, а сам пересел на передок орудия.

В безоблачном небе появилось звено наших самолетов У-2. «Наконец-то!» — обрадованно подумал я. Было видно, как штурман, сидевший сзади летчика, выбрасывал из кабины бомбы. Они с треском рвались на огородах.

Вскочив в седло, я на галопе стал догонять батарею. Но лошадь вдруг споткнулась, и я, перелетев через ее голову, больно ударился о землю. Выстрела я не слышал, а конь мой лежал бездыханным, только дрожали у него мышцы на упругой шее. Не успел я сообразить, что делать дальше, как в кустах прозвучала автоматная очередь. В правую ногу что-то кольнуло. Я не чувствовал боли, но нога не двигалась.

Из разодранного голенища виднелась окровавленная портянка. Надо было снять сапог, но я боялся: если поднимусь — сразу заметят немцы. А мне и сдачи дать нечем — один пистолет в руке. Но, к счастью, из кустов больше никто не стрелял.

Мимо меня пробежала небольшая группа бойцов. Среди них — Семенихин. Он незадолго до начала боя ушел к колодцу за водой, и я потерял его из виду.

— Николай! Сюда! — обрадованно закричал я.

Разведчик склонился надо мной:

— Что такое? Вы ранены?

— Задело немножко.

— Эх, не вовремя как! Ну ничего, сейчас перевяжем, у меня пакет есть.

Он разрезал сапог и брюки. Из кровоточащей раны торчал острый кусочек кости. Сразу усилилась боль. Семенихин кое-как забинтовал ногу. Опираясь на его плечо, я заковылял в сторону моста, который находился километрах в двух от нас.

В деревне снова вспыхнула перестрелка, а возле моста появились разрывы вражеских снарядов. Сзади послышался конский топот. Из деревни вынеслась двуколка. Семенихин бросился ей навстречу, повис на шее лошади и остановил повозку. В ней он и доставил меня в медсанбат нашей дивизии.

Мне сделали какой-то укол большим шприцем. Боль в ноге заметно уменьшилась.

Семенихин сидел рядом около часа. Мне очень не хотелось расставаться с этим славным пареньком, смелым солдатом и верным боевым товарищем. По его лицу я видел, что и ему тяжело прощаться со мной.

— Ты, Коля, береги себя. Подлечусь, мы еще встретимся, — нарушил наконец я затянувшееся молчание. — Передавай привет всем нашим…

— До свидания, — тихо сказал он и пошел, низко опустив голову. Я смотрел ему вслед до тех пор, пока он не скрылся среди деревьев. И сразу тоскливо стало на сердце…

Увидеться с Николаем Семенихиным мне больше не довелось. После войны я несколько раз пытался найти Николая, но так до сих пор ничего не знаю о нем. Ни в списках погибших, ни в числе пропавших без вести он не значится. Единственная его родственница — тетка умерла во время оккупации. Но мне очень хочется верить, что смелый разведчик Николай Семенихин жив и что мы с ним обязательно встретимся…

Через три дня я оказался в полевом госпитале под Бахмачем. А утром 6 сентября, к моему немалому удивлению, в нашей палате появился воентехник Петров из 141-го артполка.

— За вами на машине приехал. Полковник Семенов приказал разыскать и отвезти в Курск, — сказал он мне. — В седьмой госпиталь по вашим следам заезжаю. Ну, думаю, если и здесь не застану, вернусь обратно.

— Как дела в дивизии?

— Неважные, опять начали отход. Немец жмет с двух сторон…

Я был очень тронут тем, что, несмотря на трудное положение, полковник Семенов нашел время позаботиться обо мне.

Сергей Иванович Семенов умел проявлять заботу о своих подчиненных. Командиры штаба дивизии не раз говорили нам — работникам штаба артиллерии: «Хороший у вас начарт. За таким не пропадешь!»

К Семенову, прослужившему в дивизии шестнадцать лет, все относились с большим уважением, а мы, молодые командиры, старались во всем брать с него пример…

Желающих ехать с нами нашлось много, так как госпиталь собирался эвакуироваться в глубь страны. Вечером мы были уже в Курске, в стационарном госпитале под настоящей крышей.

Два с половиной месяца пришлось мне пробыть в медицинских учреждениях. Я мечтал после излечения вернуться к своим боевым товарищам. Но дороги наши, к сожалению, не сошлись.

Уже после войны от полковников Оспищева и Деревенца я узнал о судьбе Семенова. Они рассказали, что вскоре после моего ранения полковник Семенов был назначен начальником артиллерии 67-го стрелкового корпуса, а несколько позднее — начальником артиллерии 2-го кавалерийского корпуса. Деревенец был переведен к нему начальником штаба артиллерии.

Погиб С. И. Семенов 19 апреля 1943 года. Вражеский снаряд попал в его машину. Похоронен он в Старом Салтове, Харьковской области.

А наша 55-я стрелковая дивизия, возрожденная заново в конце 1941 года, приняла затем участие в боях на Северо-Западном фронте, в Курской битве и прошла победным маршем до Бреста, почти по тому же маршруту, по которому в начале войны ей пришлось отходить.

Обо всем этом рассказывается в воспоминаниях Н. Б. Ивушкина, бывшего начальника политотдела этой дивизии. Книга называется «За все в ответе», она недавно вышла в серии «Военные мемуары».

Через 20 лет после начала войны в Минске был организован городской союз школьников «Юный патриот». Молодые следопыты заинтересовались судьбой тех, кто сражался на территории Белоруссии летом 1941 года. Из случайных и очень скудных источников они узнали, что в числе тех, кто первыми нанесли врагу серьезные потери, были части 55-й стрелковой дивизии. В исторической литературе эта дивизия не упоминалась. Только в мемуарах генерал-полковника Л. М. Сандалова были посвящены ей несколько строк, названы фамилии Д. И. Иванюка и

Г. А. Тер-Гаспаряна.

Школьники решили восстановить картину боев, начали разыскивать бывших воинов этой дивизии. Первыми нашлись командир орудия Я. Г. Рыбак и политрук батареи В. Н. Туманов из 141-го гаубичного артполка. В архивах был обнаружен Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении их за первые бои правительственными наградами.

Ни тот, ни другой ничего не знали об этом.

По просьбе юных патриотов, с которой они обратились в Верховный Совет СССР, ордена были торжественно вручены Я. Г. Рыбаку и В. Н. Туманову в 40-й средней школе Минска. Выступая по телевидению, ветераны рассказали о боях, в которых участвовали, вспомнили своих фронтовых друзей. Передача помогла разыскать еще нескольких участников войны, в том числе Г. И. Матвеева, бывшего разведчика 2-го дивизиона 141-го артполка, и меня.

В августе 1963 года школьники пригласили в Минск всех нас для участия в походе по местам первых боев 55-й стрелковой дивизии.

С огромным волнением подъехали мы к рубежу около деревень Завинье и Мариново. Тот же курган, те же безымянные высотки! Но ни Костиной могилы, ни каких-либо следов войны мы не нашли. Все стерто временем. Только в памяти, как на экране, возникли незабываемые картины гремевшей здесь битвы.

Школьники-старшеклассники внимательно слушали наши рассказы.

Потом мы встретились с жителями деревень Завинье и Мариново. От них узнали о судьбе некоторых бойцов, о том, где похоронены павшие в бою красноармейцы и командиры. Останки более чем двухсот безвестных героев были собраны в одну братскую могилу, на которой поставлен памятник. В этой могиле, видимо, покоится прах Сергея Утешева и остальных артиллеристов 129-го противотанкового дивизиона и 111-го стрелкового полка.

На реке Щара мы с трудом отыскали места огневых позиций 2-го и 3-го дивизионов 141-го гаубичного полка и артиллерийских батарей 228-го стрелкового полка. Начиная от опушки, где когда-то стояли орудия, и почти до самой реки вырос густой лес. Только небольшие углубления на месте воронок и попадающиеся кое-где деревья без вершин говорят о том, что здесь когда-то шли бои.

Один из жителей ближайшей к этим местам деревни — Михаил Попко рассказал нам, как в 1941 году, будучи еще мальчишкой, бегал со своими приятелями к реке после того, как

кончился бой. Вся опушка леса была перепахана снарядами. Орудия исковерканы, около них много убитых. За огневыми позициями в лесу целое кладбище лошадей. Все было смешано в одну кучу: трупы коней, передки, зарядные ящики, вырванные с корнем кусты и деревья.

На позициях было оставлено десять 122-миллиметровых гаубиц, две 76-миллиметровые пушки и четыре 45-миллиметровых орудия. После боя они представляли собой груду металла. Расчеты их погибли, не дрогнув перед врагом.

С болью в сердце ходили мы с Михаилом Попко по земле, когда-то обильно политой кровью. Яков Григорьевич Рыбак и Владимир Николаевич Туманов долго стояли на том месте, откуда вели стрельбу двадцать два года назад. Я не спрашивал их, о чем они думали, мне было понятно их состояние.

Юные друзья записывали наши воспоминания. Они узнали о героизме батарейцев Сергея Утешева и других товарищей по оружию, о которых я рассказываю в этой книге. Но многие герои, погибшие на белорусской земле, остались неизвестными. Не удалось установить, например, фамилии командиров всех орудий и батарей 129-го противотанкового дивизиона и дивизионов 141-го артполка. Будем надеяться, что когда-нибудь все-таки мы узнаем их имена,

НА ВОЛХОВСКОМ

Моряки рвутся в бой

В конце 1941 года я вышел из госпиталя и был назначен командиром отдельного истребительно-противотанкового дивизиона 73-й бригады морской пехоты. Эта бригада только что сформировалась в глубоком тылу.

Новый год мы встретили на станции Тихвин, где разгружались наши эшелоны. Повсюду виднелись следы недавних боев. Как ни старалась зима прикрыть их пушистым снегом, они проступали во многих местах. Разрушенные, обгоревшие дома, разбитые машины и танки, исковерканные вагоны — вот что осталось после бушевавшего тут сражения.

Гитлеровцам, начавшим наступление во второй половине октября, ценой больших потерь удалось продвинуться на сто километров и захватить Тихвин. Но советские войска, перейдя в контрнаступление, разгромили вражескую группировку. План немецкого командования — выйти к реке Свирь, соединиться с войсками, наступавшими из Финляндии, и тем самым полностью изолировать Ленинград от страны — потерпел крах. Гитлеровцы были отброшены назад.

Мы внимательно следили за военными действиями и радовались первым большим победам нашей армии. Противник был разбит под Тихвином, под Ростовом-на-Дону. Продолжалось начатое в декабре контрнаступление советских войск под Москвой…

Из Тихвина дивизион походным порядком выступил на север. 150-километровый марш оказался нелегким.

Стоял сильный мороз. Встречный ветер безжалостно щипал щеки, забирался под полушубок. Дорога была разбита, в некоторых местах — снежные заносы. На ночевки останавливались в попутных деревнях.

На пятые сутки, усталые, продрогшие, мы добрались до Пашского Перевоза, расположенного в десяти километрах от устья реки Свирь. Бригада была включена в состав 7-й отдельной армии, оборонявшейся между Ладожским и Онежским озерами. Нас оставили в резерве. Один стрелковый батальон был послан охранять побережье Ладожского озера от Свирицы до мыса Лепина. Остальные части занимались боевой подготовкой.

Вместо обещанных 57-миллиметровых противотанковых пушек получили на станции Паша 45-миллиметровые пушки. Две батареи дивизиона были на конной тяге, а третья перевозилась на машинах. Все остальные артиллерийские подразделения бригады имели только конную тягу.

Личный состав нашего дивизиона, как и всей бригады, состоял преимущественно из военных моряков. Командиры взводов и батарей — молодые лейтенанты — прибыли к нам прямо с боевых кораблей Тихоокеанского флота и из военно-морских училищ.

Из командного и начальствующего состава только я, мой заместитель лейтенант С. А. Житник и еще несколько человек были из сухопутных войск.

Комиссар дивизиона батальонный комиссар Василий Дмитриевич Мазуров до войны работал старшим преподавателем кафедры марксизма-ленинизма военно-морского училища. Ему шел уже пятый десяток. Во всех движениях этого невысокого человека, во взгляде его добрых внимательных глаз, в его басовитом голосе чувствовались спокойствие и уверенность. С первого же знакомства он понравился мне, возникло такое чувство, будто я давно знаком с ним.

Моряки рвались в бой. Но вот прибыли на фронт и оказались в резерве. Опять начались занятия. Люди высказывали недовольство, просили скорей отправить на передовую.

— Рано вам воевать, молодым да зеленым. Стрелять еще как следует не научились, — посмеиваясь, отвечал комиссар Мазуров. — Вот осваивайте поскорей новое дело, тогда и на передовую можно…

Командиры взводов и батарей, хорошо знавшие корабельную артиллерию, без труда переквалифицировались в наземных артиллеристов. Они понимали все с полуслова. Но у них не было еще боевого опыта.

На первых порах у нас возникало немало различных трудностей. Вот, например, уход за лошадьми. Большинство моряков — бывшие горожане — видели лошадей лишь издали. Мы с Житником ревниво наблюдали, как они относятся к непривычному для них делу.

— Товарищ лейтенант, ну что еще с ней делать? Вроде бы чистая, а ветфельдшер Шкарупа говорит, что грязная, — беспомощно разводил руками краснофлотец Михаил Тищенко, обращаясь к заместителю командира 3-й батареи В. М. Соколову.

— А шут ее знает, какая она должна быть, — откровенно признался тот, опасливо похлопывая лошадь по крупу. — Драй ее, как палубу, чтобы блестела.

Но вскоре моряки привыкли к лошадям и стали любовно ухаживать за ними. Кстати сказать, тот же Тищенко и некоторые другие краснофлотцы были впоследствии награждены ценными подарками за то, что отлично берегли доверенных им лошадей.

Пришлось выслушивать немало жалоб нашего каптенармуса

М. Л. Митрофанова на моряков, которые стремились урвать для своих коней побольше сена и овса. Эти жалобы меня не огорчали, а, наоборот, радовали. О лошадях теперь можно было не беспокоиться. Они находились в надежных руках.

Располагались мы сравнительно недалеко от Ленинграда. Раньше только из газет да по радио узнавали, что делается там. А в Пашском Перевозе нам довелось встречаться с людьми, только что прибывшими из осажденного города. От их рассказов становилось не по себе.

В Ленинграде кончилось продовольствие, жители сидели на скудном пайке. Электростанции прекратили работать, водопровод замерз. От голода и холода умирали тысячи людей. Снабжение города шло по единственной дороге — ледяной трассе, проложенной по Ладожскому озеру. Эту дорогу бомбила немецкая авиация.

Несмотря на все трудности, Ленинград продолжал сражаться. Ослабевшие от недоедания рабочие ковали оружие для обороны, делали танки, пушки, пулеметы и боеприпасы.

На передовой гремели бои. А у нас, в тихом поселке, было спокойно. Лишь изредка появлялись в небе фашистские самолеты. 2-й батальон бригады, охранявший побережье Ладожского озера, без труда отражал наскоки мелких разведывательных групп вражеских лыжников.

23 февраля бригада приняла от 21-й стрелковой дивизии полосу обороны северо-восточнее Лодейного Поля с передним краем по южному берегу реки Яндеба. Все три стрелковых батальона были поставлены в первую линию. Ширина фронта каждого из них равнялась шести-семи километрам. В резерве находились приданные бригаде 120-й и 189-й лыжные батальоны.

Вокруг незнакомая местность. Никто из бойцов и командиров нашего дивизиона не бывал тут раньше. Густые леса, многочисленные озера, болота, скрытые под снежным покровом, — все это не давало возможности маневрировать силами и средствами. Советские войска занимали здесь жесткую оборону на том рубеже, где наступление противника было остановлено еще в октябре 1941 года…

Батареи противотанкового дивизиона были распределены по стрелковым батальонам. Всю первую неделю мы затратили на оборудование огневых позиций. Люди обживались на новом месте. А это было не так-то просто. Стояли сорокаградусные морозы, земля была покрыта толстым слоем снега.

— Тут и в мирное время жить нелегко, — как-то заметил Мазуров. — А теперь втройне трудней. Ни домов, ни конюшен.

Все нужно делать самим.

И люди делали. Мы с комиссаром целыми днями находились в батареях, разбросанных друг от друга на расстоянии двух-трех километров. Бойцы и командиры работали не считаясь ни с чем. Если и жаловались, то не на трудности, а на то, что оказались на «спокойном» участке фронта.

— Никогда не думал, что придется на передовой конюшни строить, — огорченно сказал мне лейтенант Николай Александрович Понятовский, командир 2-й батареи, когда я приехал к нему. — Противника не видно, замаскировался, притаился в дзотах на том берегу. Наши тоже в землю зарылись. Не война, а охота снайперов за одиночками. Огневых задач нам не ставят: танков у противника здесь нет и стрелять не по чему…

— Из наших пушек хорошо бить прямой наводкой по амбразурам. Ищите цель сами. Разведайте дзот, выберите удобную огневую позицию. Затемно установите орудие, а на рассвете бейте, — посоветовал я.

— Надо попробовать. Хоть не даром хлеб будем есть, — согласился Понятовский.

Мы разговаривали в землянке командира батареи. Понятовский и младший политрук Михаил Петрович Бизюков разместились в неглубокой яме, накрытой сверху плащ-палаткой. В ней было холоднее, чем снаружи.

— За двое суток можно было бы перекрыть и печку поставить. Не умеете устраиваться, — укоризненно сказал я. — Этак вы и себя и людей поморозите.

— Да, каюта у нас без удобств. Еще не успели, товарищ капитан, — оправдывался Понятовский.

Я осмотрел расположение батареи. Люди, как и сам командир, мерзли в неотапливаемых землянках, а костры разводить запрещалось. Лошади стояли под открытым небом, привязанные к деревьям, глодали кору. Возле орудий не было глубоких окопов и ниш для снарядов.

Батарейцы с посиневшими от холода лицами зябко переминались с ноги на ногу, когда я разговаривал с ними.

— На метр в землю вкопались, а там вода, — оправдывался командир огневого взвода лейтенант Владимир Степанович Чук.

— Сделайте насыпные стенки еще на метр. Материала, что ли, нет? Бревна, земля, утрамбованный снег. За день можно целый дворец построить!

Мне вспомнилось, как еще в довоенное время учил нас устраиваться на ночлег в полевых условиях командир 40-го артполка Г. Е. Дегтярев. Бывало, выведет полк зимой на двух-трехсуточное учение и поставит задачу не иметь в полку ни

одного обмороженного. Мы привыкли строить шалаши, снежные и земляные укрытия от холода, обогревать их кострами, разложенными в ямах, использовать тепло потушенных костров и угли. Прошло около семи лет, но эта наука не забылась. Я поделился опытом с озябшими моряками.

Через два дня во 2-й батарее были готовы землянки с нарами и печками. Для лошадей отрыли неглубокие котлованы, обнесли их снежно-ледяными стенками, а сверху покрыли жердями и снегом. Большая работа была проведена и по оборудованию орудийных окопов: сделали укрытия для расчета, ниши для снарядов. Хорошо потрудился огневой взвод, которым командовал лейтенант Николай Порфирьевич Милях. Он проявил смекалку и изобретательность в оборудовании боевых позиций и землянок для личного состава.

Я решил проверить 1-ю батарею. Командира батареи лейтенанта Сергея Николаевича Ярошa и его заместителя лейтенанта Виктора Алексеевича Поминова нашел на наблюдательном пункте.

— Финны здесь как на курорте: никто по ним не стреляет, — доложил Ярош. — Мы три часа сегодня ползали по переднему краю. Видели дымки от землянок, но дзот обнаружили только один. Хотели стрелять, да ротный не посоветовал.

— Это почему же?

— Говорит, пока сами не устроились, противника лучше не задевать. Но мы все же стрельнем! Руки чешутся!

— Боится ответного огня, — добавил Поминов.

— Вашему ротному, видно, только медведя из окна дразнить. Зачем же мы сюда приехали? Раз разведали — бейте!

Я дал лейтенанту Ярошу несколько советов, как выбирать и занимать огневую позицию, как лучше вести стрельбу по амбразурам дзотов, какие меры надо принимать, чтобы избежать потерь. Ярош взялся за дело с присущей ему энергией.

Обойдя боевые порядки батареи, я еще раз убедился, как трудно было людям приспособиться к суровым условиям здешнего климата. Командиры огневых взводов лейтенанты Иван Савельевич Макуров и Николай Максимович Макаров догадались обнести неглубокие котлованы землянок дерево-земляными стенками и обложить их снаружи утрамбованным снегом. В землянках стало теплее. Но все равно неудобств было много.

Под жердевым полом хлюпала вода. Она текла по стенкам, капала с потолков. Время от времени ее вычерпывали котелками. Когда топилась печка, в землянке становилось душно как в бане, а переставали топить — воздух сразу остывал, стены покрывались инеем. Требовалось особое мастерство топить железную печку

так, чтобы поддерживать нормальную температуру.

В 3-й батарее, у лейтенанта Александра Васильевича Лубянова, бойцы устроились лучше, чем в других подразделениях. Этому благоприятствовала местность. Орудия стояли на более возвышенных и сухих местах. В землянках меньше воды.

О противнике Лубянов доложил мне такими словами:

— Зарылись как кроты. Совсем мертвая оборона. За весь день только одну огневую точку обнаружили да дымок в лесу видели.

— А стоит высунуть голову, сразу под снайперскую пулю попадешь! — вмешался в разговор заместитель командира батареи лейтенант Василий Михайлович Соколов.

Действительно, на первый взгляд оборона противника не проявляла никаких признаков жизни. Кругом сугробы и лес. Заметенные деревья похожи на белые скирды. И тишина, изредка нарушаемая одиночными выстрелами или шумом снега, сорвавшегося с отяжелевших веток.

Я внимательно смотрел в бинокль. На склоне бугорка видна маленькая, едва заметная темная полоска — щелочка. Похожа на амбразуру дзота. Из этой амбразуры в любую минуту мог застрочить пулемет. Лубянов заверил меня, что за ночь подготовит временную огневую позицию, а утром откроет огонь по вражескому дзоту.

У нас не было схем расположения огневых точек противника и его траншей. Штаб 21-й дивизии, оборонявшейся до нас на этом участке, почти никаких разведывательных сведений бригаде не передал. Поэтому пришлось начинать все сначала. Мы установили непрерывное наблюдение за передним краем противника.

Бойцы и командиры вскоре приспособились к новым условиям. Орудийные расчеты научились маскировать огневую позицию. Для уменьшения потерь стрельбу по противнику вели обычно два-три номера, остальные находились в укрытии. С каждой временной позиции подавлялась, уничтожалась только одна цель. Для новой цели — другая позиция. Наводчики с каждым днем накапливали опыт быстрого и точного ведения огня.

Стрельбу начинали, как правило, на рассвете, едва только можно было разглядеть цель в оптический прицел. От первого до последнего выстрела проходило полторы-две минуты. Этого времени хватало для того, чтобы послать прямой наводкой шесть-восемь снарядов и добиться одного-двух прямых попаданий. Затем орудие быстро спускали в укрытие. Каждый день, если не было метели или снегопада, наши батареи подавляли или

уничтожали таким образом две-три огневые точки противника.

Особенно активно действовал командир 1-й батареи лейтенант Ярош. Он умело выбирал цели и удобные для стрельбы позиции. Вот что рассказывал мне лейтенант Макуров:

— Ярош во взводе часто бывает. Придет и скажет: «Макуров, у тебя противник опять курорт устроил». — «Где?» — «Идем, покажу!» Ведет за собой, показывает новую цель. Понимаете, цель на моем участке, а я не знаю о ней. Стыдно. После таких случаев и командиры взводов и командиры орудий начали инициативу проявлять. Даже вроде бы соревнование между взводами возникло: кто больше целей обнаружит, кто больше потерь врагу нанесет…

Люди дивизиона быстро приобретали практические навыки, закалялись в трудных условиях. Орудийные расчеты, которыми командовали сержанты Л. С. Азенов, А. И. Алехин, Н. Е. Серый, А. А. Ненашев, А. С. Коровин, старшина 1-й статьи А. П. Мирсанов, старшина 2-й статьи А. И. Пашков и старшина П. А. Бычков, стали стрелять отлично. Сержант Азенов после ряда удачных стрельб был послан на совещание снайперов — мастеров огня Волховского фронта. Там его наградили именными часами.

Радовало то, что у нас не было так называемых ЧП. Главная заслуга в этом принадлежала комиссару дивизиона. Василий Дмитриевич Мазуров сумел мобилизовать на выполнение поставленных задач всех коммунистов и комсомольцев, а они составляли две трети дивизиона и являлись его прочной основой. Комиссар был умным и чутким человеком, мог поговорить с каждым бойцом, подбодрить людей, вселить ненависть к врагу. Моряки советовались с ним, читали ему письма, полученные от родственников, от невест. А он всегда готов был выслушать человека, разобраться во всем.

Василий Дмитриевич вникал в детали жизни и быта артиллеристов: проверял, как готовится пища и как она доставляется на огневые позиции, есть ли у бойцов махорка и бумага для писем, навещал больных и раненых, оказавшихся в медсанроте. Всеми своими планами, впечатлениями и переживаниями Василий Дмитриевич делился со мной.

В его душе бил неиссякаемый родник любви к людям. И люди отвечали ему тем же. Когда он появлялся на передовой, бойцы под разными предлогами спешили увести его в защищенное место, чтобы осколок или пуля не задели комиссара.

Младшие политруки Михаил Петрович Бизюков и Никандр Васильевич Заусайлов старались перенять у Мазурова его умение работать с людьми. Политработники проводили большую воспитательную работу среди батарейцев, деля с бойцами все

тяготы и лишения фронтовой жизни. Они агитировали не только словом, но главным образом делом. Когда бы я ни приезжал в батареи, политруки находились на огневых позициях. Бизюкова, как наиболее энергичного и опытного человека, выбрали секретарем партийной организации дивизиона. Он успешно справлялся с этой работой. А если возникали трудности, ему тактично помогал Мазуров.

Беспокоил нас с Мазуровым лишь комиссар 1-й батареи. Он проявлял излишнюю осторожность, слишком заботился о своей персоне. Мы разговаривали с ним, пробовали стыдить его — не помогало.

Артиллеристы 1-й батареи снисходительно относились к слабостям своего комиссара. Каждый из них пережил внутреннюю борьбу со страхом, да и не все еще избавились от этого чувства. Одни бравировали напускной храбростью, другие действовали осторожно, осмотрительно, когда появлялась опасность, умели держать себя в руках.

— У нас комиссар еще не переболел. У него просто мания какая-то. Он и в землянке каску не снимает, — говорил лейтенант Ярош. — Ничего, может быть, это и пройдет. Все мы из одного теста сделаны, но разные пироги выходят.

Кроме стрельбы прямой наводкой мы организовали стрельбу с закрытых позиций. Это решение появилось после того, как я с лейтенантом Житником побывал на наблюдательном пункте командира 3-й батареи Лубянова. С высокой могучей ели хорошо был виден ряд целей в глубине обороны противника. Сразу возник соблазн ударить по ним.

— Побольше бы осколочных снарядов, и от наших «игрушек» противнику станет жарко, — сказал Семен Акимович Житник.

45-миллиметровые пушки он называл игрушками.

— Я тут целый склад обнаружил, кто-то забыл в лесу больше сотни ящиков со снарядами, — признался Лубянов. До этого о своей находке он молчал.

— Ну и хитер же ты, Александр Васильевич!

— Вчера только нашел и доложить не успел еще, — улыбаясь, оправдывался Лубянов.

— С твоей батареи и начнем, — решил я. — Только позицию надо найти поближе к наблюдательному пункту. Телефонной связи нет, придется команды по цепочке передавать.

В тот же день на краю поляны разместился огневой взвод лейтенанта И. П. Локтюхина.

Лубянов оказался хорошим стрелком с закрытой позиции, хотя и первый год после окончания Томского арт-училища

командовал батареей. Действовал он быстро и грамотно. С первых же залпов артиллеристы поразили несколько целей.

Через двое суток с закрытых позиций вела стрельбу одним взводом и 1-я батарея.

Осколочных снарядов имелось много. Стреляли мы почти каждый день. Били по открытым целям, по скоплениям пехоты и транспорта. Большая начальная скорость не давала возможности противнику услышать приближение снаряда. Взрывы раздавались всегда неожиданно. Хотя и мал был снаряд — весил он всего около трех килограммов, — но при удачном попадании наносил врагу чувствительные потери…

Как-то командиры артиллерийских частей собрались на совещание в штаб бригады. Начали обмениваться новостями. А когда я рассказал о стрельбе из 45-миллиметровых пушек с закрытых позиций, товарищи подняли меня на смех.

— Дробиной по слону бьешь, — сказал командир артдивизиона майор Н. В. Никитин.

— Да, твоим снарядиком противника не испугаешь, — поддержал его командир минометного дивизиона старший лейтенант А. Г. Панфилов. — Пшикалки у тебя, а не пушки.

Я молчал, делая вид, что насмешки товарищей не задевают меня. И очень обрадовался, когда наше начинание поддержал начальник артиллерии бригады подполковник А. Я. Данин.

— Правильно противотанкисты делают, одобряю. Танков нет, по огневым точкам бьют. Поколотили шюцкоровцев не меньше, чем другие дивизионы. Вот вам и пшикалки! Сам был у него на стрельбе. — Данин кивнул в мою сторону. — Третьим снарядом — прямо в амбразуру, только дымок пошел. Чуть тогда нас самих противник не прихлопнул. Стрелять прямой наводкой дело рискованное… Как фамилия наводчика-то?

— Младший сержант Азоркин, — ответил я, — из взвода лейтенанта Швалюка…

Нас позвали к командиру бригады. Землянка, в которой размещался полковник Н. В. Рогов, была сделана добротно: настоящий деревянный дом, врытый в землю.

— Вот бы нам такие землянки для людей отгрохать, — шепнул мне Мазуров. — Было бы где отдохнуть народу…

В середине апреля бригада приняла участие в наступлении с ограниченными целями.

Орудийным расчетам в этом наступлении пришлось действовать в очень трудных условиях. Весеннее солнце превратило толстый снежный покров в мокрую, рыхлую массу. Чтобы продвинуться вперед за пехотой, нужно было утаптывать снег, прокладывать траншеи. Но, и выполнив эту трудоемкую

работу, не всегда удавалось вести стрельбу прямой наводкой. Расстояние до цели невелико, а увидеть ее невозможно. Орудие стоит внизу, в траншее или яме. Наверх не поднимешь — оседает снег.

Много неприятностей доставили наступающим хорошо замаскированные и почти не уязвимые вражеские бронеколпаки. По ним мы ни разу еще не стреляли. Наш 45-миллиметровый бронебойный снаряд, как правило, рикошетировал от гладкой поверхности колпака. Только прямое попадание в пулеметную амбразуру могло вывести такую цель из строя.

Наступление в целом не дало ожидавшихся результатов. И, несмотря на это, настроение у нас было приподнятое. Мы несколько потеснили врага, и люди радовались этому.

— Наконец-то к настоящему делу нас приставили. Хватит на месте сидеть, — говорили моряки.

Шли дни. Солнце растапливало снег, съедало зимние дороги. Пучились и разливались реки. Вода была повсюду. Она выгнала нас из землянок, заставила искать сухие островки. Личный состав перебрался в наспех сделанные шалаши.

Бригада оказалась отрезанной от баз снабжения, а имевшиеся в частях запасы продовольствия и фуража быстро иссякали. Люди и лошади сидели на голодном пайке, хотя склады в Ояти, Шимозере, Алеховщине и Барбиничах были наполнены всем до предела. Лишь отдельным смельчакам удавалось приносить на себе немного продуктов, да самолеты У-2 почти ежедневно сбрасывали бригаде несколько мешков с сухарями и консервами.

С неделю дивизиону пришлось основательно попоститься. Не было жиров, сахара. В сутки выдавали по пятидесяти — сто граммов сухарей на человека и одну банку консервов на пятерых. Иногда консервы заменяли чечевичной или перловой кашей, сваренной без жиров из расчета по пятидесяти граммов крупы на едока.

Наконец разлившиеся реки, озера и ручейки вошли в свои берега. Наши снабженцы, хотя и с большим трудом, начали все же добираться до складов по непролазно грязным лесным дорогам.

Обрадовали всех первомайские посылки от трудящихся. Народ не забывал свою армию. В каждой посылке, как правило, было коротенькое письмо.

«Дорогой дядя! Прими мой подарок и больше бей фашистов, которые напали на наши дома», — крупными буквами вывел мальчик из Омска.

«Сынок! Посылаю тебе эту посылочку, не обессудь, что мало. Желаю тебе удачи в бою, да не коснется тебя вражеская пуля! Помни о нас, матерях!» — писала женщина из Вологды.

Это были живые ниточки, протянувшиеся к передовой с разных концов страны…

После апрельских боев бригадной роте разведчиков была поставлена задача во что бы то ни стало добыть «языка». Но противник очень бдительно охранял свои позиции. Попытки разведчиков не имели успеха. Командир роты лейтенант Д. Ф. Юринов со своим заместителем лейтенантом Ф. И. Масловым принимали различные меры, но безуспешно.

Не удалось привести пленного и старшине 1-й статьи Н. В. Чекавинскому, командиру взвода разведки 3-го батальона. А Чекавинский слыл в бригаде специалистом по этой части.

Неудачи разведчиков вынудили командира бригады отдать приказ командирам всех частей, в том числе и артиллерийских, подготовить по одной разведгруппе для захвата пленного. Формировались эти группы из добровольцев. Желающих попытать удачи в нашем дивизионе набралось слишком много, хоть жребий бросай. Отобрали трех человек: шофера М. А. Скибо, краснофлотца Г. П. Соколова и старшего сержанта Н. И. Гаранина. Эта тройка, по мнению командиров батарей и взводов, была способна на любые отчаянные дела. Из командиров идти в разведку первым изъявил желание старший адъютант дивизиона лейтенант А. В. Соловьев. Мне и Мазурову не хотелось его посылать, но Саша Соловьев буквально ходил за нами по пятам, и мы в конце концов сдались.

Три дня разведгруппа тщательно готовилась к вылазке, изучала местность, подходы к переднему краю противника, расположение огневых точек.

Темной ночью четверо смельчаков благополучно переправились через реку Яндеба и двинулись по намеченному маршруту. Переправляться через реку помогал лейтенант Маслов, он же дал Соловьеву несколько полезных советов, так как хорошо знал оборону противника в этом районе.

Батарея Яроша, минометная рота из батальона старшего лейтенанта И. Ф. Рябко и пулеметчики стрелковой роты, выделенные для огневого прикрытия, застыли в ожидании сигналов. Однако прошел час, другой, а майская ночь оставалась темной и тихой. Только где-то в стороне изредка раздавались автоматные очереди.

По нашим расчетам, разведгруппе пора было возвращаться, но она как в воду канула.

— Раз стрельбы нет, значит, их не заметили, — будто боясь нарушить тишину, шепнул мне Мазуров.

— Черт с ним, с этим «языком», лишь бы все вернулись

благополучно, — пробурчал Житник.

Наступил рассвет, прошел день, потом следующая ночь, а разведчики наши не появлялись.

На третьи сутки, 11 мая, в предрассветной мгле добрался до наших окопов краснофлотец Георгий Соколов. Просто невозможно было представить, как смог он, израненный, с перебитыми руками, перейти линию фронта. Его товарищи Максим Скибо и Николай Гаранин были убиты, погиб в неравном бою и лейтенант Александр Владимирович Соловьев.

Краснофлотец Соколов рассказал, что на переднем крае захватить пленного разведчикам не удалось. Окопы и все огневые точки усиленно охранялись. Лейтенант Соловьев принял решение углубиться в тыл противника.

Днем разведчики скрытно выходили к дорогам, к лесным полянам. Соловьев наносил на карту расположение батарей и штабов, районы сосредоточения вражеских резервов.

На следующую ночь разведчики намеревались пробраться к своим. По пути обнаружили артиллерийскую батарею. Бесшумно сняв часовых, моряки ворвались в землянки с орудийными расчетами и перебили находившихся в них солдат. Нападение было таким неожиданным, что никто из вражеских артиллеристов не успел оказать сопротивление.

Выскочив из землянок, моряки побежали по лесной тропинке. Соловьев перед этим успел испортить у двух орудий стреляющие приспособления.

Примерно в полутора километрах от нашего переднего края напали на проезжавшую мимо повозку, без шума захватили солдата и пьяного офицера. Пленных повели с собой. Офицер не держался на ногах и не понимал, что попал к русским разведчикам. Пришлось тащить его под руки.

Возле просеки внезапно столкнулись с группой вражеских солдат и вынуждены были вступить с ними в бой. В завязавшейся перестрелке Скибо и Гаранин пали смертью храбрых.

На Соловьева неожиданно навалились двое. По всей вероятности, они хотели захватить лейтенанта живым. Началась неравная борьба. Соколов в это время бросил гранату в трех шюцкоровцев и поспешил на помощь командиру, но было уже поздно. Раздался взрыв — лейтенант Соловьев взорвал гранату. Он убил напавших на него солдат, но и сам погиб.

Соколов взял у командира карту и двинулся к линии фронта. Раненый моряк быстро слабел от потери крови. Когда пробирался мимо вражеского дзота, его ранило еще раз. Он приполз к нам почти без сознания.

После излечения в госпитале Георгий Прокофьевич Соколов

был демобилизован из армии и уехал к себе на родину.

Мы с Мазуровым тщательно рассматривали помятую, порванную в нескольких местах карту с многочисленными пометками Соловьева. На ней были обозначены важные цели. Смелый моряк продолжал бороться с врагами даже после смерти.

Следующей ночью в штаб привезли полумертвого вражеского солдата. Оказывается, лейтенанты И. П. Локтюхин и Г. А. Швалюк, закадычные друзья Соловьева, с горя выпили и, никому не сказав, уползли к противнику. Захватили там часового, ворвались в землянку. Перебив десяток солдат, вернулись обратно, притащив с собой ручной пулемет и раненого пленного, который вскоре умер.

Я был возмущен самоуправством лейтенантов. Ведь они бросили свои подразделения, рисковали собственной жизнью. Посоветовался с комиссаром, как наказать их.

— Конь о четырех ногах, да и то спотыкается. Мой дед говорил: три раза прости, в четвертый прихворости, — ответил Мазуров. — Дадим им на первый раз по выговору с предупреждением, и хватит.

На том и порешили. Мы с комиссаром понимали чувства, двигавшие лейтенантами: они хотели отомстить за друга.

Докладывая о происшествии подполковнику Данину, я опасался, что получу от него крепкий нагоняй. Но подполковник взглянул на дело иначе: он не одобрил даже наше, сравнительно мягкое наказание.

— Люди храбрость проявили, а вы их по голове! Молодцы ребята!

— Что это за храбрость в таком состоянии! — возражал я.

— Будь они пьяными — заблудились бы ночью, дорогу домой не нашли. А раз нашли, значит, трезвые. И нечего нам морские традиции нарушать!

— Какие традиции? — не понял я.

— Если моряк лежит на берегу головой к кораблю, то наказание ему уменьшается: как-никак смягчающее обстоятельство, — улыбнулся Данин. — А у тебя люди и врага побили и назад вернулись. Наказывать их не стоит! — заключил подполковник.

Вскоре разведчики 3-го батальона под командованием Чекавинского захватили одного «языка». Сам Чекавинский был легко ранен, но на госпитальную койку не лег, вылечился, как он говорил, «на ходу, между дел». Двух пленных привела и рота разведчиков.

Старшим адъютантом дивизиона вместо погибшего Соловьева был назначен лейтенант Лубянов. 3-ю батарею принял от него

лейтенант В. М. Соколов.

Конец мая и начало июня прошли в боях местного значения. 2-й и 3-й батальоны получили задачу вместе с двумя батареями дивизиона ликвидировать уцелевший после апрельских боев плацдарм противника на южном берегу реки Яндеба. Этот плацдарм несколькими «аппендиксами» вклинивался в нашу оборону. Наступая по колено в воде, от островка к островку, моряки за три недели упорных и тяжелых боев очистили южный берег реки от врага.

В этих боях с самой лучшей стороны показал себя огневой взвод 3-й батареи лейтенанта Г. А. Швалюка и, особенно, расчет старшины 2-й статьи А. И. Пашкова, который подавил три дзота и сбил с деревьев много «кукушек». Артиллеристы смело действовали под огнем противника. На орудии осталось множество следов от осколков. На каждом квадратном дециметре броневого щита — по две-четыре вмятины. На израненное орудие приезжал смотреть сам командир бригады, он удивлялся живучести этой приземистой пушки и мужеству расчета, укрывавшегося за ее щитом.

В середине июня бригада была переведена на другой участок фронта. Сменив части 314-й и 67-й стрелковых дивизий, мы заняли оборону по южному берегу полноводной реки Свирь, в районе полуразрушенного оккупантами города Лодейное Поле.

На этом участке никаких активных действий мы не вели. Нас с противником разделяла река шириной до трехсот метров. Водная преграда мешала производить ночные поиски и разведку боем. Шло соревнование снайперов обеих сторон, но и им трудно было найти цель. Все зарылось в землю, из траншей высовывались только головки перископов и стереотруб.

Через двадцать дней мы были выведены в район второй оборонительной полосы армии. В двадцати — тридцати километрах от линии фронта части бригады с большим напряжением строили оборонительные сооружения: траншеи и дзоты. Все это тщательно маскировалось под фон окружающей местности. Работали с раннего утра и до позднего вечера.

— Люди воюют, а мы тут землю роем, — недовольным тоном сказал мне однажды Мазуров, когда мы сидели с ним около только что выстроенного дзота. — Немцы на юге опять перевес взяли. Крым захватили, к Волге подошли, к Северному Кавказу рвутся. А мы цветочки нюхаем, как на курорте. — Комиссар сердито дунул на одуванчик. — Теплынь, птички поют. Скоро грибы собирать начнем…

Я только вздохнул в ответ. Положение на юге очень тревожило нас всех. Сводки Совинформбюро были по меньшей мере неутешительными. А здесь, на фронте 7-й отдельной армии, в это горячее военное лето царило затишье. Обе воюющие стороны затаились, не проявляли активности. Настроение наших бойцов нельзя было назвать хорошим. Моряки все чаще высказывали недовольство тем, что оказались на заднем плане войны.

— Вернемся домой, и рассказать нечего будет. В обороне всю войну просидели, — пожаловался мне как-то лейтенант Ярош, выражая мнение многих.

— Придет время, и нам важную задачу поставят, — ответил я. — Войне еще конца не видно.

— Эх, скорей бы!

В дивизион приезжал вновь назначенный командир бригады полковник И. Н. Бураковский. Он следил за темпами строительства и внутренним порядком в частях. Невысокого роста, худощавый, на вид лет сорока, Бураковский сразу же произвел на всех хорошее впечатление своими лаконичными, деловыми указаниями и советами. В нем чувствовался человек сильной воли, хорошо знающий свое дело.

Чаще всех бывал у нас полковник Данин. Строительство укреплений его не интересовало. Он беспокоился о другом.

— Жми, Морозов, на боевую подготовку, пока время есть, — советовал мне полковник. — Следи, чтобы наводчики каждый день тренировались в стрельбе прямой наводкой. Командиров батарей, взводных учи.

Всеми правдами и неправдами мы ежесуточно выкраивали несколько часов для тренировок основных специалистов — командиров орудий, наводчиков и их заместителей. Благодаря этим систематическим тренировкам дивизион занял первое место по стрельбе на армейских соревнованиях.

Удачно стреляли артиллеристы и других дивизионов нашей бригады. Приказом по армии командованию бригады была объявлена благодарность за хорошую подготовку артиллерии.

В середине лета ушел от нас батальонный комиссар Мазуров, переведенный с повышением. Жалко было расставаться с ним. Василий Дмитриевич умел требовать, но умел и заботиться о людях. Как отца родного, любили его в дивизионе.

Вместо Мазурова к нам назначили батальонного комиссара Дмитрия Ильича Жука. Это был моложавый еще человек с густыми, зачесанными назад черными волосами. Лицо упрямое, в глазах — лукавые искорки.

«Сработаемся ли мы с ним?» — думал я, глядя на нового

комиссара.

Они сделали все, что смогли

В то время, когда бригада строила оборонительные сооружения, южнее Ладожского озера готовилась и проводилась Мгинско-Синявинская операция, имевшая цель прорвать блокаду Ленинграда. Мы внимательно следили за развитием событий на Волховском фронте — ведь он был нашим соседом.

В конце августа войска фронта прорвали оборону противника, продвинулись вперед на десять — двенадцать километров и завязали бои под Синявино и Мгой. Но вскоре наступление пошло на убыль. Противник подтягивал резервы, сильными контратаками стремился восстановить прежнее положение. Советские войска с трудом отражали эти попытки.

И вот очередь вступить в бой дошла и до нашей, 73-й бригады. 17 сентября она была выведена из состава 7-й отдельной армии. Совершив 80-километровый марш, мы погрузились в эшелоны на станции Оять. На станции Мурманские Ворота выгрузились и походным порядком двинулись на запад. 26 сентября части бригады сосредоточились восточнее Тортолово (в двенадцати километрах от Мги).

Командир бригады полковник Бураковский вызвал к себе всех командиров частей и объявил задачу. Мы узнали, что войска 2-й ударной и 8-й армий Волховского фронта попали в тяжелое положение. Накануне нашего прибытия противник нанес сильные фланговые удары у основания прорыва, захватил Тортолово и безымянные высоты севернее этого населенного пункта. Тем самым немцы отрезали часть наших войск от основных сил.

Бригада во взаимодействии с остатками 265-й дивизии при поддержке одной танковой роты 16-й танковой бригады должна была овладеть безымянными высотами и разомкнуть кольцо окружения. Фронт наступления — один километр. Справа — части 80-й дивизии, слева оборонялись части 11-й дивизии.

Провести как следует рекогносцировку нам не удалось. Где расположены огневые средства противника, где точно проходит передний край обороны — понять было трудно. Мы знали только, что перед нами действуют части 132-й немецкой пехотной дивизии. Это было установлено по показаниям пленного, которого успел добыть Н. В. Чекавинский. 3-й батальон только прибыл в район сосредоточения, а этот смельчак уже «бродил» по тылам противника.

Впоследствии, когда возникала необходимость срочно захватить «языка», полковник Бураковский вызывал к себе Чекавинского и сам ставил ему задачу. И каждый раз задание

выполнялось в срок. Этот тридцатишестилетний моряк был гордостью нашей бригады.

Обстановка осложнялась с каждым часом. Подразделения обескровленной 265-й дивизии, оборонявшиеся на высотах, отошли на восточные скаты и удерживали только узкую кромку суши возле труднопроходимого болота. Нужно было действовать решительно и быстро.

В ночь на 27 сентября бригада преодолела широкое, около двух километров, болото и сосредоточилась на узкой полоске земли перед безымянными высотами. Двигаться по болоту днем было невозможно: каждый появившийся на нем попадал под огонь противника из Тортолово и с гребня высот.

С вечера и до утра бойцы нашего дивизиона, оставив средства тяги на восточном берегу болота, перекатывали на руках орудия по дырявой, зыбучей гати, подносили ящики с боеприпасами. Шел дождь, видимость была плохой, но противник все же заметил подход бригады. Снаряды и мины рвались в трясине, выбрасывая фонтаны торфяной жижи.

Перебравшись западный берег, мы вышли из зоны обстрела. Осветительные ракеты с шипением проносились над нами и Гасли в воде. В наши окопы изредка залетали вражеские ручные гранаты с длинными рукоятками: немцы находились совсем рядом.

Утром, после короткой артиллерийской подготовки, 1-й и 3-й батальоны бригады атаковали противника на безымянных высотах. Моряки стремительным броском, несмотря на ливень пуль, ворвались в первую траншею. Там завязалась ожесточенная рукопашная схватка. Эту траншею наша артиллерия не подавляла огнем с закрытых позиций, боясь поразить свою пехоту. По ней стреляли только наши минометы и противотанковые пушки. Траншея оказалась переполненной немецкими солдатами. Поэтому схватка тут была особенно упорной и кровопролитной. Моряки отвоевывали один участок за другим, пуская в ход не только автоматы и ручные гранаты, но также штыки и финки.

Первое время трудно было понять, в каких окопах свои, в каких — немцы. Из-за этой неразберихи артиллерия не смогла оказать существенной поддержки пехоте, сражавшейся в лабиринте неглубоких траншей, и только окаймляла ее огнем.

Танковая рота, выделенная для поддержки бригады, обойдя болото, поднялась на голые высоты и почти в упор расстреливала врага, засевшего в укрытиях. Танки ползали по перекопанной земле, не имея возможности сделать решительного броска вперед. За высотами простиралась заболоченная долина речки Черная. Такое топтание на месте им обошлось дорого. Через полчаса все

танки были подбиты огнем немецких орудий, стрелявших прямой наводкой с флангов, со стороны Тортолово и Гайтолово.

Многие наши бойцы шли в атаку в флотской форме. Для немцев появление этих смельчаков в черном было полной неожиданностью. Фашисты боялись моряков, и это тоже сыграло свою роль.

Кстати, было просто удивительно, как наши бойцы сумели сохранить свое прежнее обмундирование. Его приказано было сдать. На марше сам полковник Бураковский проверял с помощниками повозки, машины, вещевые мешки и отбирал матросское обмундирование. Считалось, что темный цвет сильно демаскирует. Но моряки умудрялись как-то спрятать старую одежду. Прятали под гимнастерками, в снарядных ящиках, а минометчики даже додумывались засовывать ее в стволы минометов. В самые трудные минуты бойцы надевали по флотской традиции тельняшки и фланелевые рубахи.

Большую поддержку нашей пехоте оказали батареи истребительно-противотанкового дивизиона. Они неотступно следовали за наступающими, ведя огонь по засевшим в окопах гитлеровцам, выкуривали их из блиндажей и дзотов. Артиллеристы перекатывали свои 45-миллиметровые пушчонки на руках, легко поднимали их по скатам высот, перетаскивали через траншеи.

В результате четырехчасового боя безымянные высоты были очищены от противника. Остатки вражеских подразделений отошли к Тортолово, где и закрепились.

Вражеское кольцо было разорвано. Однако окруженные войска находились за речкой Черная, их попытки соединиться с бригадой днем успеха не имели. Противник простреливал образовавшийся «коридор» из всех видов оружия. Мы ждали наступления темноты…

Каким образом части 2-й ударной и 8-й армий оказались в окружении, как развивались здесь боевые действия до прихода бригады — обо всем этом мы тогда имели смутное представление. Впоследствии, работая в штабе артиллерии Волховского фронта, я детально изучил Мгинско-Синявинскую операцию по документам и рассказам очевидцев. Много интересного сообщили мне капитаны П. Я. Егоров и И. П. Снежков, офицеры оперативного отдела штаба фронта. Меня поражало очень большое по тем временам количество артиллерии, привлеченной к прорыву вражеской обороны. Тысяча триста орудий и минометов участвовало в артиллерийской подготовке, кроме того, действовало три полка и двадцать отдельных дивизионов реактивных минометов, которые мы тогда

называли «катюшами».

К исходу третьего дня операции, 29 августа, войска 8-й армии, прорвав вражескую оборону, вели бои в районе Синявино, под Мгой. Но противник подтянул мощные резервы, и дальнейшее наступление наших войск было приостановлено. Как потом выяснилось, фашисты имели на этом направлении значительные силы для удара по правому крылу Волховского фронта: немцы намеревались расширить внешнее кольцо вокруг Ленинграда, хотели повторить прошлогоднее наступление на Тихвин. Наша 8-я армия упредила этот вражеский удар.

Наступательная операция наших войск не достигла конечной цели, но в ходе ее была разгромлена ударная группировка противника, перемолоты его резервы. С нашей стороны потери тоже были велики, но они оправдывались результатами операции, вырвавшей инициативу у врага и разрушившей его коварные планы…

Вечером начался выход окруженных. А наши батальоны зорко следили за тем, чтобы противник не ударил с флангов.

Перед бригадой, захватившей безымянные высоты, стояла новая задача — удержать их любой ценой, дать возможность частям вырваться из вражеского кольца.

В сообщении Совинформбюро за 28 сентября 1942 года говорилось: «В районе Синявино наши войска вели бои с противником, вклинившимся в нашу оборону. Атакой бойцов части, где командиром тов. Бураковский, немцы выбиты с одной, имеющей важное значение высоты».

Их было три. Три безвестные высотки, затерявшиеся на необъятной русской земле! Они приняли на себя взрывы тысяч снарядов, мин и бомб, впитали много пролитой крови. На них, как и на Севастопольских редутах, на полях Подмосковья и у берегов Волги, решалось в то тяжкое время будущее нашей страны.

Одна высота, вытянувшаяся длинным плоским овалом вдоль фронта с севера на юг, начиналась от окраины Тортолово, а вернее, с того места, где находился раньше этот населенный пункт, стертый с поверхности земли. Овальную высоту удерживал 3-й батальон с 3-й батареей нашего дивизиона. Вторая, меньшая из трех, высотка, обороняемая 2-м батальоном со 2-й батареей, маленьким бугорком прижалась к правому флангу бригады. Третья выдавалась на полкилометра западнее и находилась в центре нашей оборонительной полосы. На ней располагался 1-й батальон.

Впереди — широкая долина речки Черная, за ней — лес. В тылу было труднопроходимое болото. Длина его достигала трех

километров, ширина — двух километров.

В треугольнике, образованном высотами, на одном квадратном километре земли мы и приняли всю тяжесть вражеских ударов.

28 сентября противник после огневого налета контратаковал правофланговый 2-й батальон. Но контратака была отбита с большими для врага потерями. После этого он в течение дня не предпринимал активных действий.

На другой день фашистская авиация бомбила наши позиции. Вслед за этим врагу удалось захватить часть высоты, которую оборонял 1-й батальон. Ночью 3-я рота этого батальона выбила гитлеровцев и восстановила положение. Отважно и мужественно действовали моряки. Командир роты старший лейтенант А. И. Куц и старший политрук А. Н. Сеннов шли впереди, увлекая за собой бойцов.

Командно-наблюдательный пункт нашего дивизиона сначала находился на небольшом островке среди болотных трясин, в двухстах пятидесяти — трехстах метрах от подножия высот. С него хорошо просматривались фланги. Однако противник вскоре обнаружил НП и обрушил на него огонь нескольких батарей. Минут десять островок вздрагивал от разрывов, как поплавок на воде. После огневого налета я и комиссар с трудом вылезли из обвалившейся землянки. Все кругом было изрыто воронками, которые сразу же наполнялись коричневой жижей; рощица выглядела так, будто прошла буря. Пахло горелым тротилом, с болот тянуло затхлой гнилью взбудораженной трясины.

Ночью мы перебрались через болото на безымянные высоты. Новый наблюдательный пункт разместился на северном скате левофланговой высоты, за 1-й батареей. Командир отделения разведки Юрченко и его бойцы сразу взялись за лопаты, чтобы до утра закончить все работы.

По словам тех, кто вышел из окружения, немцы подтянули к нашему участку танки. До слуха доносился приглушенный гул моторов. Мы готовились к отражению танковой атаки противника.

— Может быть, коммунистов соберем? — предложил комиссар Жук.

У нас в дивизионе коммунистом был каждый третий боец. Если собрать всех вместе, мы на какое-то время ослабим нашу оборону.

— А стоит ли, Дмитрий Ильич, собирать всех? Лучше давай сами обойдем орудийные расчеты, — в свою очередь предложил я комиссару. — Поговорим с людьми на месте, проверим, предупредим.

— Правильно, — согласился он.

До самого рассвета, путаясь в ходах сообщений и траншеях, спотыкаясь о телефонные провода, о разбросанные повсюду немецкие каски и противогазы, мы ходили от орудия к орудию. Воздух насыщен был трупным запахом. За брустверами окопов валялись убитые гитлеровцы. Их еще не успели убрать.

Всю ночь шли с запада к высотам мелкие группы бойцов, вырвавшихся из окружения. Вспыхивавшие ракеты противника тускло освещали их измазанные лица. В тишине то и дело раздавались булькающий свист летевших мин и разрывы. Немецкие минометчики вели наугад беспокоящий огонь.

Проверку боевых порядков я начал с орудия старшины 2-й статьи коммуниста Александра Пашкова из 3-й батареи. Расчет находился около орудия. Бойцы расправлялись сразу с обедом и ужином, которые только что были принесены в термосах.

Пища доставлялась на высоты два раза в сутки: перед рассветом и с наступлением темноты.

— Товарищ майор! С нами за компанию, — предложил мне Пашков, подавая котелок еще не остывших щей.

— Спасибо, я только что перекусил. Как питание, жалоб нет?

— Камбуз работает полным ходом. Коля Корнеев — хороший кок. Не щи, а одно объедение! — ответил Пашков.

Я осмотрел огневую позицию. Артиллеристы быстро и умело приспособились к местности. Сказывались навыки, полученные на занятиях по инженерной подготовке, которые систематически проводились в дивизионе. Замечаний у меня не было.

— Ну, сухопутно-морские волки, — сказал я, когда расчет поужинал, — наступают горячие деньки. Как, с танками справимся?

— Не подведем! Наш Ваня Волков в пятачок попадает, а по такой махине, как танк, и слепому промазать грешно, — ответил краснофлотец Иван Диколенко.

— Учтите, товарищи, уходить с этих высот нам никак нельзя. Будем стоять до последнего. Не забыли, как стрелять по движущимся целям? Про упреждение не забывайте. Старайтесь бить по бортам. Большой экзамен предстоит нам.

От орудия Пашкова я добрался по ходам сообщения до огневого взвода лейтенанта Миляха. Здесь уже побывали Житник, комиссар батареи Бизюков, командир батареи Понятовский и заместитель политрука старшина Бычков, он же парторг батареи. Они покинули взвод за несколько минут до моего прихода.

Одна пушка стояла в окопе, вырытом под сгоревшим танком. Это вначале удивило меня: артиллеристы выбрали слишком заметное место.

— Мы уже стреляли с этой позиции, получается неплохо, — ответил на мое замечание старший сержант Анисим Алехин. Он считался лучшим командиром орудия во 2-й батарее. И бойцы его расчета не отставали от своего командира: они были награждены знаками «Отличный артиллерист».

— За нас, товарищ майор, не волнуйтесь. Мы выполним любой приказ, — заверил меня Алехин, когда я уходил от него.

Во всех орудийных расчетах настроение было боевое. От стойкости и умения этих маленьких (по пяти-шести человек) коллективов зависел исход предстоящей схватки. Я верил, что наши люди сделают все, что в человеческих силах.

Только перед рассветом возвратился я на свой командно-наблюдательный пункт.

— Вас по телефону все время спрашивал полковник Данин, — доложил старший адъютант (начальник штаба) дивизиона Лубянов.

Я позвонил начальнику артиллерии бригады. Полковник Данин справился, как идут дела, достаточно ли снарядов, и еще раз предупредил, что возможна танковая атака.

— Головой отвечаешь за противотанковую оборону высот, учти это, — сказал он. — Или грудь в крестах, или голова в кустах. Желаю первого! Держись!..

Утро 1 октября выдалось погожее, ясное. Из-за леса выглянуло солнце, озарило вершины деревьев. Заблестел иней на побуревшей, опаленной траве.

«Солнце будет ослеплять противника, это хорошо», — подумал я.

С болот поднимался густой туман. Мимо пролетела стая уток и скрылась где-то за рощей. Очень тихо было вокруг. Не слышно ни выстрелов, ни громких голосов. Полторы тысячи человек затаились в траншеях, ожидая врага. Одни любовались красотой яркого осеннего утра, другие курили, третьи стояли молча, вспоминая, вероятно, свой дом, родных. Кое-кто перечитывал потертые и пропахшие махоркой письма…

Впереди в траншеях задребезжала снарядная гильза — сигнал воздушной опасности. На горизонте появились черные точки.

— Ну вот, летит воронье, — сказал Жук.

Самолеты приближались. У нас за спиной часто заухали зенитные пушки — в синем небе возникли белые хлопья разрывов. Затрещали зенитные пулеметы.

Начался новый фронтовой день. Набирая скорость, завертелись тяжелые жернова войны.

Немецкие бомбы взметнули столбы земли между высотками в том месте, где стояла наша 3-я батарея.

— «Сокол», «Сокол»! — кричал я в телефон. В ответ — ни звука.

— Разрешите, я сбегаю туда! — обратился ко мне Лубянов.

— Сбегайте! Узнайте, как они там?

Когда он ушел, Жук сказал одобрительно:

— Саша так и рвется на батарею. Боевой командир.

Лубянов действительно недолюбливал штабную работу. Но обязанности свои он выполнял добросовестно, и я не имел претензий к нему.

Бомбежка продолжалась. Самолеты, маневрируя среди разрывов, взмывали ввысь, уступали место новым эскадрильям.

Один бомбардировщик загорелся. Оставив за собой длинный хвост черного дыма, он врезался в болото. Грянул взрыв. Взметнулся фонтан торфа и грязной воды. Почти следом за ним упал и второй самолет.

Едва скрылись бомбардировщики, как гитлеровцы начали артиллерийский обстрел. Двадцать минут сыпались на наши позиции вражеские снаряды. Било не меньше сотни орудий разных калибров. Стреляли они и с юга, из-за Тортолово, и с севера, и с запада. Их траектории пучком сходились на высотах. Здесь стоял сплошной грохочущий гул, все тонуло в тучах дыма и пыли.

Тяжелые снаряды выбрасывали в воздух тонны земли. Но эти снаряды страшны лишь при прямом попадании или при очень близком разрыве. Опаснее были мины, залетавшие в окопы или попадавшие на бруствер. От веера их осколков можно было укрыться только в нишах, «лисьих норах» и блиндажах.

Артиллерийский огонь, ослабевая, переместился в глубину: завеса разрывов передвинулась на восточные скаты и на болото.

Слева впереди затрещали автоматы. Пелену дыма прорезали красные ракеты.

Метрах в четырехстах от первой траншеи показались за серой дымкой цепи гитлеровских солдат.

— Почему не стреляет наша пехота? — удивленно спросил Жук.

— Подпускает поближе, чтобы наверняка!

Наконец застрочили станковые пулеметы. Раздался треск винтовочных выстрелов. Над нашими головами, с визгом сверля воздух, полетели снаряды: это артиллерия, стоявшая за болотом, открыла заградительный огонь по атакующей пехоте. Гитлеровцы залегли. Мелкие группы двигались вперед перебежками.

— Житник в какой батарее сейчас? — спросил Жук.

— Во второй, на правом фланге.

— Тогда я подамся в первую. Не возражаешь?

— Нет. Только подходи к ней с тыла, по бывшей немецкой траншее. Мячин, веди комиссара! Ты ведь дорогу хорошо знаешь!

На наблюдательном пункте остались со мной командир отделения разведки Юрченко и разведчик Неловкин.

— Танки выходят! — взволнованно крикнул Неловкин.

Нагоняя пехоту, из редкого кустарника выползали черные бронированные машины. Шесть танков в первой линии и столько же сзади.

«Четыре, которые слева, — третьей батарее. Остальные на долю первой и второй батарей», — прикинул я.

Позвонил к Соколову — связи нет. Позвонил во 2-ю батарею. Отозвался политрук Бизюков.

— Где Понятовский и Житник?

— В первом взводе у Чука.

— Подпускайте танки ближе и бейте с правого фланга. Держитесь крепче! Первая батарея ударит посередине.

— Хорошо, това…

В трубке что-то щелкнуло, и связь прекратилась.

Дивизион наш не имел ни связистов, ни средств связи. Телефонные линии на батареи проложили разведчики, раздобыв где-то куски провода, а телефонные аппараты достал начальник артснабжения дивизиона Горбацкий. Сейчас линии вышли из строя. Чинить некогда и некому.

— Неловкин! За мной! — скомандовал я.

До наблюдательного пункта командира 3-й батареи старшего лейтенанта Соколова было всего метров двести. Мы, согнувшись, бежали по мелкому ходу сообщения. Вот и Соколов. Я услышал его команду:

— Приготовиться!

Рядом с ним краснофлотец сигналил флажками, подняв их над окопом.

— Открываю огонь! — доложил мне старший лейтенант.

— Подпускай ближе, не торопись!

Танки обогнали залегшую пехоту и разделились на две группы: одна, скрывшись за скатом высоты, ринулась на позиции 3-го батальона; другая, сделав разворот влево, начала заходить в тыл 1-му батальону, подставив артиллеристам борта машин.

Батарея открыла огонь. Резко, как удары огромного хлыста, щелкали выстрелы четырех орудий. Навстречу вражеским машинам понеслись бронебойно-трассирующие снаряды. Те, которые не попали в цель, отскакивали от земли и, урча, взмывали вверх, оставляя за собой красный след трассы. Снаряды, задевшие броню под острым углом, рикошетили молниями, отлетая в стороны и вверх. Но вот один танк, как бы наткнувшись

на невидимую преграду, резко остановился. Пехота, бежавшая за ним, залегла.

Еще одна удача: загорелся головной танк. Он замер на месте, окутался черным дымом. Две вражеские машины на левом фланге развернулись в нашу сторону и открыли огонь по орудиям.

Метрах в ста от нас, там, где находился взвод лейтенанта Швалюка, грохнули разрывы. С визгом пронеслись мимо осколки. Я невольно пригнулся в окопе. Рядом громко выругался Соколов.

— Что такое, Василий Михайлович?

— Аж в ушах зазвенело, — ответил он и показал большую вмятину в каске. — Рикошетом осколок пошел…

Напряжение боя возрастало. Открыли огонь 1-я и 2-я батареи. Два танка стояли с порванными гусеницами. Пять машин пятились назад и яростно отстреливались. Немецкая пехота лежала на земле. Там то и дело вспыхивали разрывы мин. Наши минометчики стреляли в этот раз очень метко.

Но вот из-за танков показалась новая цепь автоматчиков. Танки опять ринулись вперед — прямо на батарею.

С нашей стороны стреляло только одно орудие. Остальные почему-то молчали.

Мы с Соколовым бросились по ходу сообщения на огневые позиции. Старший лейтенант впереди, я за ним. Он раза два останавливался и просил меня остаться… На повороте траншеи мы едва не сбили фельдшера Аню Прохорову. Она тащила на себе тяжело раненного наводчика старшину 2-й статьи Мелентия Печерских.

— Андрей, помоги! — крикнул я следовавшему за мной Неловкину.

Соколов побежал прямо, а я свернул влево.

— Почему не стреляете? — с такими словами спрыгнул я в орудийный окоп.

— К бою готовы! Ждем! — доложил Пашков, стоявший на коленях у левого колеса. — Один танк мы уже подбили.

У орудия застыл наводчик Волков. Зайцев, Диколенко и Каушин полулежали облокотившись на станины. Кругом стреляные гильзы и раскрытые ящики со снарядами. Лица артиллеристов покрыты пылью и копотью, сверкали только зубы и белки глаз.

— Идите сюда, здесь удобнее. — Пашков показал мне ячейку в стенке окопа. — Это мы для командира взвода отрыли.

— А где он сейчас?

— К другому орудию уполз.

Воздух гудел от взрывов, от автоматной и пулеметной трескотни. Я выглянул из окопа и обомлел. Танки находились не

дальше чем в трехстах метрах от нас. Они перевалили первую траншею — в нее уже ворвались вражеские солдаты.

— Пашков, огонь!

— По танку, бронебойным, прицел постоянный… — скороговоркой скомандовал командир орудия. — Наводить в середину! Огонь!

— Бронебойным! — крикнул Диколенко, заряжая орудие.

Раздался выстрел. Взметнувшаяся пыль и дым на мгновение закрыли танк.

Еще выстрел — и танк с оборванной гусеницей завертелся на месте. Потом остановился бортом к орудию. Приподнялся люк.

— Огонь!

Волков послал еще снаряд в бок стального чудовища. Из люка и всех щелей струйками пополз дым.

— Молодцы, ребята! — воскликнул я, захваченный азартом боя.

Загорелся еще один танк. Его подожгли или артиллеристы, или бронебойщики из роты противотанковых ружей. Три другие машины ползли по лощине, обходя орудие с фланга.

— Ничего не сделаешь: только башни видны, — огорченно сказал Пашков.

— Разворачивай орудие влево. Как вылезут на бугор, так и стреляй, — предложил я.

— Танки слева! — подал команду Пашков.

Бойцы повернули орудие и перетащили ящики со снарядами.

— Ничего не вижу. Бугор мешает, — доложил Волков, протирая воспаленные глаза.

— Будем ждать!

Высота была окутана дымом. Впереди и на обоих флангах гремел бой. В траншее перед фронтом батареи рвались ручные гранаты, щелкали выстрелы. Минометный дивизион капитана Панфилова вел беглый огонь по цепям немецкой пехоты, спешившей на помощь тем, кто уже ворвался в траншею.

— Ты, Ваня, адрес мой знаешь? — тихо спросил Каушин у Диколенко. Тот кивнул головой. — В случае чего… матери напиши тогда…

— Прекратить разговоры! — приказал Пашков.

По ходам сообщения мимо нас ползли в тыл раненые. Посвистывали пули. За бугром нарастал лязг и рокот приближавшихся танков. Вот показалась башня, ствол пушки. Черная громадина ползла на нас.

Сверкнула вспышка выстрела — на бруствере оглушительно разорвался снаряд. «Жив», — подумал я, стряхивая с себя землю. В ушах звенело, во рту пересохло.

Пашков, распростершись, лежал на дне окопа лицом вниз. К нему бросился Зайцев, попытался поднять его.

— Волков, огонь! — скомандовал я. Танк был уже недалеко от нас.

— Куст мешает! — чуть не плача ответил наводчик, водя стволом пушки над бруствером.

— Эх, братишки, была не была! Полундра! — крикнул Диколенко и выпрыгнул из окопа.

— Назад!

Но он не обратил внимания на мой окрик. Несколькими прыжками достиг куста и начал яростно обламывать ветки.

Пробарабанила очередь танкового пулемета — Диколенко схватился за грудь, зашатался и рухнул около куста.

Танк вылез на бугор, открыв черное днище. Его пушка плеснула огнем, но снаряд пролетел над окопом, не причинив нам вреда.

Поспешно выстрелил Волков. Снаряд чиркнул по броне и рикошетом отлетел в сторону. Зато после второго выстрела из черной машины сразу повалил дым. Танк дернулся и застыл метрах в десяти от тела Диколенко, матроса из Таганрога.

Два других танка свернули в сторону и попали под перекрестный огонь орудий 1-й батареи и противотанковых ружей.

Зайцев с Каушиным осторожно спустили тело Диколенко в окоп. Тельняшка отважного моряка почернела от крови. Он уже не нуждался ни в чьей помощи.

Тяжело раненного Пашкова мы перевязали, а потом отнесли его к Ане Прохоровой.

— Лишь бы до вечера протянул, — скорбно сказал Волков. — Попадет в госпиталь, а уж там выживет…

— Будем надеяться, — согласился я. — Командуйте орудием, товарищ Волков…

Отважно дрался и расчет соседнего орудия, возглавляемый Иваном Митюшниковым. Наводчиком там оставался Алексей Азоркин, замечательный мастер своего дела. Оба сержанта — коммунисты. Азоркин во время боя получил ранение, но не отошел от орудия, а продолжал вести огонь по вражеским танкам и пехоте. В батарее он был комсоргом и много раз своим личным примером показывал, как должны драться коммунисты и комсомольцы.

Митюшников до войны работал бригадиром тракторной бригады. В дивизионе он сначала числился орудийным мастером. На должность командира орудия мы перевели его после настойчивых просьб. «Хочу быть поближе к настоящему делу», —

говорил он.

Атака противника была отбита с большими потерями для него. Дивизион за этот день уничтожил шесть гитлеровских танков. Два подорвали гранатами пехотинцы, и один подбили бронебойщики.

Наступило временное затишье.

Вернувшиеся из батарей Жук, Житник и Лубянов рассказали, как сражались артиллеристы подразделений, в которых они находились во время боя. Житник восхищался меткой стрельбой 2-го огневого взвода 2-й батареи под командованием лейтенанта Миляха. Особенно успешно действовали орудийные расчеты А. И. Алехина и Н. Е. Серого. Алехин вместе с краснофлотцами М. И. Метелкиным и П. Л. Голубевым подбили вражеский танк, а потом выпустили около двухсот снарядов по немецкой пехоте.

Дмитрий Ильич Жук хвалил огневые взводы 1-й батареи, которыми командовали старшие лейтенанты Н. М. Макаров и И. С. Макуров. Восторженно рассказывал он о слаженности орудийного расчета старшины 1-й статьи А. П. Мирсанова, подбившего немецкий танк, а также об отваге артиллеристов старшего сержанта Л. С. Азенова, расстрелявших прямой наводкой до двух взводов вражеской пехоты.

— Первый опыт, раньше танков не видели. Мазали сначала здорово, руки дрожали, и в глазах рябило. Потом лучше пошло. Самое главное — люди вели себя уверенно, назад не оглядывались. И пехота тоже дралась как надо, — заключил Дмитрий Ильич.

Лубянов рассказал, как старший политрук А. Н. Сеннов, командир 3-й роты старший лейтенант А. И. Куц и старшина Павленко с группой бойцов бесстрашно бросились в контратаку, выбили гитлеровских автоматчиков из траншеи и восстановили положение. Изумительную стойкость проявила рота лейтенанта Сергея Васильевича Плаксина. Будучи раненным, лейтенант продолжал руководить боем. В критический момент Плаксин повел бойцов врукопашную.

Враг решил, видимо, во что бы то ни стало овладеть безымянными высотами. В следующие два дня он продолжал атаки. Мы отбивали их, нанося гитлеровцам большие потери. Но и силы бригады таяли с каждым часом. Батальоны потеряли до половины своего состава.

Наибольшего ожесточения вражеские атаки достигли 4 октября. С самого утра в течение двух часов немецкая авиация и батареи засыпали наши позиции бомбами и снарядами, потом пошла на штурм пехота. А оборона наша молчала, будто все кругом вымерло, подавленное и уничтоженное огнем.

Но вот захлопали одиночные выстрелы, затрещали автоматные очереди. Вылезая из полуобвалившихся убежищ, отряхивая землю, моряки брались за оружие, становились к пулеметам, орудиям. И враг снова был отброшен.

В 12 часов 30 минут после огневого налета гитлеровцы повторно атаковали наши позиции. И опять безуспешно.

Стрелять артиллеристам пришлось много, в основном по пехоте. Стволы пушек накалились чуть ли не докрасна. Осколочные снаряды не имели большой взрывной силы, но, точно ложась в самую гущу врага, наносили ему чувствительный урон.

Потеряв надежду одновременно захватить все три высоты, враг направил свои усилия на ту из них, где оборонялся наш 1-й батальон под командованием капитан-лейтенанта Н. А. Склярова. После полудня гитлеровцы предприняли четыре атаки. Им удалось подняться на гребень высоты только тогда, когда в обескровленном батальоне осталось всего лишь сорок человек. Из них половина была раненых. Захват высоты дорого обошелся фашистам. Скаты ее были сплошь усеяны вражескими трупами.

Брошенные на помощь горстке наших смельчаков танки из резерва командующего армией потерпели неудачу. Три танка были подбиты на подходе к высоте. Немцы, заимствуя наш опыт, начали вести огонь из орудий прямой наводкой. Четыре уцелевших танка повернули обратно.

Командующий армией усилил бригаду двумя малочисленными батальонами из 77-го и 153-го полков 80-й дивизии. Но предпринятая ими попытка сбить немцев с высоты успеха не имела.

В этот день было подбито пять немецких танков, из них два записали на свой счет наши артиллеристы.

Потери наши были значительны. В расчете, которым раньше командовал Пашков, уцелел лишь старший сержант Волков; в других расчетах осталось по два-три человека.

Наступила темнота, и перестрелка постепенно затихла. Однако личный состав дивизиона и ночью не получил отдыха. Надо было похоронить павших товарищей, доставить через болото на позиции больше сотни тяжелых ящиков со снарядами, эвакуировать всех раненых на восточный берег.

Начальник артиллерийского снабжения и орудийные мастера ремонтировали пушки, доливали масло в противооткатные приспособления, выверяли прицелы. Хозяйственное отделение доставляло в батареи горячую пищу. В общем, дел хватало всем.

5 и 6 октября немцы продолжали атаковать Им удалось частично улучшить свои позиции, но большего достигнуть они не

смогли.

1-й батальон, отражая атаки противника, пытался отвоевать свою высоту. Одна рота этого батальона зацепилась за восточные скаты и удерживала их несколько часов, но была выбита минометным огнем. В этом бою командир огневого взвода 1-й батареи старший лейтенант Н. М. Макаров вытащил из-под обстрела тяжело раненного краснофлотца Тураева.

— Удивительный человек Николай Максимович! — восхищенно сказал мне командир 1-й батареи И. С. Макуров. — Ходит во весь рост, пулям не кланяется. Рядом с ним людей убивают, а у него ни одной царапины. Как заговоренный!

— Человек он храбрый, это я знаю. Ты тоже хорош… Будьте оба поосторожней! Нечего без нужды голову подставлять.

На моем наблюдательном пункте то и дело раздавались телефонные звонки. Звонили начальник артиллерии бригады полковник Данин, командир бригады полковник Бураковский, начальник штаба бригады подполковник В. М. Яиров. Звонило и армейское начальство. Мы выслушивали похвалы за отбитые атаки и грозные предупреждения на тот случай, если не отобьем следующей атаки противника…

Особенно беспокойной была ночь на 7 октября. Наутро ожидалась новая атака пехоты и танков. Об этом известил меня начальник артиллерии 8-й армии генерал-майор Семен Федорович Безрук.

— Ворог сосредотачуе свижи сылы, наверно, буде атакуваты, — басил он в трубку хриплым голосом. — Держалысь добре, молодци! Ще трошки потерпити треба. Бытись до останнього.

— Мне пополнение нужно. Который день прошу, а ничего не дают, — ответил я, вслушиваясь в певучую украинскую речь.

— Людей в брыгаду послалы. Хиба ще не получив?

— Нет.

— Организуй зустрич на гати, а то пехота перехватыть.

— Дали бы хоть одну батарею из своего противотанкового…

— А я з чым зостанусь? Ось, якый умнык найшовся! «Огиркыто» есть?

— Есть.

— Ну лады. Держись…

Батальонный комиссар Жук с улыбкой слушал наш разговор.

— Все-таки получим пополнение?

— Сейчас пошлю Яроша встречать.

— Все равно будет трудно. Половины людей нет. Каждому за двоих придется… Я сейчас с коммунистами и комсомольцами поговорю. Десять человек заявления в партию подали.

Партсобрания проведем побатарейно. А как пополнение придет, с ним потолкуем.

— Ну а я пока займусь пушками и боеприпасами, потом с командирами батарей новичков распределим. За ночь их надо научить стрелять.

— Ты только поменьше ходи, а то совсем в крючок превратился. Вот посмотрю-посмотрю да в медсанроту тебя отправлю.

Действительно, я был похож на крючок. Это комиссар метко подметил. Ходы сообщения и окопы были мелкими, а рост у меня около двух метров. Пробираться по ним можно было или гусиным шагом, или согнувшись в три погибели, иначе сразу попадешь под пулю или угодишь под осколки снарядов и мин. Моя поясница так к этому привыкла, что не хотела разгибаться. Стоило начать распрямляться, как появлялись сильные боли.

К 21 часу Ярош привел пятьдесят человек пополнения. Старший лейтенант С. Н. Ярош был назначен старшим адъютантом дивизиона вместо выбывшего по ранению Лубянова.

— Какая у вас специальность? Кем служили в армии? — начал я задавать вопросы прибывшим поочередно, освещая узким лучом фонаря незнакомые мне лица.

— Счетоводом в колхозе работал. В армии не служил, — бойко ответил паренек лет восемнадцати.

— Стрелять из винтовки умеешь?

— Не, только из малокалиберки стрелял, — смущенно ответил он.

— Комсомолец?

— Да.

— Хорошо. Ну а вы в армии служили? — обратился я к его соседу, хмурому небритому человеку лет тридцати пяти.

— Служил когда-то в эскадроне.

— А специальность какая? Образование?

— Шорник. А последние семь лет нигде не работал.

— Что же вы делали?

— На государственных харчах был, на всем готовом, — вяло произнес бывший шорник. Фамилия его была Кусков.

— За какие дела туда попали?

— Брал то, что плохо лежало, — в его голосе я не услышал раскаяния, одно равнодушие…

— И зачем таких ворюг выпускают? Неужели без них не управимся? — возмутился кто-то в темноте.

— Ну а вы пушку видели? — спросил я коренастого, атлетически сложенного красноармейца.

— Так точно. Был разведчиком в артиллерии, когда на

действительной служил, — ответил тот.

— Давно?

— В тридцать четвертом, в сороковом полку, на Дальнем Востоке.

— Кто полком командовал?

— Дегтярев.

— Э, да мы однополчане, оказывается. — Я присмотрелся к нему и узнал Бориса Бондаренко. — Я же твой бывший взводный. Помнишь, как корейскую девочку в наводнение спасал? А я тебе помогал.

— Не может быть! Товарищ командир!.. Вот это здорово! — воскликнул Бондаренко.

— А как с семьей тогда наладилось?

— Все в порядке. Две дочурки растут. Одна должна уже в первый класс идти…

— Ну мы еще с тобой поговорим обо всем…

— Хорошо, товарищ командир.

— В армии служили? — обратился я к следующему.

— Нет, не довелось. На шахте после школы работал, — ответил загорелый плечистый парень, на вид лет двадцати пяти.

— Комсомолец?

— Кандидат в члены партии.

— Отлично.

Знакомиться с людьми более подробно не было времени. Только бы успеть как можно лучше распределить пополнение по батареям, заполнить места погибших и раненых. Командиры батарей сами прибыли на командный пункт, стремясь получить побольше людей в свои подразделения.

— Вот что, товарищи! На разговоры у нас времени нет, — сказал я, когда обошел всю шеренгу. — Прибыли вы прямо к делу. Через несколько часов будем драться с врагом. Пороху многие из вас еще не нюхали — первое время будет трудно и страшновато. Но это пройдет. Наш дивизион дрался хорошо, надеюсь, что и вы не уроните его чести. Храбрым и смелым у нас почет. Сейчас — по местам. Командиры расскажут, что надо делать. К утру вы все должны знать свои обязанности у орудий.

Из пятидесяти человек пять коммунистов, восемь комсомольцев, десять учащихся, двадцать колхозников, пятнадцать рабочих… В армии служили двенадцать человек, из них только трое в артиллерии. Как будут воевать эти люди — вот что беспокоило нас с комиссаром.

Всю ночь шла подготовка к бою. Командиры батарей, взводов, орудий и оставшиеся в живых наводчики обучали новичков, как заряжать пушку, как отличать осколочный снаряд от

бронебойного, как наводить орудие и производить выстрел. Улучшали инженерное оборудование, маскировку огневых позиций, подносили снаряды.

Старший орудийный мастер И. А. Кожевников со своими помощниками отремонтировали в эту ночь прямо на позициях две пушки. Перетащили через гать еще два орудия, полученные со склада, и подготовили их к стрельбе.

На рассвете, едва заалел восток, противник начал артиллерийскую и авиационную подготовку. Опять задрожали безымянные высоты, опять взбудоражили болото снаряды и бомбы. Мощная завеса огня нашей зенитной артиллерии и смелые броски небольших групп советских истребителей не позволили фашистским летчикам наносить прицельные удары. Гитлеровцы сбрасывали бомбы куда придется, несколько бомб угодило по Тортолово.

— Ляпнули по своим, — довольным тоном сказал Неловкин, следивший за бомбежкой.

В 7 часов 30 минут, как только огонь немецкой артиллерии был перенесен в глубину, цепи вражеской пехоты бросились на штурм обеих высот. За последние три дня фашисты отрыли окопы в трехстах — четырехстах метрах от нашей первой траншеи. Быстро преодолев это расстояние, они ворвались на передний край нашей обороны. Наши артиллеристы и минометчики открыли заградительный огонь, но было уже поздно. В траншеях завязалась ожесточенная схватка. Борьба шла за каждый метр земли.

Танки противника на этот раз задержались и только начинали выходить из леса, темневшего в километре от высот.

И тут случилось непредвиденное. Необстрелянные новички, пролежавшие целый час под огнем артиллерии и бомбежкой авиации, впервые увидевшие атакующую пехоту, а главное, танки противника, не выдержали. Сначала один, а за ним и другие побежали в тыл. В ходах сообщения замелькали головы беглецов. Все одиночки добирались по вееру ходов до главного хода сообщения, ведущего к гати.

Мы с комиссаром и разведчиками бросились наперерез.

— Стой!

Тяжело дышавшие люди сбились плотной кучей. Я видел возбужденные лица, блуждающие глаза. Тут были и пехотинцы, и наши артиллеристы из пополнения. Среди них я узнал Кускова, бывшего заключенного.

— Назад! — скомандовал я.

— Родину предать хотите! Ваши товарищи дерутся, а вы… — гневно кричал Дмитрий Ильич.

— Дай дорогу, начальник! — Кусков решительно пошел на меня. — Стрелять хочешь? Валяй! Мне все равно от чьей пули загнуться!

Пристрелить? Нет. Не стоит. Я посторонился.

— Беги, трус! Шкуры своей все равно не спасешь! Ну, кто еще стыд и совесть потерял? Кто предателем хочет быть?

Толпа молчала. Люди отворачивались, пряча глаза.

— А я надеялся на них, помощи от них ждал. Черт с ними! — махнул я рукой. — Пошли, комиссар, нечего тут зря время терять.

Дмитрий Ильич, быстро поняв меня, ответил громко:

— Правильно. Там дерутся, а мы мораль трусам читаем! Идем!

Я сделал шаг, еще и еще. Шел не оборачиваясь и думал: верно ли поступил? Поймут ли они свою вину или побегут за Кусковым? И вдруг сзади раздался громкий голос:

— Товарищ командир, простите нас?

Я оглянулся. Красноармейцы гурьбой шли за нами.

Да, эти, наверное, не побегут больше ни от танков, ни от пехоты!

— По местам! — приказал я.

Подоспевшие к этому времени старшины батарей Павел Парамонов и Павел Бычков быстро развели людей по местам.

— А не зря мы Кускова отпустили? Шлепнуть бы его на месте, и делу конец. Без морали обошлось бы, — засомневался Дмитрий Ильич.

— Вообще-то рискованный шаг, но себя он оправдал. А Кусков от возмездия все равно не уйдет, — ответил я.

— Его на гати уже кто-то прихлопнул, — сказал идущий сзади Неловкин. — Может, наши, а может быть, под немецкую пулю попал…

Когда мы вернулись на пункт, гитлеровские танки уже подползли к первой траншее, в которой еще продолжалась горячая схватка.

Все три наши батареи открыли огонь бронебойными снарядами. Расстояние было невелико. В первые же минуты шесть танков были подбиты, остальные, бросив свою пехоту, огрызаясь огнем, поспешно начали отходить за высоту.

Ворвавшийся в траншеи фашистский батальон почти весь был уничтожен в рукопашном бою. Уцелевшие гитлеровцы залегли. Их добили минометным и ружейно-пулеметным огнем.

В течение дня фашисты предприняли еще шесть попыток захватить высоты. Каждый раз немцы вводили в бой несколько рот с танками.

Будь у нашей артиллерии, стоявшей на закрытых позициях,

достаточно боеприпасов, она смогла бы преградить дорогу атакующей пехоте. Но снарядов осталось мало, и гитлеровцы довольно легко прорывались через редкий заградительный огонь. Поэтому отражение атак легло в основном на плечи пехоты, а также на 82-миллиметровые минометы и 45-миллиметровые пушки.

Во время четвертой по счету атаки вражеской пехоте, на этот раз наступавшей за танками, удалось ворваться в траншеи 2-го и 3-го стрелковых батальонов. На отдельных участках гитлеровцы по ходам сообщения подошли к огневым позициям противотанкового дивизиона. Положение опять стало угрожающим.

Уцелевшие бойцы 1-й стрелковой роты 3-го батальона во главе с политруком Федором Павловичем Хариным — командир роты был убит — бросились в контратаку, прижали немцев в траншейных тупиках и уничтожили их. Сам Харин погиб в этом бою.

Тяжелая обстановка сложилась во 2-й роте того же батальона, в которой осталось всего шесть человек во главе с раненым лейтенантом Б. И. Романовым. Снайпер старший сержант П. Г. Храмцов, на счету которого было тридцать пять убитых фашистов, успел вынести командира, хотя сам имел два ранения.

В образовавшуюся брешь ворвалась рота гитлеровцев, но здесь она была встречена 1-й и 3-й батареями, которые, ведя огонь осколочными снарядами вдоль траншей, расстреливали наступавших немцев. Попытка врага прорваться в глубину обороны и сбросить нас в болото потерпела неудачу.

2-й батарее, тоже оказавшейся во время этой атаки на острие вражеского удара, пришлось действовать с полным напряжением. Подбив три танка, батарея открыла огонь по пехоте, ворвавшейся в траншеи двух стрелковых рот. Командир батареи Понятовский и комиссар Бизюков взялись за автоматы. Вместе с группой бойцов они отгоняли гитлеровцев, которые подползали слишком близко.

Командир орудия А. С. Коровин, наводчик Н. Д. Артеменко и заряжающий М. И. Метелкин подбили немецкий танк, вырвавшийся вперед. Потом перенесли огонь на пехоту, просочившуюся к третьей траншее. Вскоре Коровин был ранен. Ранило в голову и Артеменко. Несмотря на это, артиллеристы продолжали стрельбу до тех пор, пока не кончились снаряды — двести штук, полный боекомплект. Когда орудие смолкло, Артеменко и Метелкин собрали группу красноармейцев и, ведя огонь из винтовок и автоматов вдоль траншей и ходов сообщений, не подпустили гитлеровцев к огневой позиции.

На наш наблюдательный пункт тоже прорвалось до взвода

вражеских автоматчиков. Пришлось мне, комиссару, разведчикам Юрченко и Неловкину отбивать их атаку. Трудно было двумя автоматами, парой пистолетов и четырьмя гранатами сдержать натиск двадцати гитлеровцев. Вероятно, нам пришлось бы сложить там свою голову, но подоспела подмога. Группа наших людей ударила во фланг фашистам. Возглавлял эту группу мой заместитель С. Житник. Вместе с ним были старший адъютант С. Ярош, старший писарь А. Дубынин, шоферы Ф. Гомза, А. Кондратьев и Н. Туркин, начальник артснабжения Н. Горбацкий и комиссар 1-й батареи С. Пушкарев, раненный в голову и шедший к Прохоровой на перевязку.

Зажатые с двух сторон, фашисты укрылись в воронках, которые и стали для них могилами.

— Чем тебя ранило? — спросил я Пушкарева, после того как опасность миновала.

— Да так, ерунда, видно, осколком задело, — ответил комиссар батареи. Он рассказал, что вместе с Н. М. Макаровым находился под подбитым танком, где укрывался орудийный расчет. Само орудие — в полусотне метров от танка. Номера посменно ползали к нему и вели стрельбу. Во время бомбежки одна бомба упала около танка. Были убиты наводчик младший сержант В. Д. Губанев и краснофлотец И. Д. Фирстов.

Пушкарев после перевязки не хотел уходить с батареи, так как считал свое ранение пустяковым. Однако к вечеру он почувствовал себя плохо и был отправлен в медсанроту. Потом на самолете его доставили в московский госпиталь, где нейрохирурги сделали Пушкареву сложную операцию.

Положение на участке бригады значительно осложнилось. Противник захватил наши первые траншеи. Все, что уцелело от бригады, сбилось в третьей траншее, прижатой к болоту. Еще одна-две вражеские атаки — и гитлеровцы смогли бы, вероятно, полностью овладеть высотами. Но атак не последовало: обескровленный враг не в силах был продолжать наступление. Только минометчики беспрерывно обстреливали нашу последнюю траншею. Бойцы и командиры укрывались от губительного огня в землянках, подбрустверных нишах и глубоких щелях.

Пользуясь передышкой, наше командование организовало к вечеру контратаку. Моряки совершили еще один подвиг. Усталые, израненные, они ринулись вперед и выбили фашистов из обеих траншей. Положение было восстановлено. В этой контратаке участвовали остатки бригады совместно с пехотой 77-го и 158-го полков 80-й дивизии — по батальону от каждого полка. С наступлением сумерек бой затих.

День 7 октября был самым кровопролитным для обеих

сторон. Только в наших траншеях и ходах сообщения, отбитых у врага, оказалось около пятисот убитых и тяжелораненых гитлеровцев. По траншеям и ходам сообщения нельзя было и двух шагов пройти, чтобы не наткнуться на труп.

Сколько было убито и ранено на подступах к переднему краю обороны — учесть трудно. Во всяком случае, противник понес в этот день значительные потери.

Всю ночь немцы бродили перед нашим передним краем, подбирая убитых и раненых. Наша пехота не стреляла, хотя такой команды никто не давал. Просто людям не хотелось, чтобы трупы оставались неубранными и разлагались.

Враг потерял десять танков. Сколько из них пришлось на долю дивизиона — трудно было разобраться. Ведь по танкам били и из пушек, и из противотанковых ружей, и пехота подрывала их связками гранат.

Потери в нашей бригаде тоже были велики. Печальную картину являли собой огневые позиции батарей, когда мы с комиссаром обходили их. Два орудия были так исковерканы, что их уже нельзя было исправить. Три орудия требовали заводского ремонта. Остальные пушки тоже нуждались в разном ремонте. Работы начальнику артиллерийского снабжения и орудийным мастерам сразу прибавилось.

Орудийные расчеты поредели наполовину. Все меньше и меньше оставалось в дивизионе моряков.

Наши новички показали себя молодцами. После первого боя они приободрились, осмелели. Командиры батарей и взводов даже похвалили некоторых из них за смелые действия.

— Только уж вы, товарищ майор, не вспоминайте наше утреннее бегство, — смущенно обратился ко мне один из них.

— Не вспомню. Верю теперь, что вы будете воевать как настоящие солдаты…

Ночью бригада готовилась к новому бою. На гати через болото шло оживленное движение. С высот выносили раненых, тащили пушки, требовавшие капитального ремонта, снарядные гильзы. Навстречу несли ящики со снарядами, термосы с горячей пищей. Шли группы бойцов нового пополнения. Живую ленту конвейера напоминала эта 2-километровая «дорога жизни».

Командование армии придавало большое значение удержанию высот. На оборонительный участок нашей обескровленной бригады были выдвинуты ночью подразделения из 1102-го и 1098-го полков 327-й дивизии и 77-го полка 80-й дивизии.

Утром следующего дня противник нанес мощный бомбовый удар и после огневого налета артиллерии начал штурм. Но все

его атаки снова были отбиты. Оставив на поле боя около двухсот трупов и несколько танков, враг откатился.

К вечеру он возобновил атаки со стороны Тортолово, во фланг 3-му батальону. Фашистам удалось захватить южную часть безымянной высоты. Группа бойцов 3-го батальона оказалась отрезанной от основных сил. Командир батальона майор Г. И. Аниськов и комиссар майор К. С. Работягов принимали все меры, чтобы выручить окруженных. Контратаки не давали результатов: слишком мало людей оставалось в батальоне. 3-я батарея на этот раз не смогла оказать существенной поддержки, так как два орудия были повреждены, а у третьего были выведены из строя все бойцы расчета. Стрельбу вело лишь одно орудие, и то с неудобной позиции. Подтянуть сюда пушки других батарей было невозможно. Артиллерия с закрытых позиций тоже ничем не могла помочь из-за опасности поразить своих.

С наступлением ночи бой затих. Командир взвода разведки Чекавинский вызвался пробраться со своими бойцами к блокированной группе. Под прикрытием тумана и темноты разведчикам удалось проникнуть через боевые порядки врага к окруженным, а затем с боем вывести их в расположение батальона. Чекавинского ранило в руку, но он остался в строю.

Наступивший день показался нам необычайно тихим. Противник не проявлял больше активности. Царило затишье — оборона приняла обычный характер. Охотились снайперы, изредка вспыхивала короткая перестрелка.

В ночь на 10 октября бригада сдала свою полосу обороны 327-й дивизии и, покинув безымянные высоты, ушла в резерв. А в конце месяца уже занимала оборону по южному берегу Ладожского озера на участке Новая Ладога, Дубно, Кивгода, имея приказ не допустить высадки десантов противника.

Полтора месяца бригада пробыла здесь, растянувшись на 40-километровом фронте вдоль побережья озера. Боев на этом участке не было. Мы фактически отдыхали и готовились к будущей встрече с врагом.

Ворота в Ленинград

Конец осени и начало зимы принесли много радостных известий. Сводки сообщали о крупных победах наших войск. В низовьях Волги три фронта перешли в контрнаступление и завершили 23 ноября окружение крупной группировки фашистских войск, в которой насчитывалось более трехсот тысяч человек и огромное количество военной техники.

Бураковский ездил в штаб армии, вернулся веселый. Говорит, что и у нас наступлением пахнет…

— Скорей бы начинали! — вырвалось у Дмитрия Ильича.

Да, по всем данным, наступление действительно было не за горами. 14 декабря наша бригада, совершив 100-километровый марш, сосредоточилась в районе южнее Путилово, в двенадцати — пятнадцати километрах от линии фронта. Мы снова вошли в состав 8-й армии.

Мне пришлось проститься со своим дивизионом. Жалко было расставаться с друзьями, но что поделаешь… Полковник Алексей Яковлевич Данин был переведен в 327-ю дивизию, а меня назначили вместо него заместителем по артиллерии к неразговорчивому, строгому командиру бригады полковнику Ивану Николаевичу Бураковскому.

Дивизион я передал в надежные руки — капитану Семену Акимовичу Житнику. Заместителем по политической части остался майор Дмитрий Ильич Жук (после упразднения института комиссаров ему присвоили это звание). Заместителем по строевой части стал старший лейтенант А. В. Лубянов, вернувшийся в дивизион после излечения.

Мы усиленно готовились к предстоящим боевым действиям.

Командование бригады было ознакомлено с содержанием Директивы Верховного Главнокомандования, в которой Волховскому и Ленинградскому фронтам ставилась задача совместными усилиями прорвать немецкую оборону южнее Ладожского озера, разгромить группировку противника и разорвать кольцо блокады.

Главный удар будет наносить 2-я ударная армия. Наша 8-я армия получила задачу обеспечить левый фланг, имея в первом эшелоне только одну дивизию и нашу бригаду.

Бригада должна прорвать вражескую оборону на участке Тортолово, Мишкино — на фронте в два километра. Эти населенные пункты сохранились лишь на картах, от них не осталось даже развалин: фашисты растащили дома для строительства землянок и на топливо, а на их месте оборудовали

огневые точки. Справа до Гайтолово должна была наступать 80-я дивизия. Слева оборонялась 286-я дивизия.

— Опять под Тортолово попали. Ничего себе, удружили нам! Нет чтобы на главное направление поставить, — недовольно сказал Бураковский.

— Мы там воевали, места эти знаем, вот нам их и дали, — предположил начштаба бригады.

— На самый фланг угодили… — Бураковский провел карандашом по карте. — Тут похуже, чем на высотах… Вот что, Морозов, иди к Безруку и проси побольше артиллерии, а я у командарма просить буду. Иначе нас фашисты прижмут к земле огнем. Ведь вот отсюда все наши боевые порядки им будут видны как на ладони. Ты это имей в виду, запланируй, туда побольше огня.

— Было бы чем стрелять, за мной дело не станет.

Несмотря на то что бригада попала на самый фланг вспомогательного направления, нам очень хотелось взломать оборону противника и не отстать от дивизий, наносивших главный удар.

Но для этого нужны были силы и средства, а их недоставало. Бригаде придавались 146-й минометный полк, 905-й и 512-й отдельные гвардейские дивизионы реактивных установок, 502-й отдельный танковый и 77-й инженерный батальоны. В период артиллерийской подготовки и атаки пехоты, то есть в первые часы боя, бригаду поддерживали 798-й артполк и полковая артиллерия 265-й дивизии, находившейся до этого здесь в обороне. Во всех частях усиления вместе с бригадной артиллерией насчитывалось около ста орудий и минометов.

Долго я уговаривал начальника артиллерии армии С. Ф. Безрука добавить нам орудий. Генерал со всеми моими доводами соглашался, но помочь не мог: дополнительных средств у него не было.

Безрук посоветовал выделить для подавления противника на высотах за флангом бригады только два дивизиона, мотивируя свой совет тем, что эти высоты расположены вне полосы наступления.

От него я узнал, что на фронте прорыва 2-й ударной армии шириной двенадцать километров сосредоточено более двух тысяч орудий и минометов, а на участке 327-й дивизии создана плотность артиллерии до трехсот орудий на один километр. Я позавидовал полковнику Данину, начальнику артиллерии этой дивизии.

— Это еще что! Второй ударной дали артиллерийскую дивизию из двенадцати полков, — сказал генерал, пересыпая

свою речь украинскими словами. — С конца прошлого года их стали формировать. Потом, может быть, и корпуса артиллерийские будут. Вот, брат, силища-то где!

Да, скачок невиданный! Нас радовали такие огромные перемены. Вспомнилась оборона на реке Сож в июле 1941 года, когда мы считали орудия единицами.

— Чему улыбаешься? — спросил генерал.

— Радуюсь за соседей. А за себя — нет. Оборона-то у немцев сильно укрепленная, траншейная. Здесь они глубоко зарылись. А в бригаде пятьдесят орудий на километр. Туго придется нам…

Генерал посмотрел на меня и, улыбнувшись, добавил:

— Ну ладно, уговорил. Иди к начальнику штаба Солодовникову, пусть он выделит вам дивизион из двести восемьдесят шестой дивизии. Потом дадим бронепоезд, должен на днях прибыть.

Так я и ушел от него, выпросив только один дивизион 554-го артполка 286-й дивизии, соседа слева. Но зато радовало, что действовавшая к северу от нас ударная группировка будет поддержана огнем большой массы артиллерии.

Готовясь к наступлению, мы ежедневно проводили учения с боевой стрельбой. Подобрали местность, похожую на район Тортолово и Мишкино, и тут «штурмовали укрепления противника».

Всю последнюю неделю перед наступлением я и начальник штаба артиллерии бригады майор Л. М. Капустин уточняли огневое планирование артиллерийского наступления, ставили боевые задачи командирам групп и частей.

В нашей полосе было обнаружено столько целей, что не хватало батарей для их подавления. Данные о противнике, полученные от 265-й дивизии и от штаба артиллерии армии, не отличались достоверностью и точностью. Нам прислали карту-бланковку крупного масштаба. На ней была нанесена вражеская оборона поданным аэрофотосъемки. Тут оказалось все, что могло попасть в объектив фотокамеры самолета: траншеи, отдельные окопы, ходы сообщения, огневые позиции артиллерии и т. д. Эти карты тогда только начинали находить широкое применение и явились большим подспорьем для планирования огня. Но они имели еще много недостатков: дешифрирование не везде оказалось удачным, по результатам его трудно было судить, какие траншеи, окопы заняты противником, а какие нет, какие из сооружений ложные. Точность нанесения целей тоже оставляла желать много лучшего.

Меня беспокоило, что на карте отмечено очень много целей, не наблюдаемых с наземных пунктов. Для поражения таких

объектов потребуется много снарядов. Не давали нам покоя и господствовавшие высоты, расположенные к юго-востоку от Мишкино и углом вдававшиеся в наш район. С этих высот противник фланговым огнем мог простреливать боевые порядки бригады.

Сложные вопросы возникали один за другим. Как, например, пойдет пехота за огневым валом? Она ведь ни разу не делала этого. Я просил командиров батальонов капитан-лейтенанта Н. А. Склярова, майоров В. Н. Бирюкова и И. В. Яркина разъяснить бойцам, чтобы они прижимались к валу как можно ближе, не отставали от огневой завесы. Беседовал на эту тему с командирами стрелковых рот и взводов.

Наконец приготовления были закончены. Вся артиллерия на огневых позициях. Люди знают свои задачи. На щитах орудий записаны установки для стрельбы по каждой намеченной цели, распределены снаряды.

К 6 часам 11 января части бригады заняли исходное положение для наступления. На правом фланге, перед Тортолово, — 3-й батальон; на левом, перед Мишкино, — 1-й батальон; между ними, возле железной дороги, — 2-й батальон.

Во втором эшелоне за 1-м батальоном стоял 4-й батальон. Резерв — батальон автоматчиков находился за правым флангом. 502-й танковый батальон был готов действовать со 2-м и 3-м батальонами.

Артиллерийские группы поддержки пехоты заняли огневые позиции. В каждой группе по одному-два дивизиона. Кроме того, в состав групп включались 82- и 120-миллиметровые минометы и 76-миллиметровые пушки из полков 265-й дивизии. Всего в каждой группе насчитывалось тридцать-пятьдесят орудий и минометов.

Были у нас и новшества. Мы, например, создали контрминометную группу, в которую вошел минометный дивизион под командованием капитана А. Г. Панфилова.

Истребительно-противотанковый дивизион мы придали побатарейно стрелковым батальонам первого эшелона бригады. 512-й и 905-й дивизионы реактивных установок располагались на выжидательных позициях, готовые выехать на основные позиции и произвести залпы. Они действовали по армейскому плану. За станцией Назия стоял приданный нам бронепоезд.

Мы волновались. В который раз проверяли, все ли готово. Разведка непрерывно следила за противником. Стрелковые подразделения уточняли на местности свои задачи, увязывали вопросы взаимодействия с артиллерией, танками.

Настало утро 12 января. Сверены часы, отданы последние

приказания. Ждали сигнала «Ветер», по которому артиллерия откроет огонь.

Осталось пять, потом три минуты. По телефонным проводам понеслись команды «Приготовиться к „Ветру!“», «Натянуть шнуры!». Тысячи людей замерли у орудий, минометов, в окопах, на наблюдательных пунктах.

— «Ветер»!

Дрогнула земля. Ударили тысячи орудий. Снопом огневых стрел взмыли в небо реактивные снаряды. Гул их разрывов в расположении врага басовитым рокотом перекрыл все остальные звуки.

На фронте протяженностью шестнадцать километров бушевал огонь. А в пятнадцати километрах перед нами крушили оборону врага тысяча семьсот орудий 67-й армии Ленинградского фронта, продвигавшейся нам навстречу.

Полковник Бураковский, группа офицеров штаба и я находились на наблюдательном пункте, врытом в железнодорожную насыпь. В окопе десяток телефонов и радиостанции, связывающие нас с частями. На планшетах и кусках фанеры наколоты кодированная карта, план артиллерийского наступления, схемы целей, огня, связи, огневого вала, таблицы сигналов взаимодействия и позывных — все то, что нужно для быстрого и точного управления огнем.

На наблюдательный пункт непрерывным потоком поступали доклады командиров артиллерийских групп. В обратном направлении по радио и телефонам неслись распоряжения.

Все было тщательно продумано и расписано. Нам оставалось лишь одно: следить, как выполняется поставленная задача. Наблюдать за противником и своими войсками невозможно: все потонуло в дыму.

Огневой налет закончился. Прозвучал сигнал «Снег», обозначавший начало периода подавления и разрушения отдельных целей. Огонь основной массы орудий и минометов перенесся в ближайшую глубину обороны противника. Другая часть артиллерии уничтожала отдельные цели на переднем крае. По амбразурам дзотов, по столбам проволочных заграждений и по надолбам били орудия прямой наводкой. По участкам траншей, по наблюдательным пунктам и блиндажам вели огонь 120-миллиметровые минометы и гаубицы. По мощным дзотам и убежищам стреляли тяжелые батареи.

Различить в общем гуле стрельбы резкие хлопки противотанковых пушек было невозможно. Но я знал, что батареи старших лейтенантов Соколова, Понятовского и Макурова стараются вовсю. Каждое орудие должно выпустить по

гитлеровцам двести снарядов.

Новый сигнал — и опять огневой налет всей артиллерии по первой позиции противника.

Уже целый час длилась артиллерийская подготовка. На огневых позициях — напряженная работа. Орудийные расчеты, несмотря на январский мороз, трудятся без полушубков. Жарко людям. Раскалились стволы пушек и гаубиц.

В воздухе послышалось гудение моторов. Наши самолеты несколькими волнами надвигались на вражеские позиции. Они шли бомбить артиллерийские батареи, штабы и резервы противника. Как их много на этот раз! А ведь год назад в 14-й воздушной армии Волховского фронта насчитывалось всего полсотни исправных машин, да и то старых образцов!..

До конца артиллерийской подготовки осталось пятнадцать минут. Темп огня резко усилился. Последний огневой налет перед атакой самый мощный. Орудия били с предельной скорострельностью. Опять взвились к небу огненные стрелы реактивных снарядов. «Катюши» произвели залп за пять минут до атаки.

Бураковский кричит в телефоны, предупреждает командиров батальонов: быть готовыми к броску вперед. Я приказываю командирам артиллерийских групп перенести огонь на первый рубеж огневого вала. Артиллерия, не делая паузы, обрушивает удар по первой траншее противника. Ждем сигнала о перенесении огня на следующий рубеж. Это будет означать, что пехота пошла на штурм.

Но вот уже десять минут держим огневой вал на первой траншее, а атаки все нет и нет. Что там пехотинцы медлят?

Наконец взвились к небу зеленые ракеты.

— По рубежу «пантера», огонь! — радостно скомандовал я в телефоны.

Огневая завеса тремя скачками, по сто метров каждый, передвинулась на новый рубеж огневого вала.

Но снова неприятность. Батальоны сигнал дали, а в первую траншею не ворвались, залегли перед ней.

Бураковский по телефону ругает комбатов, торопит их. Оказывается, пехота поджидала запоздавшие танки. Кроме того, бойцы, ни разу не ходившие в атаку за огневым валом, боялись огня своей артиллерии, который грохотал в трехстах — четырехстах метрах от них.

— Морозов! Придется перенести огонь вперед, иначе пехота не поднимется! — говорит Бураковский.

Пришлось перенести огонь на следующий промежуточный рубеж. Как раз к этому времени подошли танки, пехота бросилась

в атаку следом за ними. Первая траншея была взята на участке 2-го и 3-го батальонов.

В худшее положение попал 1-й батальон, наступавший без танков на левом фланге бригады, на Мишкино. Расстояние здесь между передним краем противника и исходным положением батальона достигало пятисот — шестисот метров. Нужно было преодолеть это пространство по ровной местности.

Батальон смело ринулся в наступление, но, как только с Мишкино был снят огонь артиллерии, враг начал бить с фланга из пулеметов и орудий. Пехота залегла.

Произошло то, чего мы опасались. Ожили опорные пункты противника на высотах юго-восточнее Мишкино.

Откуда-то с юго-запада открыли огонь несколько вражеских батарей.

1-й батальон попытался подняться в атаку. Некоторые бойцы добежали до проволочных заграждений. Но гитлеровцы ударили навстречу из автоматов и пулеметов. Заработали минометы противника.

— Эх, пропал батальон! — с болью в голосе воскликнул Бураковский. — Дай по Мишкино огня побольше!

— Нельзя, товарищ полковник. Пехота залегла перед самыми проволочными заграждениями, своих перебьем.

— Тогда прибавь огня на фланге, по высотам!

— Туда бьют пять батарей и бронепоезд. Сами видите, все высоты в разрывах. Резерва у меня нет. Не снимать же артиллерию с огневого вала!

— Нет, этого делать нельзя. Вот положение!

Трудно было следить за боем 1-го батальона. Роты, несмотря на усилившийся огонь, пытались преодолеть последние сто метров, отделявшие их от противника. Люди падали, сраженные пулями и осколками.

Одна рота все-таки ворвалась в траншею. Но поддержать смелую атаку не удалось. Вражеская минометная батарея преградила дорогу другой роте, бросившейся на выручку товарищам. А в траншее шла неравная схватка, рота отражала контратаку за контратакой и погибла почти вся.

Фланговым огнем со стороны Мишкино и с господствующих высот юго-восточнее этого пункта противник простреливал наши боевые порядки. Вражеская артиллерия прижимала к земле атакующую пехоту. После неудачных попыток овладеть Мишкино командир бригады отказался от захвата этого опорного пункта. Все усилия решено было перенести на Тортолово.

— Пошли в батальоны, разберемся, в чем там дело, — сказал мне Бураковский.

Километр пути мы преодолели с трудом: в некоторых местах укрывались от вражеских снайперов, иногда шли кустарником, иногда делали перебежки или переползали опасные участки. Когда добрались до хода сообщения, стало легче.

Командир 3-го батальона майор Яркин доложил обстановку. Его роты захватили только часть первой траншеи противника. Я ожидал, что Бураковский гневно обрушится на майора. Но полковник только сказал хмуро:

— На учениях отличные оценки получали, а в бою не вышло… Готовьтесь к штурму Тортолово. Завтра оно должно быть в наших руках. — И, обратившись ко мне, добавил: — Давай-ка еще раз посмотрим на Тортолово. Надо подумать, как его штурмовать.

Мы высунулись из укрытия и стали разглядывать местность. Метрах в четырехстах от нас грохотали разрывы. Это вражеские минометчики обстреливали свою бывшую траншею. Отдельные мины залетали и к нам.

Слева, со стороны железнодорожной насыпи, по нашей траншее начало бить прямой наводкой 105-миллиметровое орудие. Стреляло оно болванками, которые были опасны только при прямом попадании. Но когда огромный кусок металла со страшным визгом скакал вдоль траншеи, все прятались кто куда мог.

— На испуг, проклятый, берет! — сказал командир бригады, поднимаясь со дна окопа, после того как болванка пролетела над нами.

Заработал вражеский крупнокалиберный пулемет. Пули со свистом ударялись о бруствер, и нам пришлось на время прекратить наблюдение.

— Морозов, прикажи артиллеристам, пусть разделаются с этими мерзавцами, — распорядился Бураковский. — Нас бьют, а твои пушки молчат.

Артиллеристы будто услышали слова полковника. Неподалеку ударили сорокапятки из 1-й батареи. На наших глазах пулемет и орудие противника были подавлены. Бураковский вызвал к себе командира стрелявшей батареи. Им был старший лейтенант Макуров.

— Сколько еще целей подавила батарея? — спросил Бураковский.

— После артподготовки три дзота и четыре пулемета на открытых площадках. Стреляли и по пехоте в траншеях, — доложил Макуров. — А две цели сейчас подавили.

— Это я видел. Хорошо стреляли! Потери в батарее большие?

— Один расчет вместе с орудием полностью выведен из

строя.

— Отличившихся в бою представьте к награде. Можете идти, продолжайте уничтожать противника!

— Есть, товарищ полковник!

Отойдя с Макуровым в сторонку, я расспросил его о действиях батареи. Он накоротке рассказал о боевых делах расчетов всех орудий, огорчался большими потерями в личном составе.

Очень тепло отозвался Макуров о своем замполите старшем лейтенанте А. П. Куце, который неотлучно находился на огневых позициях орудий.

— Час назад подхожу я к нему. Он стоит прислонившись к стенке окопа. Спрашиваю: «Как дела, Саша?» — «Все в порядке. Мы научим фашистов уважать наших артиллеристов». Отошел я, обернулся, а Куц уже на земле лежит. Он, оказывается, скрывал, что ранен. А ведь у него только одно легкое, другое удалили еще после первого ранения. Беречься бы ему надо…

Во 2-м батальоне положение тоже было незавидное. Пехота не смогла продвинуться вперед и овладеть всей траншеей противника. Бойцов прижимал к земле минометный огонь, а при попытках подняться в атаку гитлеровцы пускали в ход пулеметы.

— Прекратите бесполезные атаки! Так всех людей погубим! — приказал Бураковский командиру батальона майору В. Н. Бирюкову. — Надо готовить все заново. Наступление продолжим с утра.

Короткий зимний день кончился, затихли и боевые действия. Обе стороны приводили себя в порядок.

Результаты первого дня операции оказались неутешительными не только для нас, но и для соседа справа. Он тоже не смог значительно продвинуться вперед.

— Плохо подавили артиллеристы оборону, вот и неудача, — сделал вывод Бураковский, когда мы с ним возвращались на командный пункт.

— Это, конечно, одна из причин, — согласился я. — Такую оборону надо подавлять тяжелыми орудиями, реактивными минометами, авиацией, а потом лезть в атаку А у нас одна мелкота, гаубиц всего двенадцать. И огневой вал не помог.

— Первый блин комом. И пожалуй, нам крепко влетит…

Но старшее начальство на этот раз было добросердечным. Почти не ругали. Бураковский объяснил это тем, что достигнут некоторый успех на главном направлении: войска 2-й ударной армии продвинулись там на три километра.

На командный пункт были вызваны все командиры частей. Бураковский выслушал их доклады и поставил задачу во что бы

то ни стало овладеть Тортолово.

Но следующий день тоже не принес нам успеха. В 10 часов началась артподготовка. Шестьдесят пять орудий и минометов из ста пяти имевшихся у нас долбили Тортоловский опорный пункт. Но как только огонь был перенесен в глубину, уцелевшие огневые точки противника свинцовым ливнем прижали атакующую пехоту к земле. Наступать нашим было очень трудно: метель вихрила снег, встречный ветер бил в лицо. Из-за плохой видимости орудиям, стрелявшим прямой наводкой, невозможно было вести точный огонь по противнику. Только одной роте 2-го батальона удалось немного продвинуться вперед. 3-й батальон, атаковавший Тортолово в лоб, опять понес большие потери. Командир батальона доложил командиру бригады, что 1-я рота осталась без офицеров, и просил утвердить командиром этой роты старшину 1-й статьи Чекавинского. Полковник дал согласие.

Бураковский решил захватить Тортолово ночью и поручил Чекавинскому ворваться в этот опорный пункт. Остальные силы батальона должны были развить успех 1-й роты. Весь остаток дня и вечер прошли в подготовке ночного штурма; Чекавинский попросил, чтобы эта операция начиналась без всякого шума со стороны артиллерии. Бураковский его поддержал, и поэтому запланированный огневой налет по опорному пункту пришлось отменить.

Роту Чекавинского пополнили в основном уцелевшими моряками.

В 22 часа рота скрылась в непроглядной тьме. Бойцы проникли в ход сообщения, соединявший Тортоловский и Мишкинский опорные пункты, и подобрались с фланга к Тортолово. Чекавинский находился впереди и сам бесшумно «снимал» немецких часовых и наблюдателей.

Смельчаки внезапно атаковали противника, ворвались в его окопы, в дзоты и землянки. Об этой атаке известили нас треск автоматов и разрывы ручных гранат. Десятки осветительных ракет вспыхнули по всему фронту. Вражеские артиллеристы и минометчики, не разобравшись, в чем дело, открыли шквальный огонь по всем нашим траншеям, видимо полагая, что советская пехота перешла в наступление.

Между тем рота Чекавинского захватила часть Тортоловского опорного пункта, перебив там ошеломленных гитлеровцев. В этом бою осколком снаряда Чекавинскому оторвало левую руку, но он продолжал руководить бойцами, отражавшими контратаки противника.

Весь следующий день немцы пытались вернуть Тортолово, но безуспешно. Можно представить, как трудно было самому

Чекавинскому и другим раненым бойцам, ослабевшим от потери крови. Но эвакуация была невозможна: рота находилась в огненном кольце, а подкрепление не подходило. Артиллеристы старались изо всех сил помочь им: отражали огнем своих батарей контратаки гитлеровцев против горстки моряков.

Вечером Чекавинского ранило еще раз: осколками были перебиты ключица, бедро и голень правой ноги. К этому времени под покровом темноты удалось подбросить в Тортолово подкрепление. В бессознательном состоянии Чекавинский был вынесен с поля боя. Носилки с почти безжизненным телом пронесли мимо нашего пункта. Врач, осмотрев раны моряка, доложил Бураковскому, что ранения смертельные и в медицинской помощи вряд ли он нуждается…

Однако сильный организм Чекавинского с помощью заботливых врачей, сестер и нянь победил. Полгода провел он в тыловом госпитале, прежде чем встал на ноги.

Об этом мы, однополчане, узнали много лет спустя от К. С. Работягова, бывшего комиссара батальона. Он первым случайно встретил Чекавинского в Москве…

В ночь на 15 января штурмовой отряд 3-го батальона под командованием сержанта Тищенко закрепил успех роты Чекавинского. На захваченные рубежи была послана 1-я рота 2-го батальона. Но она сбилась в темноте с нужного направления, заблудилась в разветвленной сети траншей и к утру попала в окопы 2-й роты 3 го батальона, приняв их за немецкие. Завязалась перестрелка. Пока разбирались, что и как, противник контратакой при поддержке артиллерии и танков обрушился на тортоловский гарнизон. Ценой больших потерь после ожесточенного трехчасового боя гитлеровцам удалось отбросить наших и завладеть Тортолово.

Продолжать наступление мы больше не могли: в ротах осталось по восьми — двенадцати человек.

В ночь на 17 января бригада сдала свой участок 450-му полку 265-й дивизии, а к рассвету сосредоточилась в лесах, в десяти-двенадцати километрах восточнее Тортолово. Артиллерийский и минометный дивизионы оставались еще несколько дней на прежних позициях для усиления 450-го полка.

На этом и закончилось участие бригады в прорыве блокады Ленинграда. 8-я армия не добилась существенного успеха, но своим наступлением она отвлекала силы противника от главного направления, перемалывала их, содействуя продвижению 2-й ударной армии.

Севернее нас разгорелось ожесточенное сражение. Обе

стороны уже со второго дня операции начали вводить в бой вторые эшелоны, резервы, которые через день-два снова требовалось подкреплять свежими силами. Сама местность не благоприятствовала войскам 2-й ударной армии. Наступление шло среди торфяных болот. Танки не могли поддерживать наступающих: они проваливались в трясину. Противник засел в мощных опорных пунктах. С юга, с Синявинских высот, вражеским артиллеристам были как на ладони видны боевые порядки наших войск до самого Ладожского озера.

17 января между войсками Волховского и Ленинградского фронтов оставалась узкая полоска земли, на которой с тупым упорством сопротивлялся враг, усиленный свежей дивизией СС. Трудно представить, каково было волнение в войсках и в осажденном городе! Все ждали соединения фронтов.

И вот исторический момент наступил!

Утром 18 января части 2-й ударной армии Волховского фронта соединились с частями 67-й армии ленинградцев. Шестнадцатимесячная вражеская блокада пала, спасительные ворота в Ленинград были открыты. Окруженные и прижатые к Ладожскому озеру, гитлеровские войска пытались прорваться на юг, но были уничтожены. К концу дня образовался «коридор», который накрепко связал исстрадавшийся город с Родиной.

«Коридор» этот был, правда, еще невелик. Ширина его составляла восемь — одиннадцать километров. С севера — Ладожское озеро, с юга — Синявинские высоты, господствовавшие над местностью. Но эта операция вошла в историю Великой Отечественной войны как одна из замечательных страниц: она имела большое политическое и стратегическое значение. Ленинградцы рассказывали, как ликовал город-герой, освобожденный от тисков голода и лишений. Через «коридор» длиной до двенадцати-тринадцати километров, через эту спасительную артерию, сразу же устремились колонны машин с продовольствием, медикаментами и всем необходимым для войск и жителей города.

2-я ударная и 67-я армии, повернув свои войска фронтом на юг, продолжали наступление с задачей сбить противника с Синявинских высот и еще шире распахнуть образовавшиеся ворота. Но враг успел подтянуть пять свежих дивизий и большое количество артиллерии. Фашисты оказали упорное сопротивление. Наши войска были вынуждены перейти к обороне, закрепляя захваченные рубежи.

22 января бригада начала закрепляться на отсечной позиции за боевыми порядками 265-й и 286-й дивизий. Мы должны были

подготовить контратаки в нескольких направлениях на тот случай, если противник перейдет в наступление. Подразделения рыли окопы. Прибывало пополнение.

В эти дни произошла смена командования бригады. Бураковский был назначен командиром 191-й стрелковой дивизии, а на должность командира нашей бригады прибыл полковник Н. В. Симонов.

Я постепенно приглядывался к новому командиру. В первые дни казалось, что работать с ним будет очень трудно. Больно крутым показался его нрав. Но после нескольких деловых встреч с Симоновым мнение мое резко изменилось. Я понял, что он имеет большой практический опыт и всей душой болеет за свое дело. Строгий и придирчивый, он в то же время проявлял большую заботу о людях, вникая во все мелочи службы и быта. Симонов до войны был начальником штаба дивизии, организаторский талант у него сочетался с высокой штабной культурой. С каждым днем совместной работы с ним я открывал новые хорошие черты у своего командира.

Синявинские высоты

По радио и из газет мы узнавали о все новых и новых победах советского оружия. Закончилась ликвидация окруженной немецкой группировки на Волге и Дону. Полным ходом шло освобождение Северного Кавказа и других районов нашей страны. Эти сообщения как живительный бальзам действовали на людей, вселяли в них бодрость и силу, воодушевляли на новые подвиги…

В ночь на 3 февраля бригада, вошедшая в состав 2-й ударной армии, сосредоточилась в районе Рабочего поселка № 1, в шести километрах к северу от Синявино.

Мы оказались в тех самых местах, где две недели назад полыхал огонь жарких боев. От построек в Рабочих поселках остались только развалины. Повсюду исковерканные танки, орудия, автомашины.

2-й ударной армии было приказано захватить Синявинские высоты, выйти в район Мги, очистить от врага Кировскую железную дорогу и тем самым расширить «коридор» между Волховским и Ленинградским фронтами.

Командующий армией генерал В. З. Романовский поставил нашей бригаде ближайшую задачу — овладеть юго-западной частью Синявино и высотой 50.1. Слева от нас действовала 364-я дивизия, а справа, как и при наступлении на Тортолово, — 80-я дивизия. Фронт наступления — полтора километра.

Атака должна была начаться утром 7 февраля. Продолжительность артиллерийской подготовки — семьдесят пять минут: сначала огневой налет, затем период подавления отдельных целей и снова огневой налет.

Начальник артиллерии армии генерал Д. Д. Калашников придал бригаде три артиллерийских полка. Боевой порядок бригады строился в два эшелона: в первом эшелоне 1-й и 3-й батальоны, во втором — 2-й батальон, в резерве — 4-й батальон, батальон автоматчиков (без одной роты) и 45-миллиметровая батарея противотанкового дивизиона.

Я представил на утверждение командира бригады состав двух артиллерийских групп, который и был принят. Но когда я доложил обо всех остальных вопросах артиллерийского обеспечения, Симонов посетовал на то, что снарядов дали очень мало: с таким количеством боеприпасов трудно взломать вражескую оборону.

И на этот раз мы не получили полных данных о противнике. Пурга, снегопад, короткий зимний день препятствовали ведению авиаразведки. Мало целей засекли и наши артиллеристы. Мы не

видели, что происходит в тылу противника. Зато враг имел возможность следить за всеми нашими передвижениями. С Синявинских высот просматривалась вся местность вплоть до Ладожского озера, весь «коридор». Только отдельные участки уцелевшего леса, разбросанные на снежной равнине, могли в какой-то степени скрыть от вражеского взора наши штабы, резервы и огневые позиции некоторых артиллерийских батарей.

Передовые части бригады прижались к полуобрывистому подножию высот, откуда не видели ничего, кроме отдельных участков первой траншеи и выносных ячеек противника.

Первая линия вражеских окопов проходила по скатам высот, но главный узел сопротивления, его опорные пункты находились на плоских вершинах. Синявино, вытянутое на целый километр по юго-западным скатам, до войны представляло собой большой населенный пункт. Гитлеровцы растащили все дома и постройки. Фундаменты, подвалы, погреба были превращены в оборонительные сооружения. Чтобы выкурить фашистов оттуда, требовалось знать точное расположение всех укреплений.

Куда стрелять — вот что в первую очередь беспокоило меня и начальника штаба артиллерии бригады майора Леонида Михайловича Капустина. Сколько мы ни нажимали на командиров артиллерийских частей, на их штабы и разведывательные органы, на разведывательное отделение штаба артиллерии армии, но собрать достаточно данных для планирования огня нам не удалось. Пришлось скрепя сердце большую часть огня спланировать на глазок, по наиболее вероятным местам скопления противника.

Как-то вечером заехал к нам командир 2-й артиллерийской дивизии полковник К. А. Седаш. Он едва протиснулся в узкую дверь нашей землянки. Поздоровавшись, спросил, какие есть претензии к двум полкам его дивизии, приданным нашей бригаде.

— Снарядов мало, и данные о противнике скупые. Если можете, выручайте, — ответил я.

— Ничем не могу помочь, — с сожалением произнес Константин Афанасьевич.

Он ознакомился с огневыми задачами, поставленными полкам. Согласился с ними и пообещал силами своего штаба проверить готовность артиллерии к бою.

После ухода Седаша майор Капустин сказал:

— Не завидую я ему. Роздал свои полки, командовать нечем. А штаб-то у него больше, чем штаб артиллерии армии. Без дела сидят люди.

— Артдивизии созданы недавно, сейчас еще поиски идут, как

их правильно использовать, — возразил я.

— А по-моему, артдивизию не надо разбрасывать по всему фронту. Лучше бить огнем в одном месте, мертвые «коридоры» в обороне противника создавать…

В ночь на 7 февраля наша бригада, сменив полк 80-й дивизии, заняла исходное положение у подножия Синявинских высот. Вся артиллерия к этому времени стояла на огневых позициях в полной готовности. Первые залпы намечено было произвести в 8 часов 45 минут. Но из-за сильной пурги наступление перенесли на следующее утро.

Пользуясь возможностью еще раз проверить состояние частей и подразделений, я обошел наблюдательные пункты командиров групп, разместившиеся рядом с пунктами командиров батальонов, уточнил вопросы взаимодействия. Видимость с пунктов, прижатых к самому подножию высот, была очень плохой. Выпуклые скаты скрывали вершину, где размещались главные огневые средства. А что делалось за обратными скатами — этого мы не знали совсем.

Побывал я и у капитана Житника. Истребительно-противотанковый дивизион находился здесь в еще более тяжелых условиях, чем на безымянных высотах под Тортолово, где хоть противник был виден — не мешали ни пурга, ни мороз… По ходу сообщения я добрался до 1-й батареи.

— С огневыми позициями просто беда! Чуть вытащим орудие вперед, сразу попадаем под обстрел, потери несем, — доложил мне командир батареи старший лейтенант И. С. Макуров.

Действительно, удобных мест, с которых можно было бы видеть противника и вести по нему огонь прямой наводкой, не оказалось. Трудно укрыть, замаскировать орудия на голых скатах.

У орудий, спрятанных в снежных окопах, находилось по два дежурных бойца. От сильного мороза и пронзительного ветра спасали полушубки, шапки, ватные брюки и валенки. Надо сказать, что войска хорошо обеспечивались теплой одеждой. Остальные номера по очереди грелись в землянках, которые моряки называли кубриками. В один из таких «кубриков» заглянули и мы. В нем было тесно, народу набилось как сельдей в бочке. Слабый свет коптилки, висевшей в углу, едва пробивался сквозь толщу табачного дыма.

Мы не стали протискиваться вперед, постояли немного у двери. Каких только разговоров здесь не было! Говорили и о сообщениях Совинформбюро, и о трауре, который был объявлен в Германии по поводу уничтожения армии Паулюса, вспоминали о доме, о довоенной жизни. И все это было приправлено шутками, остротами.

— За дух своих бойцов я не беспокоюсь. Орлы! — С красивого лица Макурова, обрамленного бакенбардами, исчезло озабоченное выражение, и казалось, что от теплоты, появившейся в его глазах, тает иней на ресницах. — Пушки и снаряды от самого леса, через всю равнину, на себе тащили. Пришли сюда — и сразу за кирки и лопаты взялись. Ну а сейчас отдыхают. Завтра наступать, а им хоть бы что…

Мы с Макуровым осмотрели запасные огневые позиции, которые выбирал командир огневого взвода младший лейтенант Зайцев, недавно вернувшийся из госпиталя.

А. Д. Зайцев был ранен при авиабомбежке в конце сентября прошлого года. Тогда он был мичманом и старшиной 1-й батареи. Осколок бомбы так разворотил Зайцеву грудь, что страшно было смотреть. Фельдшер Аня Прохорова с большим трудом сумела наложить повязку на такую большую рану. Перед тем как отправиться в медсанбат, Зайцев, оттолкнув поддерживавших его бойцов, подошел к кухне, съел полкотелка каши и сказал:

— Ну а теперь можно и подлечиться… Смотрите у меня, морские волки! Воюйте как следует! Не подкачайте! Вернусь — проверю!

Жалко было расставаться артиллеристам со своим старшиной, а командир батареи Ярош чуть не расплакался при прощании с мичманом. Все желали Зайцеву быстрейшего выздоровления и возвращения в дивизион.

И Зайцев вернулся в свою батарею, но уже командиром взвода. Ему присвоили звание младшего лейтенанта.

— Вы почаще Зайцева одергивайте, а то он чересчур уж смел, — сказал я, видя, как тот без всяких предосторожностей ходит во весь рост. — Такой богатырь на всю бригаду один.

— Говорил ему, да разве удержишь?.. Разгуливает, как по палубе. Таких у нас немало. Старший лейтенант Макаров, Мирсанов…

— И вы в том числе, — добавил я.

— Нет, — смутился Макуров, — я стараюсь поосторожней.

Простившись со старшим лейтенантом, я пошел в другие батареи. Там позиции артиллеристов тоже оставляли желать много лучшего. Младший лейтенант А. И. Алехин, бывший командир орудия, командовал теперь огневым взводом. Он, как и у Тортолово, разместил свои орудия в окопах, отрытых под разбитыми немецкими танками. Танков тут было достаточно, особенно правее, в районе Рабочего поселка № 6.

Беседуя с батарейцами, я обратил внимание, как мало осталось в дивизионе моряков. Во взводах их насчитывалось по нескольку человек. Остальные бойцы — новички, незнакомые мне

лица.

Возвращаясь из дивизиона, я столкнулся с подполковником Коноховым и майором Жук. С Коноховым — заместителем командира бригады по политической части — я встречался на дню несколько раз: то на нашем пункте, то в боевых порядках, где он пропадал целыми днями, а Дмитрия Ильича не видел уже с неделю, поэтому этой встрече очень обрадовался.

— Вот показываю подполковнику все наше хозяйство, — сказал Дмитрий Ильич, здороваясь со мной.

— Хозяйство не плохое, есть что показать. Был я в батареях. Настроение у бойцов отличное, — ответил я. — Поговорили обо всем. Правда, незнакомых много. За два месяца, как я ушел из дивизиона, сменилась почти половина людей.

— Зато растут быстро наши моряки. Глядишь, матросом был, а теперь сержант, а то и в офицеры вышел, — сказал Жук.

— Так и должно быть. Война — самая лучшая академия для настоящего воина, — подтвердил Конохов.

«Отличный заместитель у Симонова», — думал я, идя в штаб группы. Дмитрий Петрович Конохов, прибывший к нам в бригаду с партийной работы, был во всех отношениях обаятельным человеком, умел заразить любого веселым, бодрым настроением и ненавистью к врагу.

К утру 8 февраля пурга наконец утихла. В 10 часов, после 75-минутной артиллерийской подготовки, два батальона бригады атаковали Синявинские высоты. Соседи справа и слева тоже перешли в наступление.

Наш бригадный командно-наблюдательный пункт размещался около Рабочего поселка № 5, на опушке рощицы, наполовину изреженной снарядами. Отсюда хорошо видны были скаты высот, где шел бой.

Цепи атакующих почти слились со снегом. Бойцы, одетые в маскировочные халаты, шли во весь рост, с трудом поднимаясь по скользкому насту. До вражеской траншеи пехоте надо было пройти около трехсот метров. Наша артиллерия перенесла огонь на вершину высоты, где, по расчетам, находился главный узел сопротивления противника.

— Молодцы! Смело идут! — воскликнул Симонов. — Вижу, что артиллеристы хорошо поработали.

— Кажется, неплохо, — согласился я. — Первую траншею видим, поэтому и бьем точно, а вот по вершине стреляем наугад, по площади. Другого выхода нет.

Наша радость оказалась несколько преждевременной. До передовых окопов противника оставалось каких-либо сто метров,

как вдруг из них затрещали автоматные очереди, ударили уцелевшие пулеметы. Цепи пехоты стали редеть, все больше и больше оставалось на снегу белых бугорков.

— Эх какая досада! — Симонов схватил телефонную трубку. — Яркин, Скляров! Ну еще, еще немножко! Нажимайте смелей!

Трижды батальоны пытались сделать последний бросок, но безуспешно. В бой был введен 2-й батальон. Он залег буквально в пятидесяти метрах от вражеской траншеи, перед проволочными заграждениями, и больше не смог подняться, прижатый сильным и точным огнем.

После третьей попытки ротам 3-го батальона удалось в конце концов ворваться в окопы противника. Гитлеровцы были отброшены к окраине Синявино. Мы продвинулись вперед на триста метров.

Полковник Симонов по телефону доложил командарму о первом успехе, а потом снова принялся звонить в батальоны, отдавая распоряжения. Опять поднялись в атаку наши бойцы. Но продвинуться дальше они не смогли. Все попытки захватить вторую траншею успеха не имели.

Я требовал от командиров артиллерийских групп, чтобы они быстрее подавляли огневые точки. Но артиллеристы не видели противника. Командиры групп майор Илларионов и полковник Узлянер жаловались на большую убыль наблюдателей, находившихся в цепях наступающей пехоты.

Командир противотанкового дивизиона капитан Житник сообщил, что вести огонь прямой наводкой очень трудно: из снежных окопов не видно целей, а стрельба с лыж не получается. Большие потери в орудийных расчетах.

Понимая бесполезность повторных атак, полковник Симонов приказал командирам батальонов закрепиться на достигнутых рубежах и немедленно эвакуировать всех раненых, замерзавших на скатах высот. Остатки 2-го батальона, понесшего наибольшие потери, были распределены по частям в качестве пополнения.

Наш командно-наблюдательный пункт в этот день был обнаружен немцами и подвергся обстрелу. Завыли тяжелые снаряды, с нарастающим свистом приближаясь к нам. Мы успели укрыться в блиндаже. Земля вздрагивала. Прыгало пламя в коптилке, сделанной из снарядной гильзы. Близкий разрыв отбросил плащ-палатку, служившую дверью, в нос ударило запахом гари. Блиндаж — объемом десять кубометров — сразу превратился в душный, пыльный мешок. В горле першило, дым и пыль затрудняли дыхание.

Еще разрыв. Над головой разошлись бревна.

— Саперы, черти, только два наката сделали. Вот уж покажу я им после боя, — ворчал Симонов.

Грохот затих, обстрел прекратился. Выбравшись из блиндажа, люди с удовольствием вдыхали свежий морозный воздух. Вся опушка леса была изрыта большими воронками, из которых еще шел дымок. Деревья скошены, торчали расщепленные высокие пни. Снег кругом почернел. Погибли два радиста: снаряд попал прямо в их окоп.

«Вот так и мы долбим, долбим опорный пункт, расходуем сотни снарядов, а противник отсиживается в блиндажах, землянках и „лисьих норах“, — подумал я. — Грохота много, а результат невелик…»

На следующий день бригада предприняла еще одну попытку овладеть Синявинскими высотами. Мы опять понесли потери, но вперед не продвинулись.

— Довольно! Хватит перемалывать свою пехоту! — заявил полковник Симонов. — Пусть добавят нам артиллерии и снарядов. Ни у меня, ни у соседей успеха нет. Зря людей губим!

К чести полковника надо сказать: как он решил, так и сделал. Мы вели бой небольшими группами и производили ночные поиски. В общем, создавали шум. Командир бригады всячески старался уменьшить потери, сохранить личный состав.

Над Синявинскими высотами в морозном воздухе полыхал фейерверк. Это противник освещал ракетами подходы к своему переднему краю.

Дальнобойные немецкие батареи систематически вели огонь по району обводных каналов, прижатых к Ладожскому озеру, где тянулась железная дорога. Днем движение на ней замирало. Зато ночью эшелоны с грузами шли в Ленинград один за другим почти впритык.

Всех нас злило то, что противник держит важнейшую артерию под обстрелом. Всем хотелось согнать врага с господствующих высот и отбросить подальше от Ладожского озера.

Состав артиллерийских групп в бригаде изменился: артполки 2-й артиллерийской дивизии были заменены 109-м и 120-м минометными полками из той же дивизии. В каждом полку по тридцати шести 120-миллиметровых минометов. Сила большая. Мы вначале обрадовались, но пришлось тут же разочароваться. Боеприпасов на день боя этим полкам было выделено мизерное количество: по восемь — двенадцать мин на миномет.

— Опять голыми руками Синявино брать придется, — недовольным голосом сказал майор Капустин, когда командиры полков покинули нашу землянку.

Утром 13 февраля после непродолжительной артиллерийской подготовки два батальона нашей бригады атаковали Синявино. Запланированный бомбовый удар авиации не состоялся из-за нелетной погоды. Роты, встреченные сильным заградительным огнем противника, залегли, а потом, неся потери, начали отползать назад. Такая же участь постигла и наших соседей. Эта неудача обескуражила нас.

— Пехота несет большие потери, а мы, боги войны, никак врага подавить не можем, — сердито сказал Капустин.

— Раз Синявино не взяли, плохие из нас боги получаются, — ответил я.

На следующий день мы повторили атаку — и снова безуспешно. Противник крепко держался за свою ключевую позицию. Я был вызван к начальнику артиллерии армии генералу Калашникову с докладом.

Мы подъехали к штабу артиллерии, разместившемуся в землянках, врытых в насыпь обводного канала. Свист тяжелых снарядов прижал нас с шофером к земле. Когда смолк грохот разрывов, я увидел в одном месте груду развороченных бревен. Это была землянка Дмитрия Дмитриевича Калашникова…

Погиб замечательный командир.

Контрбатарейная группа огневыми налетами обрушилась на вражеские батареи, мстя за смерть генерала. После этих налетов враг замолк на целые сутки.

Всю следующую неделю части бригады действовали только мелкими группами, блокируя отдельные огневые точки.

Началась подготовка к новому штурму Синявинских высот, назначенному на 22 февраля — канун 25-й годовщины Красной Армии. Вместо поредевшей 80-й дивизии правее нас была введена 64-я гвардейская дивизия (бывшая 327-я дивизия). Бригада получила на усиление пять артполков. Из двух артполков и двух дивизионов бригады были созданы группы поддержки пехоты для двух батальонов, которым предстояло действовать в первом эшелоне. Из 21-го и 430-го тяжелых артполков мы создали группу АР (артиллерии разрушения). Встал вопрос, в какую группу включить 439-й гаубичный артполк. А что, если создать на основе полка группу общей поддержки пехоты всей бригады? Мы сможем маневрировать огнем этой группы, сосредоточивать его на решающих направлениях — разве это не целесообразно? Задачи этой группе будет ставить сам командир бригады. Но раньше таких групп у нас не было. Как посмотрит на это новшество командование? Решили рискнуть.

Свое детище мы назвали тогда группой дивизионной поддержки пехоты (группой ДПП). Наше начинание одобрили

вновь назначенный начальник артиллерии армии генерал Бриченок и генерал Дегтярев — начальник артиллерии фронта. Подобные группы начали создаваться и в других армиях. Они послужили прообразом для возникших позже дивизионных артиллерийских групп.

При планировании огня нас опять мучили два неразрешимых вопроса: ограниченное количество снарядов и скудость разведывательных данных о противнике, особенно о его главной позиции в самом Синявино и на высоте Клык. Приходилось думать и о подавлении артиллерии противника, хотя эта задача возлагалась на армейскую контрбатарейную группу. Беспокойство наше вызывалось тем, что, по сведениям разведки, значительная часть вражеских батарей сменила свои позиции. Маскируя их, противник начал широко применять так называемые рабочие (пристрелочные) орудия, выставленные на некотором расстоянии от остальных орудий своей батареи. Это, естественно, сбивало с толку нашу звуковую и оптическую разведку. Авиаразведка батарей противника не велась: мешали низкая свинцовая облачность и снегопад.

22 февраля, с утра, снова загремела канонада — началась двухчасовая артиллерийская подготовка. Вся равнина до берега Ладожского озера покрылась дымками и вспышками орудийных выстрелов. Над Синявинскими высотами повисла пелена дыма.

— Артиллерии много, полторы сотни орудий, а огонь все же слабоват, — недовольно произнес Симонов, не отрывая глаз от бинокля. — Беда, когда снарядов не хватает. К тому же ни «катюш», ни авиации. Трудно будет пехоте. Танки здесь не пройдут, а без них не атака — одни потери!..

Зеленые ракеты, взвившиеся к облакам, медленно снизились и погасли в сером дыму.

Огонь артиллерии ушел вперед, освобождая пехоте ближайшие объекты атаки. Белыми комками, сливаясь со снегом, возникли возле окопов наши бойцы.

Медленно потянулись цепи атакующей пехоты к вершинам высот, преодолевая проволочные заграждения и минные поля. Корка ледяного наста ломалась под ногами, люди проваливались в глубокий снег. В довершение всего открыли заградительный огонь пушки и минометы противника. Слева ожила высота Клык, оттуда во фланг наступающим ударили пулеметы. Сразу поредели цепи батальонов.

Капустин подал команду нашему первенцу — группе ДПП.

«Хорошо, что мы ее создали!» — удовлетворенно отметил я, видя, как на высоте Клык взметнулись разрывы тяжелых гаубичных снарядов.

Пехота броском достигла гребня высоты и ворвалась в окопы. Два батальона уцепились за передний край вражеской обороны.

— Житник! Выдвигай быстрей орудия! Закрепляй рубеж! — приказал я.

— Командиров батарей на высоту! — кричал в телефонную трубку Капустин. — Не отставать от пехоты!

Заняв окопы противника, расположенные почти у самого водораздела Синявинских высот и на бывших огородах Синявино, батальоны дальше продвинуться не смогли. Мы отвоевали еще одну узкую полоску земли. Огонь вражеской артиллерии не давал нашей пехоте продвинуться вперед.

После полудня бой стал затихать. Симонов позвонил по телефону в соседние дивизии, справился, каковы успехи. Но полученные сообщения были неутешительными. Сосед слева залег перед высотой Клык, захватив на своем левом фланге лишь несколько окопов противника. У соседа справа, в 64-й гвардейской дивизии, дела обстояли еще хуже. Первый эшелон дивизии не смог ворваться в траншею противника и залег перед ней.

Полковник Симонов приказал выдвинуть на захваченный рубеж как можно больше орудий для стрельбы прямой наводкой, послать туда передовых наблюдателей и командиров батарей. Но командование армии требовало от нас другого. Положив телефонную трубку, комбриг сказал:

— Приказано к восемнадцати часам командный пункт бригады основать в Синявино. Вот, брат, какие дела… Собирайся, вместе пойдем.

Надев белые маскхалаты, мы отправились в путь. Нам предстояло пересечь снежную равнину, лишенную растительности. Всего один километр, но какой километр! Днем по этой равнине, как правило, никто не ходил, как и по болоту около Тортоловских безымянных высот.

Несколько раз мы залегали, попав под огонь снайперов и минометный обстрел, двигались перебежками, ползли по-пластунски, прежде чем достигли подножия высоты.

Под обрывом почти вплотную друг к другу были врыты землянки. Здесь находились штабы батальонов, дивизионов, пункты медпомощи и боевого питания. И конечно, неотъемлемая часть войскового хозяйства — солдатские кухни. Противник систематически обстреливал из минометов эту узкую полоску земли, но землянки спасали людей.

По ходу сообщения мы добрались до траншеи, захваченной у немцев. Кругом виднелись следы недавнего боя: разбитое оружие, выброшенные за бруствер трупы, свежие воронки.

И вот мы на наблюдательном пункте командира батальона капитан-лейтенанта Н. А. Склярова. Окоп длиной метров восемь, несколько ячеек. Чуть в стороне — блиндаж-землянка. Тут же разместился командир артиллерийской группы майор Илларионов — командир 943-го артполка.

— Ну, докладывайте! — сурово приказал Симонов Склярову.

— Минометный и пулеметный огонь не дает подняться пехоте, — спокойно ответил тот, застегивая полушубок, под которым виднелся черный морской китель.

— Мины не страшны: в снег зарываются! Показывай, откуда бьют пулеметы?

Скляров навел стереотрубу на какую-то точку и уступил место Симонову. Полковник шагнул к ней, но в эту секунду что-то звякнуло. Стереотруба была разбита. Симонов отшатнулся.

— Тут и высунуться нельзя, — сказал Скляров. — Снайперы жить не дают.

— А ваши снайперы где?

— За трое суток они уничтожили больше сорока гитлеровцев. Но им трудно спорить с фашистскими стрелками: те нас видят, а мы их нет. Вот смотрите! — капитан-лейтенант надел на черенок саперной лопатки обгоревшую каску и высунул из окопа. По ней сразу же с визгом ударила пуля.

— Показывай пулеметы, которые тебе мешают, — настаивал Симонов.

Скляров навел на цель перископ. Полковник взглянул и уступил место мне. В трехстах метрах от нас тянулась траншея противника. Она была заметна по выброшенному из нее снегу, по каскам, изредка мелькавшим над бруствером.

— Дай распоряжение уничтожить пулемет! — приказал мне Симонов и, подумав немного, спросил: — Можем ли мы через час-полтора мощный налет по всей траншее организовать?

— Организовать дело не хитрое. Но боеприпасов осталось мало, только для отражения контратак. Траншея-то длиной больше километра, на нее уйма снарядов требуется, минимум тысячи полторы.

— Ну тогда подави часть ее, хотя бы метров триста.

Сделав кое-какие расчеты, я доложил Симонову:

— Риск большой, но попробовать можно. Четыреста метров хватит?

— Отлично! Давай поскорее, — обрадовался полковник.

Мы выбрали участок траншеи длиной около полукилометра. Только отошли от перископа, в воздухе раздался свист мин. Перед окопом фонтаном взвихрился снег.

Минометная батарея ударила по пункту. Видимо, немецкий

наблюдатель заметил на нем необычное скопление людей. Мы укрылись в землянке и там продолжали обсуждать детали атаки.

— Доставай, Скляров, карту, — распорядился Симонов. — Наступает твой батальон. Если успех — сразу введу второй эшелон и даже резерв. Только на высоту ворвись… Когда лучше начать? — повернулся ко мне полковник.

— Часа через полтора, не раньше.

— Хорошо, атака через два часа. Сверим время… Сейчас пятнадцать часов две минуты. Атака в семнадцать, за час до наступления темноты.

— Может быть, с соседями договориться, они поддержат? — предложил я.

— Предупредить их нужно, а надеяться на них нечего: все равно не помогут. У шестьдесят четвертой дивизии такие потери, что ей пора снова в резерв уходить.

Как только кончился минометный налет противника, я разбил участок вражеской траншеи на три части и на каждую из них выделил по два-три дивизиона внакладку. Группа майора Илларионова тут же начала пристрелку своего участка. За следующие тридцать минут я успел поставить задачу другим командирам групп. Они тоже начали пристрелку непосредственно по траншее.

Семь дивизионов плюс минометные батареи — всего около 100 орудий и минометов. Если израсходовать в среднем по десяти снарядов на каждый ствол, получится два снаряда на каждый погонный метр траншеи. С такой высокой плотностью нам еще не приходилось стрелять. Вот что значит сосредоточение огня по наиболее важному объекту противника. Только бы снаряды легли точно, да пехота не опоздала с броском…

Огневой налет начался своевременно и прошел вполне удачно. Наши бойцы отсиживались в землянках, подбрустверных нишах и других укрытиях, так как осколки снарядов попадали и в наши окопы. Какая-то батарея умудрилась долбить по пустому месту — по нейтральной зоне. Видимо, не ввели нужных поправок. «Зря пропало сорок снарядов», — досадовал я. Остальные батареи вели стрельбу точно: разрывы сплошной стеной закрыли траншею противника.

Едва закончился огневой налет, батальон смелым броском преодолел триста метров. Наши бойцы буквально свалились на головы гитлеровцев, которые не предполагали, что артподготовка будет такой короткой. Вражеские пулеметы на высоте Клык открыли фланговый огонь только тогда, когда наша пехота уже дралась в немецких окопах, находившихся в самом Синявиио.

Бой длился еще полчаса, до тех пор, пока не были перебиты

все фашисты, скрывавшиеся в убежищах и «лисьих норах».

Начало получилось хорошее, но закрепить успех нам не удалось. Опомнившись, гитлеровцы засыпали нас снарядами и минами. Стрельба велась с флангов, что давало значительный процент попаданий непосредственно в траншею. Потери наши возрастали. Полковник Симонов лично следил, как подходят резервы, подтягиваются орудия для стрельбы прямой наводкой.

До поздней ночи пробыли мы на передовой. В темноте вернулись на свой командный пункт.

— Когда командный пункт менять будем? — спросил я, остановившись возле землянки.

— За Синявино зацепились, теперь спешить некуда. Командарм будет доволен, — ответил полковник.

Перед самым восходом солнца противник шквальным огнем из пушек и минометов обрушился на опорный пункт, в котором ему были известны все закоулки. Если мы с большим трудом разведывали местонахождение каждой вражеской огневой точки, то немцам этого не потребовалось. Они знали, куда стрелять.

Вслед за огневым налетом два батальона полупьяных автоматчиков контратаковали наших моряков с флангов и фронта. Заградительным огнем артиллерии удалось их рассеять.

Симонов ввел в бой 4-й батальон — последний резерв бригады. Но оказать существенной поддержки он не смог, так как попал под сильный обстрел.

Гитлеровцы повторили огневой налет, а затем снова атаковали. Ценой больших потерь им удалось захватить траншею и тем самым свести на нет нашу вчерашнюю удачу. Неоднократные попытки исправить положение успеха не имели. Синявино опять оказалось в руках гитлеровцев.

Бои на Синявинских высотах стали затихать, наши войска, отказавшись от наступления, с 27 февраля перешли к обороне.

Бригада, понесшая за восемнадцать дней большие потери, в ночь на 28 февраля была выведена в армейский резерв…

В эти дни я получил приказание сдать дела своему начальнику штаба майору Капустину и явиться в отдел кадров артиллерии Волховского фронта. Ни Симонов, ни мои товарищи в штабе армии не знали, какое назначение ждет меня.

Жалко было расставаться с моряками, с боевыми друзьями, вместе с которыми прошел долгий и трудный путь. Но служба есть служба. Я уехал.

А наша бригада, перейдя вместе со 2-й ударной армией в состав Ленинградского фронта, еще полгода вела оборонительные бои в районе Синявино. Полковник Николай Васильевич Симонов вскоре после моего отъезда сдал дела

полковнику Н. Г. Лященко, а сам вступил в командование 379-й дивизией. С ним мы впоследствии встречались довольно часто.

В августе-сентябре 1943 года бригада была расформирована. Ее личный состав влился в другие соединения. Уцелевшие моряки, составлявшие когда-то костяк бригады, вернулись на корабли и в части Военно-Морского Флота.

Я всегда с гордостью и душевной теплотой вспоминаю об этих отважных людях.

В штабе фронта

Полевое управление фронта разместилось около населенного пункта Горки, в сорока километрах от передовой, на самом правом фланге. Я очутился в редком лесу, заполненном землянками, домиками, грузовиками. Здесь было тихо, как на даче в мирное время. Ни выстрелов, ни разрывов. Не надо пригибаясь ходить по траншеям, носить каску.

Начальник отдела кадров артиллерии фронта майор А. П. Девятов, белокурый мужчина лет тридцати, пытливо оглядев меня, сказал:

— Вам надо представиться командующему артиллерией фронта. Будете служить у нас.

— А что за работа?

— Это вы у генерал-майора узнаете. Он сам все решит… Да, вас надо поздравить… — привстал Девятов.

— С чем? — удивился я.

— С присвоением очередного воинского звания. Вчера только выписку из Москвы получили, — он пожал мне руку. — Еще генерал Безрук представлял, когда вы в восьмой армии были.

Командующего артиллерией фронта мы застали в небольшом свежесрубленном доме, который со всех сторон был окружен крохотными полуземлянками. Когда вошли, генерал сидел за столом спиной к нам и внимательно рассматривал карту. Два стола, четыре табуретки, в одном углу койка, в другом железная печка — вот и все убранство комнаты.

— Кто это мешает мне? — сердито спросил генерал, не оборачиваясь.

— Майор Девятов, товарищ генерал. Командующий артиллерией морской бригады подполковник Морозов прибыл. Будете сейчас с ним беседовать?

Генерал резким движением поднялся со стула. Волнуясь, я доложил о своем прибытии в его распоряжение и сразу же узнал Георгия Ермолаевича Дегтярева. В тридцатых годах он командовал 40-м артиллерийским полком на Дальнем Востоке.

Дегтярев остался таким же, каким я его помнил. Стройный, подтянутый. Острый внимательный взгляд серых глаз, ежик седых волос. Он постарел, но во всех его движениях сквозила прежняя неиссякаемая энергия.

— Ба, да это тот самый Морозов! Здравствуйте! — воскликнул генерал, протянув руку. — Вот где встретились! Ну что ж, опять будем вместе. Товарищ Девятов, оформляйте его начальником оперативного отдела.

— Товарищ генерал! Мне очень не хочется переходить на штабную работу. Дайте лучше полк, — попросил я.

— Что там полк или даже бригада! Работа оператора куда интереснее. Будешь планировать действия артиллерии всего фронта. Генерал Безрук и покойный Калашников тебя рекомендовали. Вопрос решен. Начальник штаба введет тебя в курс дела. Если что непонятно, обращайся без стеснения. Расскажем и покажем. Желаю успеха! — Дегтярев повернулся, сел и снова принялся за работу…

Начальник штаба артиллерии фронта подполковник Абрам Гершанович Черток, худощавый, смуглый, как цыган, встретил меня приветливо. На вид ему было лег тридцать пять. Он задал несколько вопросов, касавшихся моей прежней службы, затем подробно рассказал о составе и задачах штаба артиллерии и о моих новых обязанностях. На должность начальника штаба артиллерии фронта Черток был назначен недавно. До этого он работал начальником оперативного отдела.

— Вы мой заместитель и должны знать все. Вникайте, врастайте в обстановку, — сказал Черток в конце беседы. — Познакомьтесь с начальниками отделов и управлений. А завтра с утра приступим к работе. Сейчас мы планируем новую наступательную операцию, так что вы как раз к делу попали.

Отдел размещался в двух бревенчатых домиках, наполовину врытых в землю. С волнением вошел я в ближний из них. Ведь это — моя новая работа, новая жизнь, новые люди…

На столах были разложены огромные карты с нанесенным на них положением артиллерии всех армий фронта. На юге, на левом крыле фронта, под Новгородом, — 52-я армия, на севере, в знакомых мне местах, — 2-я ударная. На самом правом фланге, против Синявино, 2-сантиметровая зубчатая линия, прочерченная красным карандашом. Тут оборонялась 73-я отдельная морская стрелковая бригада, из которой я только что прибыл.

Шесть армий, несколько тысяч орудий. Я проникался глубоким уважением к людям, управлявшим такой огромной махиной. Невольно и у самого появилась гордость, что придется ворочать такими делами. Но справлюсь ли?

— Это малая стратегия, а вот большая, — сказал мне офицер отдела майор В. Н. Гвоздевич, показывая на географическую карту Европейской части СССР, висевшую на стене. — Здесь видны дела покрупнее.

Чья-то заботливая рука аккуратно красным карандашом отмечала продвижение наших войск на всем пространстве от Баренцева до Черного морей. Линия Волховского фронта, протянутая от озера Ильмень до Синявино, выглядела тут совсем

небольшой. На этой полутораметровой карте нашу морскую бригаду можно было обозначить лишь точечным прикосновением карандаша — настолько велика была территория, охваченная войной…

Познакомившись с офицерами своего отдела, с обязанностями каждого из них и побывав в других отделах, я представился заместителю командующего артиллерией по политической части полковнику А. Я. Чернышеву и заместителю по зенитной артиллерии полковнику К. Н. Чумаку.

Побывал и у командующего группой гвардейских минометных частей (ГМЧ) молодого, не по летам полного генерал-майора артиллерии Л. М. Воеводина. Эта группа оперативно подчинялась нашему фронту. В ее состав входило несколько бригад и полков. Генерал Воеводин участвовал в боях на Халхин-Голе, командовал там батареей и заслужил звание Героя Советского Союза.

Начальник оперативного управления штаба фронта генерал-майор Владимир Яковлевич Семенов показался мне человеком угрюмым и неразговорчивым. Он сидел в своем полуподземном кабинете и, обложившись картами, сам печатал на машинке какую-то директиву.

— Ну вот, будем сообща творить. Полная секретность во всем, — строго сказал мне генерал в заключение нашей короткой беседы.

Два с половиной года проработал я вместе с Семеновым в штабе Волховского, Карельского, а затем 1-го Дальневосточного фронтов. За это время проникся глубоким уважением к генералу и очень привык к нему. Семенов был настоящим оператором, обладал широким кругозором. Он выполнял главную функцию в том фронтовом механизме, который разрабатывал планы операций. У Семенова было чему поучиться.

Познакомился я и с работой разведывательного отдела штаба фронта, куда по различным каналам стекались данные о противнике. Все, что было получено от воздушной, войсковой, артиллерийско-инструментальной и других видов разведки, — все это находило отражение на специальной карте.

От разведчиков зависело многое. Недостоверные, неточные данные о противнике, недооценка вражеских сил и возможностей могли привести к неудаче, к лишним жертвам.

До позднего вечера ходил я по штабным землянкам. Голова прямо-таки распухла от множества цифр и сведений. Хотел отдохнуть, но тут позвонил генерал Дегтярев.

— Морозов! — услышал я его резкий голос. — Целый час ищу, где ты пропадаешь! Быстренько сообщи Петропавловскому,

пусть готовит Иванова для отправки к Безруку, а Дорофееву или Обнорскому завтра к исходу дня быть у меня. Все, выполняй! — генерал положил трубку.

Я знал одного Безрука. А кто остальные? Надо немедленно изучить не только все позывные, но и фамилии командующих артиллерией армий и дивизий, их начальников штабов, командиров дивизий, бригад, полков и отдельных дивизионов. Хоть картотеку заводи!

Петропавловский и Дорофеев оказались командующими артиллерией армий, Обнорский — начальником штаба артиллерии 54-й армии, а Иванов — командиром артполка. За несколько дней пришлось запомнить больше сотни фамилий. Но это — потом. А в работу я включился в первые же сутки, еще не осмотревшись как следует на новом месте.

Около полуночи позвонил адъютант Дегтярева, сообщил, что вызывает Москва — надо доложить положение артиллерии фронта. Майор Виталий Николаевич Гвоздевич, который вел карту обстановки, отлучился. Пришлось мне самому отправиться с картой в генеральский домик к аппарату ВЧ[4].

— Кто у телефона? — спросил чей-то голос. Я ответил.

— Хорошо. Будем знакомы. Это говорит Митерин. Докладывайте положение артиллерии на исход сегодняшнего дня. Только коротко, одни изменения.

Я зажал трубку рукой и вполголоса спросил у адъютанта — кто такой Митерин. Оказалось, что это порученец командующего артиллерией Советской Армии генерала Н. Н. Воронова.

«Ну вот, теперь ясно, как и к кому обращаться в Москву», — удовлетворенно подумал я.

Закончив доклад, я хотел выйти из домика, когда появился молодой высокий офицер в звании младшего лейтенанта. Отдав мне честь, он спросил у адъютанта:

— Отца нет?

— У Мерецкова на докладе.

Я догадался, что это сын Дегтярева. Он внимательно посмотрел на меня и неуверенно произнес:

— Товарищ подполковник, я где-то вас раньше видел. Только никак не вспомню…

— А вы попытайтесь. В тридцать третьем — тридцать шестом годах я служил в полку, которым командовал ваш отец. Здорово вы, Игорь, подросли с тех пор.

— Вспомнил! В Барабаше ваш дивизион стоял! Морозов ваша фамилия?

— Угадал. А вы что тут делаете?

— Да вот к отцу приехал. Может, куда-нибудь в полк пошлет.

Обещает, но не отпускает пока.

…Мне отчетливо вспомнились тридцатые годы: Раздольное, Барабаш, Славянка, Посьет — чудеснейшие места самой южной оконечности Приморья… Утро в полку начиналось почти всегда одинаково. Командный состав выстраивался перед манежем. Ровно в семь, секунда в секунду, показывался командир полка Дегтярев. Он четким, пружинистым шагом подходил к затаившим дыхание шеренгам, здоровался и начинал осмотр. Проверял все: выглажено ли обмундирование, подшиты ли белоснежные подворотнички, не оторвана ли где пуговица, есть ли носовые платки; заставлял некоторых снимать сапоги — проверял чистоту портянок, носков.

После осмотра — гимнастика или час верховой езды. Преодоление препятствий, рубка, вольтижировка. Потом Дегтярев отпускал нас на завтрак. Начинались занятия с красноармейцами, преимущественно в поле. И так ежедневно, кроме выходных, которых в ту пору было много: неделя состояла из пяти суток. В выходные дни проводились конно-спортивные или стрелковые состязания, вылазки в тайгу, на море…

За первые месяцы командования Дегтярев ощутимо подтянул полк, перестроил на новый лад всю боевую подготовку. Неоднократно выводил дивизионы на учения по прямым маршрутам. Где пролегла линия на карте, там шли и мы. Полк медленно двигался по бездорожью, через заросшие лесом сопки, через овраги и реки, прокладывая колонный путь. Снег, дождь, вьюга, зимняя ночь в лесу под открытым небом, оборона и наступление в любых условиях — все это бойцы и командиры испытали на себе. Дегтярев делил с нами все трудности.

Он был строг, суров, требователен. Но в то же время справедлив и очень заботлив. Каждому по заслугам: нерадивого наказывал, старательного поощрял. Ничто не укрывалось от его пытливых внимательных глаз. Опыт и знания Дегтярева восхищали нас, молодых артиллеристов.

Но вот начались массовые репрессии 1937–1938 годов. Арестовали начальника артиллерии дивизии полковника Кожаева, а за ним и Дегтярева. Их объявили врагами народа.

У Дегтярева остались жена и сын. Помню, я как-то подошел к магазину и увидел жену Дегтярева. Красивое лицо ее осунулось, побледнело, глаза были полны слез.

— Что случилось? — спросил я.

— Не дают ничего купить, — ответила она, сдерживая рыдания.

Я пошел с ней в магазин, сам купил продукты и отправил ее домой. В магазине некоторые жены командиров фыркали,

шушукались:

— Ишь ты! Тоже защитничек нашелся…

— Видать, заодно с ними…

Я не осуждал женщин. Настроение их было понятно. Все мы в ту пору верили тому, что писалось в газетах о «врагах народа». Вызывало удивление только одно: почему их так много развелось вдруг? Некоторые из нас начинали сомневаться в правильности обвинений. Но все молчали, боясь поделиться своими мыслями даже с закадычными друзьями: увы, органы безопасности верили доносам и анонимным письмам.

Арестовывали многих. Армия лишилась закаленных ветеранов. Командовать полками и дивизионами стали люди молодые, зачастую не имевшие ни знаний, ни опыта. Страшно и неприятно вспоминать события тех трудных лет. И хочется еще раз от души сказать спасибо Центральному Комитету нашей партии, который не побоялся открыть народу всю горькую правду о сталинском произволе и беззакониях. Партия исправила ошибки того периода.

Дегтярев находился в заключении около двух лет. Тяжкие испытания не сломили его волю, он сохранил огромную работоспособность и энергию.

В 1941 году генерал Дегтярев, будучи начальником артиллерии 4-й армии, которой командовал тогда генерал армии К. А. Мерецков, участвовал в контрнаступлении под Тихвином. Потом его назначили начальником артиллерии 2-й ударной армии. Весной 1942 года, во время боев в окружении, Дегтярев был ранен и доставлен на самолете в московский госпиталь. После излечения — опять в строй, в штаб фронта.

Двое суток изучал я распределение артиллерии по армиям, ее численный и боевой состав, обеспеченность боеприпасами, горючим, средствами тяги. Знакомился со схемой связи, с переговорными таблицами, с разведывательными данными о системе и характере обороны противника и со многим другим, что должен знать оператор, чтобы планировать боевые действия артиллерии.

— Ну как, врос в обстановку? — спросил подполковник Черток, когда я пришел к нему за указаниями по планированию артиллерийского обеспечения.

— Почти. Но с намеченной операцией знаком только в общих чертах. Подготовка развернулась полным ходом, а я только что прибыл.

— Да, надо было пораньше вас вызвать. Ну ничего. Сейчас все разберем по порядку.

Черток посвятил меня в детали операции, которая готовилась по приказу Ставки Верховного Главнокомандования. Волховский фронт силами 8-й армии должен был прорвать вражескую оборону и во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта окружить и уничтожить противника в районе Мга — Синявино. Тем самым был бы расширен в несколько раз «коридор», соединявший оба фронта, и мы значительно улучшили бы свое положение. Ведь враг по-прежнему угрожал замкнуть кольцо блокады вокруг Ленинграда, и надо было ликвидировать такую возможность.

Меня обрадовало большое количество артиллерии, привлекавшееся к этой операции: две артиллерийские дивизии, больше полусотни артиллерийских и минометных полков.

— А сколько снарядов отпускается? — спросил я, наученный горьким опытом синявинских боев, когда орудий было достаточно, а боеприпасов не хватало.

— Планируется израсходовать восемьсот тысяч.

— Здорово! — вырвался у меня восторженный возглас.

Одновременно готовилась операция и на самом левом крыле фронта. 52-я армия должна была форсировать реку Волхов и захватить на ее западном берегу плацдарм для наступления на Новгород. Туда отправлялся генерал Семенов с группой офицеров.

Черток поручил мне пересмотреть ряд документов по планированию артиллерийского наступления 8-й армии.

— В черновом наброске эти документы уже есть, но надо внести уточнения, а если потребуется, то и заново переделать. Возникнут вопросы — решайте их со мной и с генералом, — заключил Черток.

Работы сразу оказалось много. Три дня и три ночи напролет сидели мы над планированием. Согласовывали взаимодействие с оперативным отделом штаба фронта, с бронетанковым и инженерным управлением, с воздушной армией. То менялось направление главного удара и ширина фронта прорыва для дивизий, то принимался новый график артнаступления и приходилось пересчитывать все заново, переделывать документацию. Шли поиски наиболее целесообразного варианта намеченной операции.

Возникали споры, особенно с разведчиками. Мы — операторы — придирались к разведывательным картам, требовали точно определить местонахождение ряда объектов противника. Разведчики или разводили руками — ничего, мол, не можем сделать, — или начинали возражать. По опыту боев под Тортолово и Синявино я знал, к чему приводит скудость

разведданных, и поэтому нажимал на разведчиков. Начальник разведотдела штаба артиллерии майор Перлов, человек горячий и вспыльчивый, сначала даже поссорился со мной.

— Наше дело дать операторам разведкарту, а вы планируйте огонь как хотите! — заявил он.

— А если на ней нет целей или они нанесены не точно — что же получается? Ударим по пустому месту? Кто виноват будет? В глубине вражеской обороны сплошные белые пятна, неужели там противника нет? — наседал я.

— Все, что выявили, на карте отмечено. А брать сведения с потолка мы не можем!

— Зачем с потолка? У вас есть два разведдивизиона, воздухоплавательный отряд, отряд корректировочной авиации. Да и в войсках средств достаточно…

Мы долго и много спорили с Перловым, но в конце концов нашли общий язык и подружились. Виктор Николаевич оказался умным, трудолюбивым разведчиком и хорошим товарищем. Он добросовестно делал все, что было в его силах.

Командующий группой гвардейских минометов генерал Воеводин с операторами своего штаба по-своему спланировал залпы реактивной артиллерии, считая это дело недоступным для нас. Генералу Дегтяреву план не понравился, он приказал передать его нам для контроля. Мы быстро вырезали из целлулоида эллипсы рассеивания реактивных снарядов на все дальности стрельбы. И когда этот «главный секрет» оказался в наших руках, мы скрупулезно проверили накладку всех эллипсов на опорные пункты и внесли свои поправки. Был выработан единый план.

Штаб артиллерии армии, штабы артиллерии дивизий и групп должны были преобразовать нашу документацию в конкретный план огня, распределить все цели и объекты по группам, полкам, дивизионам и батареям. Требовалось как можно точнее определить установки по каждому объекту и назначить для его поражения определенное количество снарядов. Каждому орудию, стрелявшему прямой наводкой, наметить конкретную цель. Батареям особой и большой мощности назначить объект, который надо разрушить.

А сколько работы по дополнительной разведке противника, по выводу артиллерии в позиционные районы! И все это делалось скрытно, незаметно для противника: иначе пропадет важный фактор любой операции — внезапность.

Напряженно и беспрерывно действовал весь огромный и сложный механизм штаба фронта, занимавший в лесу целый городок. А ведь тут только полевое управление — мозг фронта.

Кроме этого, имелся еще целый ряд тыловых управлений, ведавших снабжением войск всем необходимым, от оружия до ботинок. Сколько разбросано в лесах госпиталей, баз, складов! А если прибавить к этому управления армий, штабы дивизий и частей?

Какой же мощный аппарат находится в руках того, кто командует фронтом, сколько приводных ремней тянется от него к передовой! И это необходимо. Ведь командующий должен знать все, должен предвидеть и направлять события. Ему доверена судьба сотен тысяч людей. Одно неверное, необдуманное приказание — и тысячи похоронных полетят в тыл. А смелое талантливое решение позволит выиграть сражение с минимальными потерями.

И вот решение принято. Насколько оно правильно — покажет ход операции. А пока весь управленческий аппарат работал над тем, как лучше осуществить это решение.

Командующего войсками фронта генерала армии (ныне Маршала Советского Союза) К. А. Мерецкова я еще никогда не видел, и мне очень хотелось посмотреть на него. Случай представился довольно скоро. На четвертый день моего пребывания в штабе генерал Дегтярев, отправляясь на доклад, взял с собой и меня.

С волнением вошел я в большой дом, вросший по окна в землю и прикрытый сверху маскировочной сетью.

В просторном кабинете за столом, покрытым зеленой суконной скатертью, сидел генерал Мерецков. Возле него — добрый десяток телефонов в кожаных футлярах.

— Товарищ командующий! Прибыл с докладом, — доложил Дегтярев.

— Хорошо. Сейчас займемся, — ответил генерал армии и вопросительно посмотрел на меня.

— Разрешите, товарищ командующий, представить, — сказал Дегтярев. — Подполковник Морозов, новый начальник оперативного отдела.

— Вместо подполковника Чертока? — Мерецков поднялся из-за стола и подал мне руку. — Здравствуйте! Откуда прибыли?

— Из семьдесят третьей морской бригады, с должности командующего артиллерией.

— От Симонова?

— Так точно!

— Почему же бригада Синявинские высоты до сих пор не взяла? Пороху не хватило? — спросил командующий.

«Что ему ответить? Сам, наверное, знает причину наших неудач», — подумал я.

— Так точно, пороху не хватило! У немцев сильные укрепления. Артиллерии у нас достаточно, а снарядов мало. Нечем укрепления разрушать. Один раз высоту захватили, а удержаться не смогли…

— Это пока у всех слабое место. Прорвем, захватим, а закрепиться сноровки не хватает. Ну хорошо, докладывайте, Георгий Ермолаевич. Садитесь!

Я с любопытством рассматривал Мерецкова. Коренастый, среднего роста, лет пятидесяти. Широкий немного вздернутый нос придавал волевому усталому лицу добродушное выражение. Большие, сильные руки спокойно лежали на столе.

Доклад Дегтярева состоял почти из одних цифр. Плотность артиллерии, построение артподготовки, снаряды, эшелоны — сплошной статистический отчет. Мерецков задал ряд вопросов. Дегтярев быстро, лаконично ответил на них.

— Убедили, Георгий Ермолаевич. Так и оставим, переделывать не будем, — согласился Мерецков. — А Воронову еще раз позвоните насчет семнадцатой дивизии. Боюсь, как бы не запоздала.

— Звонил утром. Обещал ускорить переброску по железной дороге.

— Уточните, сколько привлекается к операции тяжелых орудий, — повернулся вдруг ко мне генерал армии.

Этот вопрос — своего рода экзамен. Но я уже хорошо знал план артиллерийского обеспечения операции, держал в памяти многие данные и ответил без задержки:

— Двести сорок орудий калибра сто пятьдесят два миллиметра и выше. Из них шестьдесят — двухсоттрехмиллиметровые гаубицы и двенадцать — двухсотвосьмидесятимиллиметровые мортиры.

— Солидная цифра, — удовлетворенно кивнул Мерецков и, посмотрев на меня, добавил: — Постарайтесь работать так, чтобы побольше творчества и поменьше ошибок. Ну, а теперь идите.

За несколько дней до начала наступления генералы и офицеры управлений и отделов разъехались в войска, чтобы на месте помочь командирам частей и соединений. В оперативном отделе остались только два офицера для ведения текущей работы: сбора донесений и информации.

Пункт управления войсками ударной группировки переместился ближе к войскам — на командно-наблюдательный пункт командующего фронтом.

Я также отправился на передовую.

— Товарищ подполковник, скоро наши в наступление перейдут? — спросил Степан Доронин, водитель нашей штабной

автомашины.

— Где?

— Как где? Там, куда едем.

Не знаю.

— Военная тайна? Мы-то, шоферы, все видим. Почти каждый день на передовой бываем. Все леса войсками забиты, как в январе перед прорывом блокады…

— Ну вот, сами и отвечаете на свой вопрос. Только смотрите за разговором не крутните в сторону, — предупредил я: больно уж лихо управлял Степан своим приземистым «виллисом», на полной скорости обгоняя колонну грузовиков.

— Не беспокойтесь. Я ведь безаварийный.

Действительно, шофером он оказался отличнейшим.

До самого конца войны я ездил с ним, и ни разу не было в дороге какой-либо неприятности по его вине. Доронин прибыл к нам из 884-го противотанкового артполка, где за боевые дела был награжден орденом Красной Звезды.

Машина, подпрыгивая на ухабах, приближалась к линии фронта. Послышались знакомые звуки орудийной стрельбы. Едва миновали мы перекресток дорог, как сзади раздались оглушительные взрывы. Дальнобойная немецкая батарея начала бить по перекрестку.

— Проскочили! — с удовлетворением отметил Доронин, знавший все участки дороги, просматривавшиеся противником.

— Вы, Степан, женаты?

— Нет еще. Но невеста есть.

— Где она сейчас?

— В Серпухове, в госпитале работает. Хотите, карточку покажу?

С фотографии глянула на меня очень красивая девушка. Доронин счастливо заулыбался, бережно пряча фото в карман.

— Куда теперь поедем? — спросил он, сбавив газ у развилки дорог.

Мы свернули на просеку, уводившую в глубь леса, к штабу 286-й стрелковой дивизии. Эта дивизия должна была наступать на правом фланге ударной группировки армии.

В 1943 году войска Волховского и Ленинградского фронтов предприняли несколько попыток разгромить мгинско-синявинскую группировку противника и расширить «коридор», связывавший Ленинград с Большой землей.

Враг в этом районе упорно сопротивлялся и готовился к более активным действиям. Несмотря на поражение своих армий у Волги, на Северном Кавказе, в Донбассе и на Дону, немецкое

командование, как видно, не оставляло надежды снова сомкнуть кольцо блокады вокруг города Ленина.

Для срыва замыслов противника войска правого крыла Волховского фронта провели две крупные наступательные операции: Карбусельскую — в марте и Мгинскую в июле — августе 1943 года. Кроме того, армии осуществили ряд частных операций: под Смердынью, под Новгородом, в районе Кириши. Мы наносили врагу удар за ударом, не давая ему сосредоточить силы для перехода в новое наступление.

Каждый командарм, каждый командир дивизии старался сбить фашистов с господствующей высоты, «срезать» угрожающий выступ — вражеский «аппендицит» — в своей обороне, захватить плацдарм на берегу, Мы пока не имели больших территориальных успехов, но зато враг нес ощутимый урон в живой силе и технике, а наши позиции становились все лучше и лучше.

К сожалению, о больших и малых операциях Волховского и Ленинградского фронтов, проводившихся в 1942–1943 годах, за исключением прорыва блокады Ленинграда, военные историки пишут очень мало, вероятно, по той причине, что операции не принесли существенных территориальных изменений.

Но в этих операциях закалялась наша армия, накапливался опыт ведения войны в тяжелых условиях, среди лесов и болот, аккумулировалась энергия для решительных ударов по врагу. Шаг за шагом грозной поступью шли наши войска по ступеням, ведущим к победе.

Сколько раз враг пытался перейти в наступление, но наше командование почти всегда наносило упреждающие удары, и планы противника лопались как мыльные пузыри. Такими упреждающими ударами явились, в частности, мартовская и июльско-августовская операции Волховского фронта.

Весь лес, площадью в двести пятьдесят — триста квадратных километров, был заполнен войсками. Артиллерия уже начала выходить по ночам в позиционные районы. Прорыв вражеской обороны был намечен на фронте протяженностью тринадцать километров, от Воронова до Лодвы, до правого фланга 54-й армии. К западу в пятидесяти километрах Ленинград. В четырех километрах севернее пролегала Кировская железная дорога. Там же — знакомое Тортолово.

286-й стрелковой дивизии предстояло наступать на правом фланге, в районе Воронова, где враг имел мощные опорные пункты. Штаб артиллерии дивизии разместился под деревьями среди сугробов. Одна землянка, две палатки и будка,

смонтированная на автомашине, — вот и все жилые сооружения. Чуть в стороне виднелись палатки, землянки и наспех сделанные шалаши штаба дивизии.

В будке, куда я едва протиснулся, находился начальник штаба артиллерии полковник Н. А. Герке со своим помощником. Они обсуждали детали плана артиллерийского наступления. На узком столе лежали карты, схемы огня и различные ведомости. Полковник познакомил меня с этими документами.

Дивизия усиливалась десятью артиллерийскими и минометными полками. Кроме того, ее поддерживали два тяжелых пушечных артполка из армейской группы дальнего действия, полк большой мощности (203-миллиметровые гаубицы), дивизион особой мощности (280-миллиметровые мортиры) и бригада реактивных установок М-30 из армейской группы разрушения. В полосе наступления только одной этой дивизии должны были вести огонь 420 орудий и минометов, из них три четверти составляли орудия калибра от 120 до 280 миллиметров. А всего в прорыве обороны в пяти дивизиях первого эшелона армии участвовало около 1600 орудий и минометов, не считая четырех полков и трех бригад реактивной артиллерии.

Я тщательно рассмотрел схему огня по периодам артиллерийского наступления. На шести листах восковки, наложенных друг на друга и совмещенных с картой, были нанесены разными цветами все участки подавления. Сразу видно, кто и когда поражает ту или иную цель. Все спланировано со знанием дела, все рассчитано. Меня беспокоило только одно: слишком много ненаблюдаемых целей. Чтобы уничтожить их, огонь придется вести по площади.

В будку забрался полковник Всеволод Константинович Лаптев, Герой Советского Союза. Я был лично знаком с ним, слышал о нем много хороших отзывов.

— Привет богам войны! — сказал он и поздоровался с нами. Распахнул полушубок, снял меховую шапку, вытер с худощавого лица растаявшие снежинки, присел к столу.

— Вот вам командир гаубичной бригады, — сказал полковник Герке. — Его цели — огневые средства и живая сила в опорных пунктах противника. Четыре полка у него, сила большая!

— Противника тоже много. Придется в две очереди подавлять…

Склонившись над столом, мы начали уточнять детали плана.

Разведка сил и средств противника, скрытый вывод артиллерии на огневые позиции, оборудование и маскировка боевых порядков, топографическая привязка, засечка целей,

пристрелка и определение установок для стрельбы на поражение, планирование огня артиллерии по конкретным целям и по каждому периоду наступления, постановка задач на местности, организация стрельбы прямой наводкой — этими и многими другими вопросами, в том числе организацией взаимодействия артиллерии с пехотой и танками, занимались мы в дни, предшествовавшие началу наступления. В этот период для штабных офицеров бывает особенно много работы.

По нашим расчетам, артиллерии и снарядов в дивизиях первого эшелона было достаточно. Каждая дивизия прорывала оборону в полосе не более двух с половиной-трех километров по фронту и имела по двести пятьдесят-триста орудий. Однако, проверяя огневое планирование, я в каждом соединении сталкивался с одним и тем же неразрешенным вопросом — недостатком разведывательных данных о противнике. А ведь от этого во многом зависел успех предстоящей операции.

Командование фронта прилагало большие усилия, чтобы провести подготовку наступления незаметно для противника, чтобы гитлеровцы не смогли определить район сосредоточения ударной группировки. В полосах соседних армий были организованы ложные передвижения специально выделенных частей, велась усиленная пристрелка и рекогносцировка переднего края, по ночам тарахтели тракторы и машины, имитируя накапливание войск.

17-я артиллерийская дивизия, выделенная нам решением Ставки, явно опаздывала. Первые полки ее начали прибывать в 8-ю армию лишь за два дня до наступления, остальные подтягивались в ходе самой операции. Это несколько изменило намеченную группировку артиллерии. Приходилось все время вносить коррективы.

19 марта в 8 часов ожил, загрохотал лес. Свыше 1600 орудий и минометов ударили по вражеским позициям. В полосе шириной тринадцать километров рвались десятки тысяч снарядов и мин. Горела земля, валился лес.

Прорезав огненными струями низкие облака, разом взвились в небо четыре тысячи реактивных снарядов. Вся эта лавина обрушилась на немецкие опорные пункты.

Первый огневой налет длился десять минут. Затем канонада ослабла — начался восьмидесятиминутный период разрушения и подавления отдельных целей. Глухо ухали двести сорок тяжелых орудий. Снаряды весом от сорока до двухсот килограммов били по дзотам противника, дробя накаты. Орудия, стрелявшие прямой наводкой, посылали снаряд за снарядом в амбразуры, проделывали бреши в обледеневших дерево-земляных заборах.

Часть орудий стреляла по объектам, обнаруженным в глубине вражеской обороны.

Около сотни тяжелых бомбардировщиков пролетело над задымленной землей. Авиаполки 14-й воздушной армии обрушили на фашистов свой смертоносный груз.

После периода подавления повторился десятиминутный огневой налет. Снова прогрохотали залпы реактивной артиллерии. И сразу же огонь с переднего края был перенесен в глубину боевых порядков противника. Началась демонстрация атаки. Чтобы отразить ее, фашисты вылезли из своих нор. В разных местах застрочили их пулеметы и автоматы, открыли огонь минометы. Этого мы только и ждали.

Противник был обманут. На головы гитлеровцев обрушился град снарядов. Десятиминутный налет, а потом — пауза. Огонь опять отодвинулся далеко в глубину. Уцелевшие вражеские солдаты снова вылезли из укрытий. И опять оказались в ловушке. Еще двадцать минут сыпались на них снаряды. Вся артиллерия, кроме контрбатарейной, сосредоточила огонь на переднем крае врага. Туда же с шипением понеслись реактивные снаряды.

Наша пехота изготовилась к броску. И вот артиллерийская подготовка, длившаяся 155 минут, закончилась. 160 тысяч снарядов и мин выпущено было за это время. Пехота и танки ринулись в атаку. Не встречая сопротивления, они быстро захватили ближайшие опорные пункты.

Удар оказался неожиданным для гитлеровцев. Наши снаряды и мины уничтожили фашистов, оборонявших первую траншею. Дивизии первого эшелона армии, прорвав первую позицию врага на фронте в семь километров, углубились в его оборону на полтора-два километра.

Не повезло только левофланговой 265-й дивизии, наступавшей в районе Лодвы. Здесь нашим батальонам удалось захватить лишь отдельные участки первой траншеи.

Во второй половине дня противник ввел вторые эшелоны и ближайшие тактические резервы, организовал упорное сопротивление. Наступление сразу стало затухать.

Началась борьба за отдельные опорные пункты и оборонительные сооружения. Враг часто переходил в контратаки, пытался восстановить положение, но эти попытки отражались с большими для него потерями. Немецкое командование подтягивало к участку прорыва свежие части с пассивных направлений. Если в первый день 8-я армия имела превосходство в силах и средствах, то в ходе операции она быстро теряла его. К тому же началась весенняя распутица. Танки вязли в глубоком снегу, в болотах и не могли поддержать пехоту.

8-я армия располагала достаточным количеством огневых средств, чтобы взломать и вторую позицию врага. Но артиллеристы ничего не видели в расположении противника, засевшего в лесу. А стрельба по ненаблюдаемым участкам нужных результатов не приносила.

Чтобы увидеть хорошо замаскированные оборонительные сооружения, нашим передовым наблюдателям приходилось подползать к ним на сто-сто пятьдесят метров. Но это удавалось редко: фашисты открывали по смельчакам губительный огонь. Неудачно заканчивались и попытки подтянуть на такое расстояние орудия для ведения огня прямой наводкой. Немцы расстреливали орудийную прислугу из автоматов и пулеметов.

Невзирая ни на что, наши артиллеристы старались всячески помочь пехоте. Командир батареи 1197-го артполка большой мощности старший лейтенант Власов подполз с одним из бойцов на двести метров к опорному пункту противника, опоясанному забором, и вызвал огонь. Несмотря на то что некоторые снаряды разрывались очень близко, он продолжал корректировать стрельбу. Переползая с места на место, Власов в течение трех часов разрушил огнем своей батареи четыре дзота. Пехота, воспользовавшись этим, атаковала противника и захватила опорный пункт.

Другой командир батареи, старший лейтенант К. П. Колбаса (из 1196-го артполка), действуя так же, как и Власов, в течение часа разрушил два дзота и тем самым открыл дорогу атакующей пехоте. Когда опорный пункт был захвачен, в одном из дзотов обнаружили 30 убитых фашистов.

Некоторые офицеры-артиллеристы, получившие ранения во время подобных стрельб, продолжали корректировать огонь до последней возможности. Так поступил лейтенант Н. Т. Стецкий из 172-го артполка, гвардии лейтенант Мясник из 445-го артполка, лейтенант Г. Б. Лисочкин из 430-го артполка. Примеров высокого мужества можно было бы привести очень много.

Бои продолжались до самого конца марта. Вклинившись в оборону противника на три-четыре километра и подойдя к населенному пункту Карбусель, войска 8-й армии в первых числах апреля приостановили дальнейшее наступление.

Территориальный успех был незначительным, мы отвоевали у противника всего лишь около тридцати квадратных километров болотистой земли. Но Карбусельская операция помешала немцам начать наступление, чтобы снова замкнуть кольцо блокады вокруг Ленинграда.

Одновременно с Карбусельской операцией войска 52-й армии вели наступление под Новгородом, захватили плацдарм на

западном берегу реки Волхов, но удержать его не смогли.

Весь апрель на участке 8-й армии шли тяжелые оборонительные бои. Противник пытался отвоевать прежние позиции. Но наши войска не отдали врагу ни одного метра земли. Немцы, понеся большой урон, прекратили атаки.

В мае в штаб фронта по разным каналам снова начали поступать тревожные сигналы: гитлеровцы готовят новое наступление на Ленинград. Командованием были приняты срочные меры для усиления обороны на всей фронте, и особенно на правом фланге, в полосе 8-й армии.

У противника появились новые танки — «тигр», «пантера» и самоходные орудия «фердинанд». Наши артиллеристы учились поражать эти мощные машины.

В войска фронта поступала качественно новая техника. Прибывали тяжелые танки, вооруженные 122-миллиметровой пушкой и четырьмя пулеметами. Эти танки по всем качествам превосходили бронированные машины гитлеровцев. Средний танк Т-34 вместо 76-миллиметровой пушки вооружался 85-миллиметровой. Значительно больше стало у нас и артиллерии, особенно противотанковой, реактивной и самоходной. Мы имели оружие самое совершенное по тем временам.

14 июня командующий фронтом генерал армии Мерецков дал указание о подготовке новой операции, целью которой был разгром намеревавшейся наступать мгинско-синявинской группировки противника. Эта операция называлась Мгинской и должна была осуществляться во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта.

8-я армия готовилась целый месяц. По железной дороге прибывали новые войска. Выгружались эшелоны с боеприпасами и горючим. Ставка разрешила по заявке фронта израсходовать 850 тысяч снарядов и мин — более тысячи вагонов. Единственная железная дорога была перегружена.

Штаб артиллерии фронта в эти дни был завален работой. На сон оставалось два-три часа. К нам приезжали командиры артиллерийских частей. Каждому из них нужно было дать необходимые указания. То генерал Дегтярев, то генерал Семенов, то полковник Черток вызывали меня со схемами, картами, ведомостями. По телеграфу велись переговоры с армейскими артиллеристами, аппараты отстукивали донесения, заявки, просьбы. И самое главное, конечно, — планирование артиллерийского обеспечения операции. Буквально некогда было сходить в столовую.

В наш штаб прибыл из Ставки командующий гвардейскими минометными войсками генерал-лейтенант артиллерии П. А.

Дегтярев. За ним шли эшелоны с реактивными частями и запасом снарядов. Он скрупулезно, придирчиво проверил планирование залпов реактивной артиллерии и остался недоволен тем, что планированием занимались в основном не сами минометчики, а наши операторы, под непосредственным наблюдением Георгия Ермолаевича Дегтярева и полковника Чертока.

Георгий Ермолаевич уже тогда настаивал на передаче гвардейских минометных частей в непосредственное подчинение фронту. Наш штаб постепенно брал в свои руки планирование боевых действий реактивной артиллерии. П. А. Дегтярев не возражал против этого. Он дал нам много практических советов, а в довершение всего увеличил ранее намеченное количество залпов.

Между тем фронтовые разведчики начали докладывать, что по всем данным ударная группировка гитлеровских войск готовится перейти в наступление не позже 24–26 июля. Надо было спешить.

19 июля командующий 8-й армией генерал-лейтенант Ф. Н. Стариков доложил генералу армии Мерецкову о готовности войск к штурму.

В ночь на 20 июля в полосе прорыва было сделано 120 проходов в минных заграждениях и снято 14 000 противотанковых и противопехотных мин. Следующей ночью пять стрелковых дивизий, выйдя из районов сосредоточения, сменили оборонявшиеся части и заняли исходное положение для наступления. Артиллерия к этому времени уже находилась на огневых позициях и ожидала сигнала.

22 июля в 6 часов 35 минут началась артиллерийская и авиационная подготовка. Два часа, то затихая, то усиливаясь, бушевал огонь. Стреляли тысяча восемьсот орудий. В глубине гитлеровской обороны наносила удары авиация, прочно завоевавшая господство в воздухе. Пятьсот шестьдесят самолето-вылетов было сделано за одни сутки.

Утро выдалось солнечное, теплое, ветра почти не чувствовалось, но через час после начала артподготовки густая пелена дыма и пыли заволокла окрестность. Когда огонь артиллерии был снят с первой траншеи противника и перенесен на триста — четыреста метров в глубину, то даже опытным офицерам казалось, что огневой вал остался на прежнем месте. Что же касается молодых пехотинцев, еще не участвовавших в боях, то они совсем растерялись и боялись голову поднять из окопа. Мы, артиллеристы, на этот раз, как говорится, перестарались. Прошло двадцать минут, а пехота не поднималась. Я находился на наблюдательном пункте командира 256-й

дивизии, в километре от переднего края. Нервничал командир дивизии генерал-майор Фетисов, нервничал и командующий артиллерией подполковник Керемецкий. Да и как сохранишь спокойствие в такой обстановке! А пехота, оглушенная громом канонады, никак не могла понять, что огонь артиллерии давно уже снят с объектов атаки. Ведь впереди, в дыму, продолжали грохотать разрывы.

Пришлось нам перенести огонь артиллерии еще глубже и резко ослабить его плотность. Подошли танки.

Вместе с ними пехота двинулась наконец вперед. Первая вражеская позиция была прорвана во многих местах. Когда рассеялся дым, местность было трудно узнать. Земля вспахана воронками, от леса остались обгорелые пни. Вместо ровного зеленого фона — огромные темно-коричневые и черные пятна. Там, где разрывались реактивные снаряды, долго клубился дым: огонь пожирал все, что могло гореть.

Вторую позицию, удаленную от первой на два — два с половиной километра, захватить с ходу не удалось. Слишком долго задержалась пехота с началом атаки, момент был упущен. Противник, опомнившись от удара, стал оказывать упорное сопротивление, переходя на отдельных участках в контратаки.

За два года немцы создали здесь мощную оборону со множеством траншей, пулеметных и орудийных дзотов и дотов, с убежищами, минными полями и другими заграждениями. Чтобы уничтожить все живое, способное оказать сопротивление нашей наступающей пехоте, нужно было долбить оборону противника тяжелой и реактивной артиллерией в течение многих часов. Но такие длительные артподготовки в итоге себя не всегда оправдывали: исчезала внезапность нападения, слишком велик был перерасход материальных средств.

В первую мировую войну французы проводили артиллерийские подготовки продолжительностью до нескольких суток, в результате чего первая немецкая позиция сравнивалась с землей. Французская пехота захватывала эти позиции, но дальше не продвигалась. Больше того, выяснялось, что немцы отводили свои войска в глубину, на вторую позицию, а французская артиллерия била по пустому месту.

Мы были сторонниками внезапных коротких, но мощных артподготовок. Главная надежда возлагалась на четкость взаимодействия родов войск, на стремительную атаку пехоты и танков, делавших бросок вперед, как только артподготовка заканчивалась и огневой вал переносился вперед. Неотступно следуя за огневой завесой, пехота должна была атаковать одну траншею противника за другой.

Но на этот раз наша пехота запоздала с атакой. Воспользовавшись этим, гитлеровцы выдвинули на вторую позицию первые эшелоны своей ударной наступательной группировки. Они не только усилили оборону, но стали наносить сильные контратаки.

Командующий фронтом, недовольный развитием операции на направлении главного удара, выезжал в дивизии, наблюдал за ходом боя и разбирался в причинах медленного продвижения наших войск.

Генерал Фетисов, оправдываясь перед Мерецковым, пытался, например, объяснить неудачи дивизии плохими действиями артиллерии. Я как раз присутствовал при этом разговоре. Командующий, обращаясь ко мне, спросил:

— Это, товарищ Морозов, камешек в ваш огород. Что вы скажете?

Я доложил свои соображения. Мерецков выслушал, не перебивая. Когда я закончил, генерал Фетисов хотел что-то сказать, но Мерецков остановил его:

— Все ясно! Артиллерия здесь ни при чем. Не смогли воспользоваться результатами ее огня. Надо выправлять положение.

Начальник штаба артиллерии дивизии майор А. В. Западов, которого командир дивизии обвинял в неправильном планировании огня, был реабилитирован. Мне нравился этот человек, его высокая эрудиция. До войны ему была присвоена ученая степень кандидата наук. При первой же встрече с ним я подумал: «Вот настоящая находка для нашего отдела». Через некоторое время майор Западов был переведен к нам, в штаб артиллерии фронта.

Перед соединениями 8-й армии встала задача: отразить сильные контратаки врага, не дать его главным силам перейти в наступление и осуществить задуманный план восстановления блокады. Среди болот и лесов столкнулись две мощные группировки. Завязалось кровопролитное сражение, длившееся почти целый месяц.

В августе напряжение боев не ослабло. Наши войска продолжали штурмовать опорные пункты и узлы сопротивления противника на господствующих высотах, захватывали их. Немцы упрямо лезли в контратаки, одни роты, скошенные огнем нашей пехоты и артиллерии, заменялись другими. Отдельные высотки и участки траншей неоднократно переходили из рук в руки.

11 августа, после тяжелых оборонительных боев, 8-я армия возобновила наступление, чтобы овладеть главными узлами сопротивления. Самый мощный из них находился на высотах

между Мишкино и Поречьем. Он состоял из нескольких опорных пунктов, оборудованных для круговой обороны.

Этот узел мне был хорошо знаком еще тогда, когда 73-я морская стрелковая бригада вела бои по прорыву блокады. Я не забыл, как с этих высот противник вел губительный фланговый огонь по 1-му батальону нашей бригады…

После короткой, но мощной артподготовки шесть дивизий первого эшелона армии перешли в наступление. Пореченский узел атаковали полки 256-й дивизии с батальонами 2-й штурмовой инженерной бригады. Их поддерживал танковый полк.

Мне кажется, что я никогда не волновался так, как во время этой атаки, хотя сам и не бежал рядом с бойцами, а только следил за ними с наблюдательного пункта.

Слабый ветерок доносил едва слышные звуки, которые прорывались через грохот разрывов и выстрелов. Пехота шла вперед с криком «ура!». Несмотря на заградительный огонь, бойцы стремительным броском достигли вершины и скрылись в лабиринте разрушенных траншей. Два года мечтал я об этом дне. И вот — дождался!

Осматривая впоследствии Пореченский узел сопротивления, я воочию убедился, насколько велика была разрушительная сила нашей артиллерии, особенно тяжелых реактивных снарядов. Наши залпы погребли под землей большую часть оборонительных сооружений. В некоторых уцелевших блиндажах и убежищах валялись трупы гитлеровцев, не имевшие никаких травм: видно, конец наступил от нервного потрясения.

А на подступах к высотам наши солдаты сносили тела погибших товарищей. Сопровождавший меня Степан Доронин взял горсть побуревшей земли и произнес тихо:

— Вот она, волховская землица. Сколько крови солдатской в себя впитала!..

Да, в этих местах трудно было отыскать квадратный метр, на котором за два года боев не оборвалась бы чья-то жизнь…

На других участках в этот день войска фронта продвинулись вперед незначительно. Кое-где удалось вклиниться в оборону противника и захватить ряд опорных пунктов, в том числе и такие мощные, как Тортолово.

Но после они неоднократно переходили из рук в руки. 379-я дивизия не смогла удержать Тортолово, и оно опять оказалось у противника.

— Второй раз пришлось штурмовать это проклятое Тортолово, и опять неудачно, — пожаловался полковник Николай Васильевич Симонов, когда я приехал к нему на командный пункт.

Еще несколько дней не стихали вражеские контратаки. Однако было уже ясно, что ударная группировка немецких войск, нацеленная на восстановление блокады Ленинграда, потеряла силу, оказалась на грани разгрома. Пленные фашисты сообщали об огромных потерях, понесенных немецкими дивизиями.

20 августа командующий Волховским фронтом приказал продолжать наступление с тем, чтобы окончательно измотать противника и вынудить его отойти с занимаемых позиций. Но вскоре Ставкой это наступление было приостановлено, и войска перешли к жесткой обороне на всем фронте.

Расход боеприпасов за время операции был очень велик, намного больше, чем в других армейских операциях того времени. Командующий артиллерией Советской Армии генерал Н. Н. Воронов направил своего представителя генерала М. П. Дмитриева расследовать, в чем дело. Но как ни подсчитывали, предъявить серьезных претензий к нам никто не смог. Генерал Дмитриев понимал, что стрельба по сильно укрепленным позициям требует большого расхода снарядов. Как раз к этому моменту стало известно, что Ставка положительно оценила результаты Мгинской операции. Расследование было прекращено.

За месяц упорных боев войска 8-й армии не прорвали вражескую оборону на всю ее глубину, но зато полностью сняли угрозу, нависшую было над Ленинградом. Противник потерял около сорока тысяч человек. Немецкое командование отказалось от повторных попыток блокировать город-герой. Инициатива полностью перешла в наши руки.

Советские войска в центре и на юге страны продолжали стремительно гнать гитлеровцев на запад, очищать родную землю от фашистских захватчиков. Враг был изгнан из Донбасса, с Левобережной Украины и Таманского полуострова, из восточной части Белоруссии. Линия фронта подошла к реке Сож, к Кричеву и Пропойску (Славгороду), где в июле — августе 1941 года вела бои 55-я стрелковая дивизия.

В канун празднования 26-й годовщины Великого Октября была освобождена столица Украины — Киев.

Мы, волховчане, с нетерпением ждали, когда придет наша очередь двинуться вперед. И вот поступила директива на подготовку новой наступательной операции, на сей раз с решительными и далеко идущими целями. Перед нашим и Ленинградским фронтами была поставлена задача разгромить вражеские группировки под Ленинградом и Новгородом и создать благоприятные условия для проведения последующих операций с целью освобождения Прибалтики.

В штабе и в управлениях фронта закипела большая подготовительная работа. Три месяца усиленными темпами шла боевая подготовка войск, проводились сборы руководящего состава, командно-штабные игры, тактические учения. Одновременно с этим производились необходимые перегруппировки. Подвозились и накапливались снаряды, патроны, горючее, продовольствие, фураж и многое другое, без чего нельзя воевать.

Усилили свою деятельность советские партизаны. Восемь партизанских бригад общей численностью около семнадцати тысяч человек подрывали мосты, нарушали железнодорожное движение, нападали на вражеские штабы. Народные мстители оказали войскам фронта большую помощь.

Гитлеровцы чувствовали, что над ними нависла гроза. Десятками эшелонов они начали вывозить в Германию скот, хлеб, оборудование предприятий, различные ценности. Местное население было согнано на строительство оборонительных сооружений. Враг везде готовился к упорному сопротивлению.

Армии нашего фронта тем временем продолжали проводить частные операции, сбрасывали гитлеровцев с господствующих высот, захватывали плацдармы. 3 октября части 4-й и 54-й армий внезапным ударом выбили врага из района Кириши, Посадникова острова, Мягры и, продвинувшись на 15 километров, срезали выступ в немецкой обороне.

Для отвлечения внимания противника от новгородского направления, где планировался главный удар, войска 8-й армии осуществляли демонстративные действия: части сосредоточивались и перегруппировывались без соблюдения строгих мер маскировки.

Мы провели недельные сборы с начальниками штабов артиллерии дивизий, с командирами артиллерийских и минометных частей и с их начальниками штабов. Из-за большого числа слушателей сборы пришлось проводить в две очереди.

К нам прибывало много артиллерийских командиров, участвовавших в боях на других фронтах. Нужно было как можно скорее ввести их в курс дела. Появилась острая необходимость обобщить накопленный опыт и выработать в масштабе фронта единые приемы и методы организации и проведения артиллерийского наступления, наиболее целесообразные для прорыва сильно укрепленной оборонительной полосы в нашей лесисто-болотистой местности.

У каждого фронта была своя школа, часто зависевшая от взглядов командующих артиллерией фронтов, армий и их штабов. Так, например, командующий артиллерией

Ленинградского фронта считал необходимым проводить артподготовку с ограниченным количеством периодов. Поддержка пехоты во время атаки велась не по принципу всеми признанного огневого вала, а так называемым методом сползания, который выработал сам командующий.

Когда я был в штабе артиллерии Ленинградского фронта (летал туда для обмена опытом), командующий артиллерией настойчиво предлагал нам, волховчанам, применить этот метод. Но генерал Дегтярев и мы, операторы, сочли, что такой метод не> подходит для наших условий.

У командующих артиллерией других фронтов были свои взгляды на построение артподготовки, на методы поддержки атаки, на группировку артиллерии и другие вопросы артиллерийского наступления. На 1-м Украинском фронте применяли, например, так называемый нарастающий огневой вал, а при создании группировки большую часть орудий включали в группы поддержки пехоты. Генерал Дегтярев считал, что их девиз «Давать артиллерию тем, кто дерется» являлся своего рода страховкой, так как в случае неудачи можно было сказать командирам стрелковых полков: «Я вас обеспечил орудиями, а вы не справились с поставленной задачей». Сам генерал Дегтярев очень большое значение придавал стрельбе прямой наводкой, и мы иногда даже перебарщивали в этом деле.

Советские артиллеристы искали на всех фронтах наиболее эффективные формы, способы и методы применения крупных масс артиллерии. Надо сказать, что найденные формы и методы в общем оправдывали себя в конкретных условиях данного фронта. Во всяком случае, шаблона не было. Штаб артиллерии Советской Армии под руководством генерала Федора Александровича Самсонова обобщал весь опыт боевого применения и использования артиллерии: мы систематически получали по этому вопросу материалы с выводами и практическими рекомендациями.

Сборы офицеров-артиллеристов проводились в покинутой жителями прифронтовой деревушке. Кругом лиственный лес, густо припорошенный снегом. Все располагало к спокойной учебе. Главные пункты нашей программы: обобщение опыта организации и планирования артиллерийского наступления, выработка единых взглядов и ликвидация кустарщины в этом важном вопросе. Был рассмотрен весь комплекс работы артиллерийских командиров. Особое внимание уделялось подавлению живой силы и огневых средств противника в траншеях, так как гитлеровцы отказались от очаговой обороны и

повсеместно перешли к траншейной системе.

Слушатели этой своеобразной фронтовой академии отнеслись к учебе с большим интересом. Напряжение было велико. Ежедневно десять часов занятий и четыре часа самоподготовки. Но многие засиживались над картами, схемами и планами сверх положенного времени: каждому хотелось получить как можно больше знаний.

Обмен боевым опытом и выработка единых взглядов и методов принесли значительную пользу при подготовке новой наступательной операции.

Одновременно с нами сборы проводил и разведотдел штаба артиллерии фронта. На эти сборы были привлечены офицеры-разведчики из артиллерийских штабов армий, дивизий и частей.

Организовали мы и конференцию с руководящим составом артиллерии, где были рассмотрены наиболее актуальные вопросы предстоящего наступления. В заключение мы с офицерами артиллерийских штабов провели трехдневную игру на картах.

Мне и моим товарищам по отделу приходилось выезжать в соединения на учения, на подведение итогов боевой подготовки. Проверка показала, что все штабы и войска готовились к предстоящему удару по противнику основательно. Полковые и батальонные учения проводились, как правило, на местности, где были оборудованы опорные пункты, скопированные с тех немецких позиций, которые предстояло штурмовать.

Перед планированием артиллерийского обеспечения опять остро встал вопрос о разведке, об уточнении расположения оборонительных сооружений и огневых средств противника. Нужно было провести аэрофотосъемку всех оборонительных рубежей, которые предстояло прорывать нашим войскам. Подсчитали площадь — цифра получилась очень солидная. Мы с майором П. В. Муштаковым, помощником начальника разведотдела, составили карту-заявку для съемки вражеской обороны на глубину до двухсот километров: на запад и юго-запад от Новгорода.

Генерал Дегтярев даже головой покачал.

— За такую работу воздушная армия вряд ли возьмется, генерал Журавлев сократит объем раза в два. И на меня обидится, что я ему такую пилюлю подсунул, — сказал он, но карту подписал. — А утверждать к Мерецкову идите сами.

Пошли мы к командующему. В непроглядной темени с трудом добрались до его дома. Мерецков внимательно рассмотрел карту-заявку. Возражений с его стороны не было, наоборот, он даже на некоторых рубежах увеличил площадь съемки. Заявка была утверждена. Муштаков тут же отправился в

штаб 14-й воздушной армии к генералу Журавлеву. Тот долго изучал заявку, ворчал на Дегтярева, но потом сказал:

— Раз нужно — выполним в срок, все дело за погодой.

Порфирий Васильевич Муштаков следил за ходом съемки, подталкивал авиаторов. Этот офицер отличался большим трудолюбием и знанием дела. Если с Перловым иногда трудно было договориться по какому-либо вопросу, то я обращался к Муштакову, который понимал меня с полуслова. Он немедленно выполнял все наши заявки, доставал необходимые документы и справки. С ним приятно было работать. К нам он прибыл с должности начальника разведотделения штаба артиллерии 4-й армии. Сам ленинградец, там кончал артиллерийское училище. Мать его осталась в осажденном городе, в марте 1942 года была эвакуирована, но в дороге, на ледовой трассе Ладожского озера, умерла, так и не повидав сына…

Разведывательный полк воздушной армии выполнил всю нашу заявку. Мы получили большую кипу снимков. Требовалось дешифрировать их, найти оборонительные сооружения противника, перенести со снимков на карту. Эту работу выполнили под руководством Муштакова офицеры разведотдела старшие лейтенанты В. А. Бузков, В. С. Еремеев и топограф инженер-майор С. А. Матвеев — знающие и опытные специалисты. Еремеев до войны работал в институте преподавателем по аэрофототопографии, а Бузков занимал должность начальника цеха на фабрике «Техфильм». Они превосходно справились с порученной им работой.

Карты были разосланы во все штабы и подразделения. Артиллеристы получили необходимые данные для планирования огня. Накануне наступления провели контрольное фотографирование, чтобы узнать изменения в обороне противника.

Наш оперативный отдел занялся планированием артиллерийского наступления, составлением принципиальной схемы огня, графика расхода боеприпасов, плана вывода артиллерии в позиционный район и отработкой многих других документов.

Хорошо, инициативно потрудились все офицеры отдела, особенно майор Юрий Павлович Забегайлов и старший лейтенант Сергей Сергеевич Жимшидов. Они были у меня, как говорят, правой рукой. Подполковник Л. И. Маликин и майор А. В. Западов обобщили опыт предшествовавших боевых действий артиллерии фронта: выводы были отправлены в части для практического применения.

По заданию генерала Дегтярева мы подготовили и разослали

в войска брошюру о наиболее правильном применении орудий для ведения огня прямой наводкой в лесисто-болотистой местности.

Наш отдел значительно обновился. Подполковники Гвоздевич и Янович были назначены командирами артполков, Оборин уехал учиться в академию. Новые офицеры Забегайлов, Западов, Жимшидов и подполковник В. А. Овсянников быстро вошли в курс дела. Любое поручение они выполняли точно и добросовестно.

После окончания планирования все офицеры отдела разъехались по артиллерийским частям, чтобы контролировать ход подготовки к наступлению и на местах оказывать практическую помощь.

В штабах артиллерии армий, корпусов и дивизий первого эшелона работы было еще больше, чем у нас. Фронтовые директивы и указания преобразовывались там в конкретный план для всех исполнителей. Огневые задачи артиллерии армии распределялись на карте и на местности между корпусами, в корпусах — между дивизиями, в дивизиях — между группами, в группах — между дивизионами и, наконец, в дивизионах — между батареями.

Вражеские позиции разбивались на полосы, секторы, районы, участки. Разведкарты и схемы огня запестрели цветными квадратиками, прямоугольниками, кружками. Каждая цель, каждый участок подавления имел определенный цвет, временно присвоенный той группе артиллерии, за которой эта цель закреплялась.

В расположении наших войск нарезались полосы — участки прорыва, выделенные каждому соединению, каждой части. Назначались рубежи наблюдательных пунктов. Общий позиционный район артиллерии делился между артиллерийскими группами, дивизионами и батареями, чтобы в определенное время без путаницы вывести в этот район всю массу сосредоточившейся в лесах артиллерии…

Наконец подготовка закончилась. Южнее Новгорода, на берегу озера Ильмень, изготовилась группа войск под командованием генерал-майора Т. А. Свиклина. Ночью эта группа должна была переправиться через озеро, захватить плацдарм и развивать с него наступление на Люболяды, обходя Новгород с юга. А в восемнадцати километрах севернее 6-й и 14-й стрелковые корпуса 59-й армии прорывали оборону врага с плацдарма на западном берегу Волхова, на участке Любцы — Котовицы. Главный удар эти корпуса тоже наносили на Люболяды. По замыслу командования две эти группировки,

наступая по сходящимся направлениям, окружали немецкие войска, которые оборонялись в районе Новгорода.

В назначенный Ставкой день, 14 января 1944 года, севернее Новгорода загрохотали 1800 орудий и минометов. Погода в этот день не благоприятствовала нам. Метель слепила глаза, заволокла снежной поземкой все поле сражения. Целей почти не было видно, поэтому огонь наших орудий прямой наводкой и стрельба на разрушение оказались явно не эффективными. Авиация 14-й воздушной армии не смогла нанести запланированных бомбовых ударов. Она появилась в воздухе лишь на следующий день.

Закончилась 110-минутная артподготовка, и с таким же темпом огня началась поддержка атаки. Гром канонады не смолкал ни на минуту. Пехота и танки двух корпусов атаковали вражеские позиции, но проследить ход боя было невозможно. Все закрывали нависшая над землей снежная пелена и дым от разрывов.

Вскоре выяснилось, что бой принял затяжной характер. Успехи нашей пехоты вначале оказались крайне незначительными. На отдельных участках она захватила лишь первую траншею противника.

Целый день шла ожесточенная борьба за каждый клочок земли. К вечеру войска продвинулись вперед только на пятьсот — тысячу метров, захватив одну-две траншеи и опорные пункты, расположенные на переднем крае.

В чем же дело? Неужели наступление замрет, как во время Мгинской операции? Неужели мы допустили ошибки? Эти мысли не давали покоя. Волновались и переживали все — от командующего войсками фронта до солдата.

С наблюдательных пунктов 5-й минометной бригады, куда я приехал, ничего не было видно. По сугробам мела поземка. Командиры батарей, находившиеся рядом с командирами рот, не могли обнаружить огневые точки противника. Но, как только роты пытались продвинуться вперед, гитлеровцы открывали пулеметный и автоматный огонь. Бойцы залегали.

— Просто не знаю, что делать, — раздраженно сказал командир бригады полковник Е. А. Титарь. — У немцев здесь почти через каждые сто метров дзот или дот. Стрелять по площади бесполезно, только зря снаряды сожжем. Нарезники выставили на прямую наводку шут знает сколько орудий, а их на двести метров к дзотам не выдвинешь. Перебьет дьявол…

— Хоть бы на полкилометра видно было, — вздохнул я.

— Мало, — возразил Титарь. — Пехота вмялась в оборону противника, как пальцы в тесто. Одна рота впереди, другая —

сзади. Вот и попробуй разобраться, где свои, где чужие…

— Уточняйте установки для стрельбы, в такую погоду они быстро меняются, — посоветовал я. — Выдвигайте передовых наблюдателей, пусть сами находят цели и подавляют их. Командарм, видимо, введет в бой вторые эшелоны. Утром опять с артподготовки начнем.

Из 5-й минометной бригады я поехал к командиру 2-й артиллерийской дивизии полковнику Седашу. Константин Афанасьевич тоже не сказал мне ничего утешительного. Все его командиры бригад докладывали о незначительном продвижении пехоты и плохой видимости. С наступлением темноты нам пришлось, выполняя приказание Дегтярева, выставить для стрельбы прямой наводкой легкую артбригаду этой дивизии и часть тяжелых орудий. Легкой бригадой командовал полковник М. З. Браво-Животовский, он быстро справился с поставленной ему задачей.

Лучше обстояли боевые дела южнее Новгорода, где группа генерала Свиклина в ночь на 14 января под завывание вьюги форсировала по льду озеро Ильмень и захватила плацдарм на его западном берегу. К исходу дня этот плацдарм был расширен до четырех-пяти километров по фронту и на столько же в глубину.

Были получены по ВЧ весточки с Ленинградского фронта: 2-я ударная армия перешла в наступление с приморского плацдарма в направлении на Ропшу. За день она вклинилась в оборону противника на два-три километра. Значит, и у ленинградцев наступление тоже пока шло туго. Взломать сильно укрепленную, долговременную оборону противника было одинаково нелегко войскам обоих фронтов.

Ночью части и подразделения приводили себя в порядок, закрепляли захваченные рубежи, готовились к новым атакам.

На переднем крае солдаты поочередно отдыхали по два-три часа. В захваченных блиндажах и убежищах было неплохо: метель здесь не достанет, а в груде человеческих тел, прижавшихся друг к другу, тепло. Куда хуже в открытом окопе, где поддувает со всех сторон. Спасают полушубок да спины товарищей. А накроешься плащ-палаткой от ветра — можно и подремать. Хорошо бы высушить портянки, опорожнить полкотелка горячих наваристых щей и выпить кружку чаю, но это — роскошь. Банка консервов на троих или кусок копченой колбасы с сухарем — вот и весь ужин. А если хозяйственное отделение работает отлично, не заблудится в сугробах, то, глядишь, появится и термос с кашей и чаем.

Бодрствующие смены на передовой зорко следили за врагом. Обе стороны после дневного боя притихли. Вспыхивала лишь редкая перестрелка. Над линией фронта то и дело взлетали

осветительные ракеты: встревоженные гитлеровцы боялись ночных атак.

Контрбатарейная группа продолжала подавлять немецкие орудия, которые вели огонь по узлам наших дорог, по переправам и тылам. Этой группе дальнобойной артиллерии ночь не помеха. Звуковая разведка засекала каждую стрелявшую батарею фашистов.

Всю ночь под самым носом у противника наши артиллеристы отрывали окопы и подкатывали к ним орудия различных калибров от 45-миллиметровых пушек до 152-, 203-миллиметровых гаубиц. Около трехсот орудий должны были с утра ударить по врагу прямой наводкой.

На огневых позициях глухо стучали кирки, ломы и лопаты, вгрызавшиеся в мерзлую землю: до рассвета позицию надо оборудовать и замаскировать, надо направить орудия в цель, поднести снаряды, подготовить их к стрельбе, проверить прицельные приспособления, противооткатные устройства. Столько дел, что едва управишься до утра.

В нашем отделе никто не ложился спать. Составлялись сводки и донесения, готовились новые распоряжения. Операторы устало склонились над картами. Черные тени покачивались на мокрой стене землянки. Идея новой артподготовки, нового графика огня, рожденная в штабе артиллерии фронта, должна была за ночь, пройдя все многоступенчатые инстанции, воплотиться в точные установки для стрельбы по конкретным целям.

Утром опять началась артиллерийская подготовка. Она была значительно слабее вчерашней. Нельзя же ежедневно расходовать по 150–200 тысяч снарядов и мин. Такой праздник для артиллеристов выпадает, как правило, лишь в первый день наступления.

Погода улучшилась, снежная мгла рассеялась, открыла траншеи, снежные холмики дотов и дзотов с черными, едва заметными щелями амбразур. Теперь-то им достанется, орудия прямой наводкой пошлют туда свои смертоносные «гостинцы»!

Артподготовка близилась к концу. Сзади нарастал гул танковых моторов. Могучие машины в вихре снежной пыли выходили вперед, на рубеж атаки.

Огонь артиллерии скачком сместился на триста — четыреста метров. Танки, обгоняя пехоту, ринулись на врага. На этот раз атака была удачной. Наши войска прорвали главную позицию гитлеровцев, захватили крупный узел сопротивления, опоясывающий Подберезье, оседлали железную дорогу Новгород — Чудово. А южнее группа генерала Свиклина перерезала

железную дорогу Новгород — Шимск.

Но враг не дрогнул, не побежал. Немцы ввели в бой свежие дивизии. Части 59-й армии, преодолевая упорное сопротивление фашистов, медленно продвигались вперед, отвоевывая метр за метром.

В этот день перешли в наступление войска 54-й армии нашего фронта. Ленинградцы прислали короткую телеграмму: 42-я армия пробивается из района Пулково на Ропшу, навстречу 2-й ударной армии, чтобы окружить немецкие войска, осаждавшие Ленинград. Сражение за освобождение ленинградской и новгородской земель развернулось на огромном пространстве, втягивая в себя все новые силы.

Для развития успеха 18 января командование ввело в бой севернее Новгорода 112-й стрелковый корпус с 122-й танковой бригадой. Главная оборонительная полоса противника была прорвана на всю глубину. А через сутки войска 59-й армии, наступавшие с севера, и группа генерала Свиклина, наступавшая с юга, соединились в двадцати километрах западнее Новгорода, окружив остатки немецких войск.

В этот же день в районе Ропши, в ста пятидесяти километрах к северо-западу от 59-й армии, соединились войска 42-й и 2-й ударной армий Ленинградского фронта. Фланговые группировки 18-й немецкой армии оказались разгромленными.

Окруженные под Новгородом немецкие части были разбиты, а три тысячи уцелевших солдат и офицеров сдались в плен. Советские полки ворвались в древний Новгород! Во вражеской обороне образовалась огромная брешь — около пятидесяти километров по фронту и до двадцати пяти километров в глубину.

Москва салютовала нам двадцатью залпами из 224 орудий. Частям, участвовавшим в разгроме вражеских войск на нашем участке, было присвоено наименование Новгородских.

За семь дней соединения 59-й армии генерала И. Т. Коровникова освободили около тысячи квадратных километров родной земли. Но какой земли! Под варварским фашистским сапогом она превратилась в почти безлюдную пустыню. Десятки населенных пунктов в прифронтовой полосе числились только на картах, а на местности, под толстым снежным покровом, нельзя было найти даже их развалин. Немецкие захватчики растащили все постройки на топливо, на строительство блиндажей, дзотов, землянок. Даже кирпичей от печных труб не оставили.

Жуткая картина открылась нашим глазам, когда мы въехали в Новгород. Гитлеровцы почти полностью уничтожили его, уцелело лишь около полусотни домов. Соборы и музеи разграблены. Памятник «Тысячелетие России» фашисты разрушили, статуи

богатырей были распилены и подготовлены к отправке в Германию…

Выехав из разрушенного города по дороге на Люболяды, я встретил офицера оперативного отдела штаба фронта капитана П. Я. Егорова, возвращавшегося с передовой.

— Прямо не проскочите, надо в объезд, — предупредил он. — Там наши крепко поработали. Ну, сами увидите, — махнул он рукой.

Вскоре мы увидели впереди то, что осталось от разгромленной вражеской колонны. Вся дорога была забита обгоревшими машинами, разбитыми штабными автобусами, радиостанциями, танками, брошенными орудиями. А вокруг них — сотни трупов гитлеровцев.

Шофер Доронин и ехавший со мной старший лейтенант Жимшидов умолкли при виде этой картины. Наша машина долго петляла по тряской объездной дороге, пока не миновала трехкилометровое кладбище фашистских завоевателей.

Темпы наступления наших войск нарастали с каждым днем. Полки продвигались в среднем на пять-шесть километров в сутки. Наконец-то и наши карты запестрели красными линиями, перемещавшимися на запад! Долгие месяцы эти линии, отмечая положение войск фронта, были неподвижны, лишь на некоторых участках они то немного уходили вперед, делая вмятину во вражеской обороне, то отскакивали назад. А теперь они неудержимо устремились на запад. За каждой такой линией — тысячи советских воинов, сотни орудий и танков. Все больше и больше освобожденных населенных пунктов оставалось за красной линией.

21 января пришло в движение и северное крыло нашего фронта. Войска 8-й армии освободили Мгу. В честь этой победы снова прогремел салют. Полкам и дивизиям, штурмовавшим Мгу, было присвоено наименование Мгинских.

Войска 54-й армии перерезали железную дорогу и шоссе Ленинград — Чудово, освободили Любань, Тосно и продолжали развивать наступление на юг, на Оредеж.

От Копорского залива Балтийского моря до озера Ильмень, в полосе шириной свыше трехсот километров, развернулось мощное наступление армий Ленинградского и Волховского фронтов.

Во всех управлениях и отделах фронта царило радостное оживление. Телефон и телеграф приносили все новые и новые победные вести. Обстановка менялась так быстро, что каждый день приходилось доставать новую карту.

Наше управление разделилось на две части, оперативная

группа во главе с генералом Дегтяревым находилась на командно-наблюдательном пункте командующего войсками фронта, который был выдвинут вперед, поближе к войскам. Остальные офицеры, вместе с начальником штаба Чертоком, работали на вспомогательном пункте управления — под Новгородом. Здесь же, на ВПУ, были генералы Воеводин и Чумак со своими помощниками. Они почти не появлялись на пункте, все время пропадали в войсках. Наша группа тоже не сидела на месте. Мы то и дело выезжали в части с заданиями генерала Дегтярева.

К исходу каждого дня подводились итоги: потери, трофеи, расход и остаток снарядов. Ровными черными кружками и овалами ложились на карту районы огневых позиций артчастей. Вчера они были в одном месте, а сегодня переместились, не отстают от красной линии, продвинувшейся вперед. Карту с положением артиллерии мы докладывали Дегтяреву и Мерецкову. На ней видно многое: где артиллерия огнем и колесами сопровождает пехоту, где она отстала из-за бездорожья, где имеется мощный огневой «кулак», а где он ослабел.

Наши разведчики взяли под строгий контроль артиллерийские группировки противника. В разведотделе суммировались различные сведения: показания пленных, донесения партизан и разведгрупп, засылаемых в тыл врага, данные воздушной, наземной и инструментальной разведки. Над полем боя висели аэростаты 6-го воздухоплавательного отряда. Разведку и корректировку огня вели также самолеты 33-й и 44-й отдельных корректировочных авиаэскадрилий.

На основе итогов боевого дня производится анализ сложившейся обстановки, делаются выводы. Командующий войсками принимает решение на следующие сутки. Весь аппарат фронта и армий работает над претворением этого решения в жизнь. Перегруппировываются войска, маневрирует артиллерия, из тыла подвозят боеприпасы, горючее и все необходимое для боя.

В оперативном отделе в соответствии с принятым решением рождается план огневого удара по врагу. Детали плана уточняются в штабах артиллерии армий, корпусов, а конкретное огневое планирование проводится в дивизиях и артиллерийских группах.

Сводки, донесения, ведение карт, оформление решений, доведение их до исполнителей, вопросы взаимодействия и многое другое занимают почти круглые сутки. Отдыхать некогда. Возбужденный мозг, кажется, и не требует сна. Все офицеры на ногах. Дремлем в машинах по пути в войска и на обратной

дороге.

На тринадцатый день операции враг был отброшен на восемьдесят — девяносто километров к югу от Ленинграда и на шестьдесят километров к западу от Новгорода. Войска Ленинградского фронта развивали наступление на Лугу, навстречу 59-й армии.

К этому времени управление 8-й армии, передав часть своих войск 54-й армии, а часть — Ленинградскому фронту, переехало на левый фланг фронта. Здесь в суточный срок 8-я армия возродилась снова, но уже в другом составе: в нее вошла половина войск 59-й армии, фронт наступления которой достиг ста километров, что затрудняло руководство дивизиями.

В конце января и начале февраля мне часто приходилось бывать в артиллерийских частях 8-й армии. Армия имела задачу наступать южнее города Луга, обойти его и тем самым содействовать 59-й армии в быстрейшем захвате этого важного узла коммуникаций противника. К исходу 1 февраля 256-я дивизия клином врезалась в оборону врага и оседлала шоссе Луга — Псков в районе Заплюсья (сорок километров южнее Луги). Авангардные части 59-й армии, преследуя противника, продвигались к Луге с востока.

Войска обеих армий длинными колоннами растянулись на дорогах. Из-за снежных заносов прекратилось планомерное снабжение частей боеприпасами, горючим и всем необходимым для боя. Как раз в этот момент, неблагоприятный для наших войск, вырвавшихся вперед, противник нанес сильный контрудар в двух встречных направлениях: его 12-я танковая дивизия начала наступать вместе с одной пехотной дивизией от Луги на юго-восток, на Великое Село и Турскую Горку; две пехотные дивизии гитлеровцев двинулись из района Уторгоша в направлении на Великое Село.

Этот контрудар, нанесенный под основание передовых частей 8-й армии, был неожиданным, никто не предполагал, что противник может проявить такую активность. Наши соединения оказались в затруднительном положении. Быстро сосредоточить войска для парирования удара было невозможно из-за бездорожья. Ценой больших потерь противнику удалось вклиниться в боевые порядки наших дивизий и несколько потеснить их.

Между передовыми частями, вышедшими на шоссе Луга — Псков, и главными силами армии остался только узкий «коридор» шириной до двух и длиной до десяти километров. Обстановка очень быстро менялась, связь нарушалась.

В полуокружении оказались 256-я дивизия, которой

командовал полковник А. Г. Козиев, подразделения 372-й дивизии и 5-й партизанской бригады. Противник ежедневно атаковал эти части, но они отражали натиск гитлеровцев и удерживали свои позиции. Однако «коридор» все время суживался. Командование фронта приняло срочные меры для ликвидации неблагоприятной обстановки и улучшения снабжения войск всем необходимым для боя. Самолеты сбрасывали 256-й дивизии продовольствие, медикаменты и патроны.

Хуже обстояло дело с боеприпасами для пушек и минометов. О подвозе снарядов на машинах нечего было и думать. Через узкую горловину могли пройти только люди, да и то ночью. Снаряды несли на руках или перевозили на самодельных санках. Трудная это была работа. Полушубки, валенки и оружие стесняли движения. А снять полушубок — мороз сразу скует тело. Ноги по колено вязли в рыхлом снегу.

По «коридору», освещаемому ракетами, всю ночь тянулась длинная цепочка людей, которые несли снаряды и мины. Цепочка редела под перекрестным огнем противника, раненые отползали назад, их заменяли другие. Благодаря мужеству тех, кто подносил боеприпасы, наши части, оборонявшиеся в полуокружении, удерживали свои позиции.

Однажды, вернувшись на командно-наблюдательный пункт, я доложил генералу Дегтяреву о положении на участках 8-й армии, о трудностях сосредоточения артиллерии, о застрявших колоннах машин с боеприпасами, о необходимости увеличить число бульдозеров и тракторов с угольниками для расчистки дорог. Дегтярев тут же позвонил начальнику инженерных войск фронта генералу А. Ф. Хренову, попросил оказать помощь. Потом он подробно ознакомился с положением дел в «коридоре», ведущем к полуокруженным войскам, и приказал:

— Выделите одного офицера помоложе и поздоровее. Задание у меня есть. Кто поедет?

— Старший лейтенант Жимшидов.

Этот офицер получил распоряжение ехать в 256-ю дивизию. Он должен был передать командующему артиллерией устный приказ Дегтярева: из окружения не выходить, держаться во что бы то ни стало, до последнего снаряда и патрона. И предупредить, что скоро вражеское кольцо будет разорвано.

— Доберись обязательно, — сказал генерал.

— Живой буду, доберусь. А убьют — не взыщите, — ответил Жимшидов.

Через двое суток, 10 февраля, противник сбил наши подразделения, оборонявшиеся в «коридоре», и отрезал 256-ю

стрелковую дивизию от основных сил 8-й армии. Остался единственный путь снабжения — по воздуху, но и этому мешала нелетная погода.

На третьи сутки вернулся Жимшидов. Едва успев доложить, что задание выполнено, он тут же свалился на пол и уснул.

После отдыха Жимшидов подробно рассказал о своей поездке. Километрах в пятидесяти за Новгородом машина, на которой он ехал, закапризничала. Видимо, от перенапряжения сдал мотор (все время приходилось объезжать по снегу колонны войск и грузовиков). В ближайшей деревне Жимшидов разыскал штаб гвардейской минометной бригады, где в это время находился генерал Воеводин. Офицер обратился к нему, попросил помочь. До окруженных частей оставалось еще километров тридцать — тридцать пять.

Воеводин принял Жимшидова по-гвардейски, усадил за стол. Потом генерал отправил офицера дальше на трофейном мотоцикле с коляской, который вел старшина-гвардеец. С трудом, часто подталкивая мотоцикл, проехали они километров пятнадцать. На дороге стояли разбитые немецкие машины, валялись неубранные трупы. В конце концов отказал и мотоцикл — Жимшидов пошел дальше пешком.

«Коридор» пришлось преодолевать то ползком, то перебежками. Только по лесу можно было идти во весь рост. Узкая длинная полоска земли простреливалась противником насквозь, с обеих сторон летели пули, а по центру били минометы. Длинной цепочкой шли солдаты, каждый из них нес по одному-два снаряда. Навстречу плелись раненые.

Штаб дивизии Жимшидов нашел возле деревни Пустошки. Его удивили царившие там спокойствие и деловитость. Командующий артиллерией, пожилой полковник, внимательно выслушал офицера и просил передать Дегтяреву, что приказ будет выполнен, артиллеристы сделают все как нужно. На его усталом, озабоченном лице появилась улыбка, когда Жимшидов передал ему горячий привет от генерала.

Здесь трудно было понять — где свои, где противник. Со всех сторон слышалась стрельба, взвивались ракеты. Только по карте, глядя на красный овал, можно было разобраться в обстановке. Полковник пожаловался на острую нехватку боеприпасов, продовольствия и махорки. Все захваченное у противника вооружение бойцы освоили и обратили против врага. Каждый снаряд был на учете.

Многое увидел Жимшидов, побывав в 256-й дивизии. Усталые, заросшие лица с воспаленными глазами, окровавленные повязки тяжело раненных бойцов, лежавших на морозе в палатках

около полковых пунктов медпомощи, партизан с немецкими автоматами, пустые кухни, в которых кипела только вода…

Обратный путь был особенно труден. Гитлеровцы стреляли беспрерывно, мешая подносить боеприпасы и продовольствие.

— Вот тут-то я и пополз — за всю войну отчитался. Приподняться невозможно, — рассказывал Сергей Сергеевич. — С перепугу то на труп, то на разбитую машину наскочу… В некоторых местах «коридорчик» не шире четырехсот метров, а ночью казалось, что и ста не будет. Ползешь вроде бы прямо на немцев. Хорошо, что по ракетам видно, где они…

Жимшидов восхищался выносливостью и мужеством наших солдат, подолгу лежавших в снегу, под огнем врага, без горячей пищи, без курева. Наиболее тяжелое впечатление у него осталось от встреч с ранеными. Одному лейтенанту с перебитой ногой Жимшидов помог выбраться из страшной горловины. Лейтенант просил отрезать ему ногу, которая держалась только на сухожилии. Но Жимшидов привязал к ноге палку, вместо шины. В дороге лейтенанту снова не повезло: осколок мины попал ему в левую руку, выше локтя.

— Ну и намучился я с ним. Пришлось тащить на спине, да еще ползком. Хорошо, что до конца «коридора» оставалось метров пятьсот. Выполз мокрый, как из парной бани. Но ничего, врачи сказали, что крестник мой месяца через три поднимется, — закончил рассказ Жимшидов.

Теперь, когда «коридор» был перерезан противником, окруженные части находились в восьми километрах от главных сил армии. Нужно было как можно быстрее пробить брешь в кольце, вызволить окруженных и развивать наступление дальше. Но подготовка к этому удару шла медленно. Попытки выполнить такую задачу одной дивизией не увенчались успехом. А сосредоточение более крупных сил тормозилось бездорожьем. К тому же основная часть войск фронта была связана боями с противником, отражала его контратаки.

Для нас, артиллеристов, самым сложным делом была в эти дни разведка. С наземных наблюдательных пунктов ничего не видно. Аэрофотографирование тоже не помогало, так как положение войск противника менялось каждый день да и погода мешала съемке. Стрельбу приходилось вести по ограниченному числу наблюдаемых целей и по площади — по районам предполагаемого местонахождения немцев. Точность такой стрельбы оставляла желать много лучшего.

На правом фланге и в центре наступление развивалось более успешно. 8 февраля войсками 54-й армии, продвинувшимися на восемьдесят километров, был взят Оредеж, затем станция

Батецкая, а 12 февраля передовые части 59-й армии во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта овладели Лугой.

Через три дня была освобождена группа полковника Козиева.

Большую поддержку войскам фронта оказывали партизаны. Мне довелось разговаривать с одним из них — молодым, лет двадцати пяти, офицером Семеном Соколюком. Во время боев 2-й ударной армии Соколюк был ранен под Любанью и оказался в тылу врага. Вместе с группой солдат он трое суток шел на юг, пока не встретил народных мстителей. У них он и остался.

Соколюк рассказал, что во время нашего наступления находился в партизанском соединении, которым командовал К. Д. Карицкий. Утром 27 января партизаны захватили станцию Передольская, намереваясь удерживать ее до подхода передовых частей 7-й танковой бригады. Во второй половине дня гитлеровцы предприняли контратаку и отбросили партизан. Но подоспевшие танкисты совместно с партизанами атаковали фашистов и овладели станцией.

На мой вопрос, где он думает дальше служить, Соколюк ответил:

— В армии, конечно. Опять роту просить буду. Как, дадут?

— Разумеется. Возможно, что и батальон доверят. А вы, пока суд да дело, письмо домой напишите. Вас ведь, наверное, пропавшим без вести там считают…

— Уже отправил. Мать у меня и двое маленьких братишек остались. Жена, когда, на фронт уходил, первенца ожидала. О себе-то я вроде и не думаю, за них волнуюсь…

Пожелав друг другу успехов, мы тепло распрощались.

После войны на одном из московских вокзалов я случайно встретил Семена Соколюка с женой и пятилетним сыном, тоже Семеном. Мать Соколюка вместе с братьями погибла, когда немцы при отступлении подожгли деревню и обстреляли жителей из автоматов. Жена в это время была на лесном хуторе, где скрывался партизанский врач, — понесла к нему заболевшего ребенка. Когда она вернулась, на месте деревни осталось одно пепелище…

В середине февраля войска нашего фронта действовали в сорока-пятидесяти километрах южнее Луги, упираясь своим левым флангом в озеро Ильмень около Шимска. Ленинградский фронт вел бои на подступах к Пскову и Струги Красные. Управление 54-й армии передало войска Ленинградскому фронту, а само сосредоточилось севернее Шимска для формирования армии нового состава.

Итак, после месячного сражения линия фронта отодвинулась от Ленинграда на сто пятьдесят — двести двадцать километров. Вражеская группа армий «Север» потерпела тяжелое поражение, остатки ее отходили в Прибалтику.

Мы вышли на широкую дорогу побед!

13 февраля по распоряжению Ставки Волховский фронт был упразднен, а его войска переданы в состав Ленинградского фронта. Возможность такого мероприятия мы предчувствовали еще в конце января. Отведенная нам полоса наступления суживалась, границы ее сходились в одной точке, в районе станции Дно. Для дальнейшего наступления нам не хватало оперативного простора. Гнать врага на запад продолжали Ленинградский и перешедший 16 февраля в наступление 2-й Прибалтийский фронты.

Мы строили различные предположения о своей дальнейшей судьбе. Мне хотелось попасть на белорусское направление, где был знаком каждый город, каждый водный рубеж. Я мечтал побывать в Слуцке. Может, мне еще удастся найти дочь?

Прогнозов было много, но не оправдался ни один из них. Наше управление погрузилось в вагоны и отправилось в далекий путь: через Вологду к Северному Полярному кругу. 27 февраля эшелон остановился на станции Сорокская, около Беломорска. Тут мы узнали, что генерал армии К. А. Мерецков назначен командующим войсками Карельского фронта.

Почти все работники управления остались на прежних должностях. Штаб артиллерии тоже не претерпел изменений.

Новый фронт, включавший в себя пять армий, отличался большим своеобразием. Он растянулся больше чем на тысячу километров — от берега Баренцева моря до Ладожского озера. Его протяженность составляла около одной трети длины всего советско-германского фронта. На машине тут в войска не проедешь. Чтобы попасть в правофланговую 14-ю армию надо было почти сутки ехать по электрифицированной железной дороге до Мурманска, а там еще сто километров по тундре. В левофланговую 7-ю армию, оборонявшуюся между Ладожским и Онежским озерами, добирались по железной дороге через Вологду до Тихвина, а потом на машине. Поездка занимала двое-трое суток. Участок этой армии был мне знаком. В тех местах я воевал с января по сентябрь 1942 года. Об остальных районах этого сурового, малонаселенного края почти не имел представления.

За полярным кругом, в полосе 14-й армии, расстилалась холмистая тундра, изрезанная озерами, короткими порожистыми реками, покрытая болотами и грядами огромных валунов.

Гигантские сугробы и незамерзающее море. Длинная полярная ночь зимой и почти не заходящее солнце в середине лета. Суровая земля со строгой, дикой природой. На многие километры тянулась непроходимая тайга.

Наши войска за всю войну здесь почти не отошли назад, и линия фронта проходила близко от нашей государственной границы. Оборона обеих сторон не была сплошной. Опорные пункты гнездились на отдельных направлениях, прикрывая пути, идущие с запада на восток к Мурманской железной дороге. Фланги на этих направлениях были открытые, они охранялись только патрулями и пограничными заставами. Имелось лишь два участка сплошной обороны: более ста километров в 7-й армии и около шестидесяти километров — в 14-й.

На правом фланге, на Крайнем Севере, нам противостояла 20-я немецко-фашистская горная армия. От Ругозера (западнее Беломорска) до Ладожского озера оборонялись Массельская и Олонецкая оперативные группы вражеских войск. За два с половиной года враг создал долговременную, глубоко эшелонированную оборону. Тут имелись бетонированные и высеченные в каменном грунте траншеи, окопы, железобетонные и гранитные доты и дзоты, врезанные в скалистые обрывы огневые позиции артиллерии. Гитлеровские военные специалисты считали такую оборону неприступной.

Едва прибыв на новое место, мы сразу взялись за изучение обстановки и сил противника на всех направлениях: на мурманском, Кандалакшском, кестеньгском, ухтинском, ребольском, медвежьегорском и свирском. Однако главное внимание было уделено полосе 7-й армии. Туда вскоре переехала оперативная группа управления фронта, чтобы подготовить наступление на этом участке.

21 июня началась полуторамесячная Свирско-Петрозаводская операция 7-й и 32-й армий, закончившаяся разгромом вражеских войск и освобождением Карелии. Едва отгремели бои на этом направлении, как основная масса артиллерии и других средств усиления была погружена в эшелоны и отправлена на Крайний Север, в 14-ю армию.

Новая наступательная операция получила название Петсамо-Киркенесской. Началась она 7 октября. За 20 дней была разгромлена вся группировка фашистских войск в Заполярье, освобождена Печенгская область и значительная территория Северной Норвегии с городами Киркенес и Нейден. После этой операции линия фронта от Баренцева моря до Финского залива перестала существовать…

Завершая год великого наступления, советские войска

освободили Румынию, Болгарию, часть территории Польши, Чехословакии, Венгрии и Югославии. Лопнул гитлеровский военный блок. Советская Армия вступила на территорию самой Германии. Фронтовые дороги вели к Берлину, к берегам Эльбы.

К сожалению, ни мне, ни моим товарищам не довелось участвовать в завершающих битвах. Долгожданный День Победы застал нас на Дальнем Востоке. Управление фронта в полном составе прибыло туда для того, чтобы подготовить и провести операцию по разгрому Квантунской армии японских милитаристов.

Я хорошо помню тот праздничный майский день. Солнце сияло особенно ярко. Трепетали кумачовые флаги, целовались на улицах люди, лились песни, прославлявшие подвиг советского народа.

Ликуй, народ, шумите, ветры Мая,
Сегодня радости предела нет!
Над всей страной — от края и до края —
Немеркнущий Победы нашей свет!

Это стихотворение красноармейца Николая Золотова, напечатанное во фронтовой газете, выражало наше общее чувство.

Но было и немного грустно. Сердце, переполненное радостью, не могло забыть тех, кто не дождался торжественного дня. Я вспоминал лейтенанта Сергея Утешева, лейтенанта Сашу Соловьева, матроса Ивана Диколенко, старшего сержанта Анисима Алехина и многих других однополчан, прокладывавших ту дорогу, по которой пришли к Берлину наши полки.

К войне с Японией мы готовились больше трех месяцев. С запада сотнями эшелонов перебрасывались войска. Прибыла 5-я армия, прибыли полтора десятка артиллерийских бригад. Граница ощетинилась тысячами орудий и минометов.

В ночь на 9 августа войска четырех армий 1-го Дальневосточного фронта прорвали японские укрепленные районы и устремились в просторы Маньчжурии. Не прошло и месяца, как под ударами трех фронтов была разгромлена миллионная армия самураев. Япония капитулировала.

Август 1945 года принес мне огромную радость. Я узнал, что моя дочь осталась жива.

И вот — долгожданная встреча!

Золотая осень. Под ногами шуршат желтые листья. Над головой, в лазоревом небе, стаи перелетных птиц… Навстречу

мне бежит девочка одиннадцати лет. Худенькая, будто молодая березка. Как знакомы мне эти ямочки на бледных щеках! А в глазах недетская серьезность. Эти глаза вместо букваря и кукол видели слишком много такого, чего не приводилось видеть и взрослым.

Все те долгие месяцы и годы, которые я провел на фронте, Римма находилась в фашистских концлагерях за колючей проволокой. Ее перевозили из лагеря в лагерь. Она осталась живой лишь потому, что о ней заботились добрые, самоотверженные люди, которые, даже обреченные на страшные муки в гитлеровском плену, отдавали тепло своего сердца чужому ребенку.

Конец войны застал Римму в Германии, в лагере около Зальцбурга. Оттуда она вместе с освобожденными чехами отправилась на восток. В одном из чешских городов она увидела наконец солдата с красной звездочкой на пилотке.

Много лет прошло с той поры. Римма уже сама стала матерью, И самое большое мое желание: пусть молодое поколение никогда не услышит сигналов воздушной тревоги, никогда не увидит тех ужасов, которые выпали на нашу долю.

Мира и счастья вам, наши дети и внуки!

В разные концы огромной Советской страны разбросала жизнь моих товарищей фронтовиков. Но не забывается дружба, скрепленная кровью. Приезжая в Москву, я наведываюсь к бывшим однополчанам: офицеру запаса инженеру С. С. Жимшидову и к профессору, доктору филологических наук А. В. Западову, преподающему теперь в университете. Встречаюсь с героем разведчиком Н. В. Чекавинским, полковниками запаса М. Л. Оспищевым, В. Д. Мазуровым и К. А. Елшиным, которые тоже живут в столице.

Некоторые товарищи по фронту до сих пор продолжают служить в Вооруженных Силах. Среди них полковники Ю. П. Забегайлов, П. В. Муштаков, В. Э. Шомоди. Служит на флоте капитан 1 ранга В. М. Соколов.

Почтальон приносит мне письма из далеких городов, Боевые товарищи делятся воспоминаниями о прошлых днях, рассказывают о своей теперешней жизни. Бывший сержант Я. Г. Рыбак стал майором и работает в Минске в Министерстве охраны общественного порядка. Майор запаса А. В. Лубянов избран трудящимися города Енисейска (Красноярский край) на пост председателя горисполкома. В Алма-Ате живет генерал-майор запаса И. Н. Бураковский. Живет и работает в Свердловске наш богатырь, ныне капитан запаса, А. Д. Зайцев. Бывший командир

орудия, ставший затем командиром взвода противотанкового дивизиона морской бригады, лейтенант запаса Н. Е. Серый трудится в тракторной бригаде в селе Михайловка, Запорожской области. Полковник запаса Д. И. Жук заведует в Бийске городским отделом торговли. Хорошо зарекомендовал себя на партийной работе в городе Сулюкта Ф. Х. Кардолиев. На берегу Тихого океана, во Владивостоке, живет моряк-артиллерист Н. Д. Артеменко. Подполковник запаса С. А. Житник уехал в Новосибирскую область. Полковник запаса Ф. И. Деревенец присылает мне письма из Львова. Полковник запаса А. Я. Данин — из Калинина. В столице Украины живет генерал-полковник артиллерии в отставке Г. Е. Дегтярев.

Многие боевые друзья, оборонявшие Ленинград, а потом громившие фашистов возле его стен, живут теперь в городе, который они отстояли от вражеских полчищ. Там трудятся капитаны 2 ранга запаса И. С. Макуров и Н. А. Понятовский. Живут в прославленном городе и капитан 1 ранга запаса Н. М. Макаров, полковники запаса Н. В. Симонов, Герой Советского Союза В. К. Лаптев и другие товарищи.

Все мы свято чтим память наших братьев по оружию, погибших в огне минувшей войны. Им не удалось увидеть победные салюты, не удалось вернуться в родные дома. Их нет среди нас. Но их подвиги, их славные дела живы и всегда будут жить в наших сердцах.

Фотоиллюстрации

С. И. Семенов

Г. В. Серов

С. П. Утешев

Я. Г. Рыбак

Ф. И. Деревенец

П. М. Бельдиев

В. Н. Туманов (снимок 1944 г.)

А. Д. Макаров (снимок послевоенных лет)

Памятник павшим бойцам и командирам 55-й стрелковой дивизии, установленный в дер. Завинье, где 24 июня 1941 г. дивизия приняла первый бой с фашистскими захватчиками. Стоят (слева направо): В. Н. Туманов, Г. И. Матвеев, Я. Г. Рыбак.

К. А. Елшин (снимок 1947 г.)

В. Д. Мазуров

И. С. Макуров (снимок 1943 г.)

В. Э. Шомоди

Н. Е. Серый (снимок 1946 г.)

А. В. Азоркин (снимок 1943 г.)

А. В. Соловьев

А. Я. Данин

И. Н. Бураковский

Н. В Чекавинский

В. М. Соколов (слева) и С. Н. Ярош

Н. М. Макаров (снимок 1943 г.)

Д. И. Жук (снимок 1955 г.)

А. В. Лубянов

И. И. Диколенко

С. А. Доронин

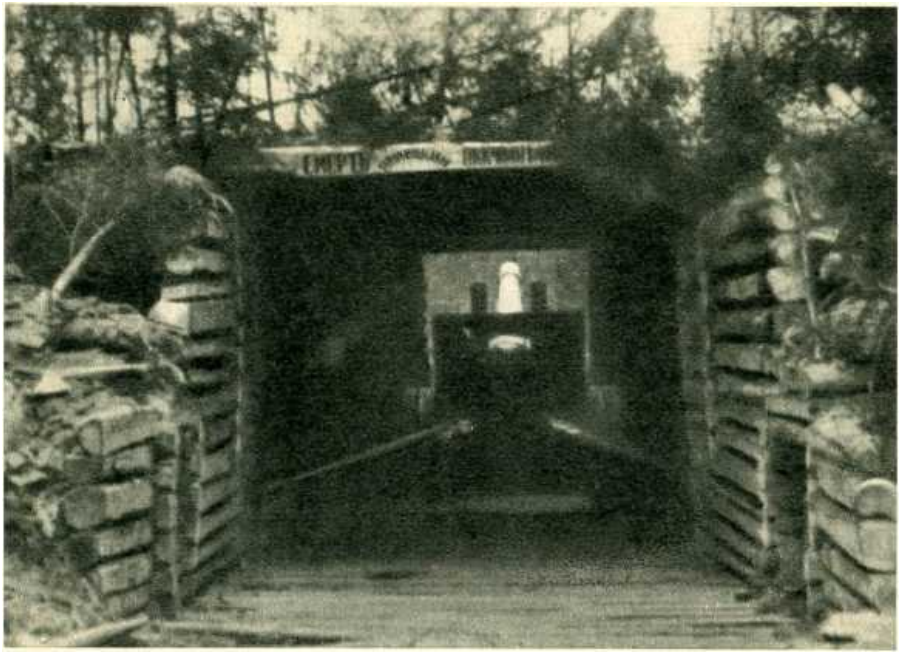
Герой Советского Союза В. К. Лаптев

Так приходилось доставлять артснаряды на передовую через заболоченные места (Волховский фронт).

Г. Е. Дегтярев

В. Н. Перлов

Еще один «способ» доставки боеприпасов на передовую через заболоченные участки (Волховский фронт).



Огневые позиции орудий на болоте (Волховский фронт).

notes

Примечания

1

Для 45-, 122- и 152-миллиметровых орудий один боекомплект соответственно составлял 200, 80 и 60 снарядов.

2

24 октября 1944 года Воропаеву было присвоено звание Героя Советского Союза. Генерал-майор артиллерии И. К. Воропаев скончался в 1948 году.

3

Орудие тогда перевозилось тремя парами лошадей, каждая пара называлась уносом (передним, средним и коренным).

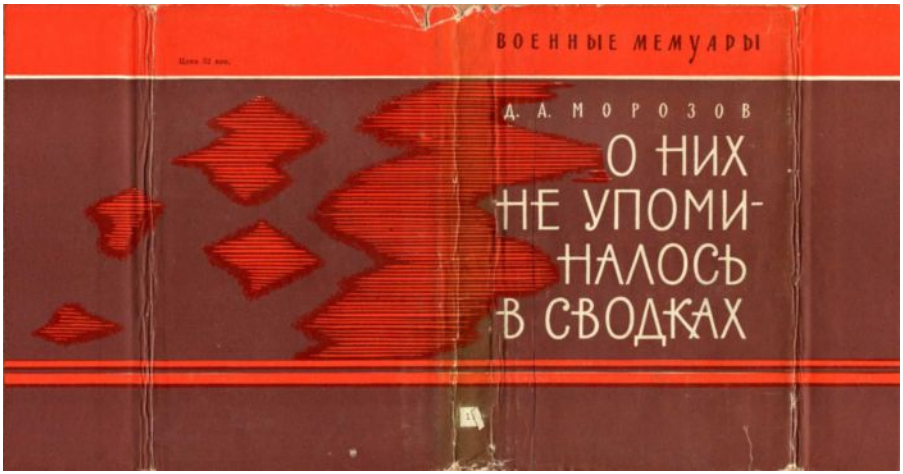
4

Аппарат высокочастотного телефонирования. Во время войны этим видом связи пользовались для переговоров открытым текстом.

Скан и обработка: krestik

Цена 52 коп.

Д. А. МОРОЗОВ • О НИХ НЕ УПОМИНАЛОСЬ В СВОДКАХ


ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ
Д. А. МОРОЗОВ
О НИХ НЕ УПОМИНАЛОСЬ В СВОДКАХ